93 1/152 Д 3 1/152

ВОПРОСЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Нахимсон, М. И.

(М. И. СПЕКТАТОР)

К ВОПРОСУ О „СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА“

(КРИТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

119

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
МОСКВА ГОСПЛАН 1926

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение

Сущность проблемы 3

Глава первая

Вопрос о характере послевоенного кризиса. Мнение Фалькнера и Гильфердинга 8

Глава вторая

Новая „философия“ послевоенного капитализма 20

Глава третья

Кейнс о кризисе в Англии 51

Глава четвертая

Варга о характере современного кризиса 59

Глава пятая

Тов. Лапинский о „новой фазе империализма“ 71

Глава шестая

К теории кризисов 97

Глава седьмая

Промышленный кризис 1920 г. 112

Глава восьмая

Отличительные черты современного кризиса 125

Глава девятая

К вопросу об аграрном кризисе и об европейском рынке . . . 145

Глава десятая

Итоги и перспективы 171

Приложение

Таблицы 185

— Напечатано в Севастополе —
во 2-й Государствен. типографии
„Крымполиграфтреста“ в колич.
3000 экземпляров. Зак. № 1380.
Уполном. Крымлита № 149.

ГОСУД. Р. СО. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 52051
14-IV-1926.
БИБЛИОТЕКА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа по вопросу о „стабилизации капитализма“ имеет целью дать критический анализ некоторых высказанных по этому поводу мнений.

При исследовании проблем послевоенного капитализма приходилось сталкиваться с двумя взглядами, которые мы считаем неправильными. Одно течение считало послевоенный кризис совершенно однородным по существу с остальными капиталистическими кризисами, полагая, что он укладывается в общую схему „конъюнктурных циклов“ и „восстановительных процессов“ и преодолевается самим дальнейшим развитием капитализма. Другое течение утверждало, что послевоенный капитализм попал в безвыходное положение, из которого он вообще не в состоянии выбраться. Однако, отмечая временные улучшения конъюнктуры, заговорили о „стабилизации“, о „новой фазе“ капитализма...

Исходя из положения, что война и послевоенные годы качественно изменили структуру капиталистического хозяйства, я в ряде статей в течение последнего года пытался выяснить основные моменты, отличающие современное развитие от довоенного, и те выводы, которые отсюда вытекают.

При этом пришлось в самых общих чертах высказать свое понимание теперешнего кризиса и перспектив дальнейшего развития. С этой целью я коснулся теории кризисов и основных отличительных черт современного кризиса.

Конечно, выяснение характера современного кризиса требует гораздо более глубокого и детального анализа послевоенного капитализма. Мы надеемся дать такой анализ в третьем томе нашей работы по мировому хозяйству. Здесь мы ограничиваемся только критикой чужих мнений и излагаем свой взгляд лишь постольку, поскольку это необходимо для уяснения нашей исходной точки зрения. Отмечая основные спорные или недостаточно уясненные моменты в теории кризисов или в характеристике современного положения капитализма, я рискую, конечно, быть плохо понятым.

Теоретическая и положительная часть нашей работы покажется, вероятно, недостаточно обоснованной. Но, поскольку проблема „стабилизации капитализма“ стала актуальной, постольку даже полуответ на нее необходим: нельзя спокойно проходить мимо разгоревшейся дискуссии и дожидаться, пока возможно будет на основании огромного, все увеличивающегося материала дать более глубокий и более полный ответ.

Проблема „конъюнктуры“ для нас не праздная и не только чисто теоретическая, а глубоко революционная. С тех пор, как Маркс и Энгельс установили связь революционного движения с „колебаниями конъюнктуры“, мы следим за ними, как врач следит за пульсом больного. Правда, новейшая „конъюнктурная теория“ говорит, что революционные движения совпадают как раз с периодами промышленных подъемов. Но мы и в этом вопросе остаемся с Марксом и видим в попытках представить послевоенный кризис законченным, а мировое хозяйство „восстановленным“, развивающимся и т. д.—не борьбу за дальнейшее развитие революции, за победу пролетариата в капиталистических странах, а нечто совсем другое: обывательскую боязнь перед грядущей новой волной революции со всеми ее потрясениями и „растратами трудовых сил“.

Выяснению теперешней „конъюнктуры“ и вопросу о том, вернулся ли капитализм в свое старое довоенное русло, и служит наша работа, поскольку это можно сделать в полемической форме, критикуя своих противников.

М. СПЕКТАТОР

Москва, 15 февраля 1926 г.

СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

(ВВЕДЕНИЕ)

ВВЕДЕНИЕ

СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

„Стабилизация капитализма“,—вот то новое слово, которое в течение последних лет часто слышишь от теоретических исследователей и практических деятелей современной жизни. О стабилизации говорят и защитники современного строя, и те, которые борются против него, и социал-демократы, оправдывающие свое позорное предательство интересов рабочего класса ссылкой на „упрочившийся“ капитализм, и, наконец, те из коммунистов, которые ищут новых путей и новых методов борьбы.

Стабилизация капитализма... Последние два десятка лет перед войной капитализм пережил „эпоху бури и натиска“, сильнейшего подъема, но и сильнейших кризисов, постоянных социальных и политических потрясений. В хозяйственной области наблюдались чрезвычайно быстрая смена способов производства, огромный рост производительных сил, обостреннейшая борьба за рынки, погоня за новыми источниками сырья, переброска капитала в отдаленнейшие углы земного шара, возникновение новых промышленных центров и появление совершенно новых отраслей производства. Все это сопровождалось сильнейшими судорогами всего капиталистического организма, выражавшимися, с одной стороны, в нарастании революционного движения рабочих капиталистических стран и брожении в аграрных странах Европы и в колониях, с другой стороны—в сгущении общеполитической атмосферы и назревании конфликта между крупными мировыми державами.

Мировая война не явилась грозой, очищающей атмосферу. Она, наборот, еще более сгустила грозные тучи на политическом горизонте, вызвала небывалые в истории социальные конфликты и провела глубокие трещины во всем здании капитализма. Противоречия, заложенные в самом характере капиталистического производства, обострены ею до крайних пределов. Диспропорциональность отдельных областей народного хозяйства доведена до максимума, противоречие между производительностью труда и покупательной силой масс населения до крайности углублено, реальная заработная плата упала, огромная часть Европы разорена. Недостаток капитала, выражающийся в высоком проценте на ссудный капитал, огромная задолженность государств и связанное с ней чрезвычайно тяжелое налоговое бремя затрудняют накопление капитала, дальнейшее развитие и расширение воспроизводства.

Вместе с тем произошла новая перегруппировка мировых рынков. Возникли новые конкуренты, развились новые страны, а старые или создали у себя новые отрасли промышленности и не нуждаются больше в тех продуктах, которые они раньше приобретали за границей, или оказались не в состоянии покупать иностранные товары, не имея чем платить за них. Из года в год мы переживаем кризисы, огромную безработицу, социальные столкновения, напряженные, но тщетные попытки буржуазных государств выбраться из трясины, в которой застряла колесница послевоенного капитализма. И вдруг оказывается, что этот послевоенный капитализм, этот больной, которому многие (не только коммунисты, но и Каутский)[1] предсказывали близкую смерть, этот капитализм „стабилизируется“...

---

[1] „Война может“,—писал Каутский зимой 1917 года в „Die Sozialisierung der Landwirtschaft“—„если она долго еще будет продолжаться, закончиться так, что почва, на которой стоит капитализм, будет глубочайшим образом потрясена и пролетариату откроется путь к власти“. После русской революции и Каутский стал говорить о возможности социальной революции.

Что может сие означать?

Оговоримся, прежде всего, что никто из марксистов не берет этого термина в абсолютном смысле слова. Все мы прекрасно знаем, что „стабилизированного“ капитализма вообще нет и быть не может [2].

„Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, а следовательно, и в отношениях производства, а следовательно, и во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старого способа производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших“. (Коммунистический Манифест).

Что капитализм не „вечен“, даже не „стабилен“, какими были предшествовавшие периоды, с этим охотно соглашаются теперь и некоторые буржуазные профессора, которые кое-чему научились у Маркса. Но что теперешнему капитализму суждено еще многие лета здравствовать, это — их твердое убежденне. В противоположность этому мнению защитников капитализма, многим нашим товарищам казалось сначала, что с наступлением или с окончанием войны должен рухнуть капиталистический строй. Когда разразился небывалый в истории по своей глубине и широте промышленный и сельско-хозяйственный кризис, это мнение укрепилось: казалось, что капитализму в самом деле пришел близкий конец, что кризис будет усиливаться до тех пор, пока капитализм не развалится совершенно. Однако, очень скоро стало очевидно, что, как давно уже отметил Ленин, перманентных кризисов и безвыходных положений не бывает. Кризис сменился промышленным застоем, далее некоторым оживлением, которое, однако, то-и-дело прерывается новыми кризисами. При первых симптомах оживления капитализма оживают у его защитников надежды на возвращение „доброго старого времени“; отсюда началась полемика о характере послевоенного капитализма. Имеем ли мы дело с конвульсивными судорогами предсмертной агонии, или с только обычными „конъюнктурными колебаниями“? Приходит ли капитализм все больше и больше в упадок, или он крепнет и процветает? Или, быть может, мы имеем новую своеобразную фазу развития капитализма, еще недостаточно осознанную?

---

[2] В своем докладе, прочитанном 25 мая 1925 г. в клубе плановых работников Госплана СССР („Плановое Хозяйство“ № 6, 1925 г.), тов. Варга совершенно справедливо говорит, что термин „стабилизация“—не марксистский, конечно, и не ленинский. После этого он дает этому термину такое определение: „Для упрочения (укрепления) известной общественной формы следует употреблять термин „стабильность“, а в смысле процесса укрепления и также для обозначения того укрепления, которое мы рассматриваем, как преходящее состояние,—термин „стабилизация“. Затем тов. Варга берется доказать, что в капиталистическом обществе нет абсолютной стабильности, и противопоставляет капиталистическому способу производства абсолютную стабильность социальных условий в азиатских теократических государствах. Но разве кто-нибудь говорит теперь об абсолютной стабильности хозяйственных и социальных отношений, которая на самом деле никогда в истории не бывает?

В последнее время, в виду целого ряда политических побед капитализма над рабочими на внутреннем фронте, в особенности после неудачи революционных выступлений германских рабочих осенью 1923 года и порабощения побежденных стран (план Дауэса), многие, которым раньше казалось, что вот-вот настанет конец капитализму, заговорили о „стабилизации“ политических, социальных и даже экономических условий развития послевоенного капитализма.

Но о какой же „стабилизации“ идет речь? Ясно, что дело идет только об относительной стабилизации хозяйственных и социально-политических отношений. И довоенный капитализм переживал эпоху постоянных и резких „переворотов в орудиях и отношениях производства“, и, следовательно, во всех общественных отношениях. Но после тех неимоверно глубоких и тяжелых потрясений, которые мы пережили после войны, довоенные отношения кажутся идеально „стабильными“. И когда речь идет о „стабилизации“ капитализма, обычно имеют в виду возвращение капитализма в старое, предвоенное русло, приобретение им той относительной стабильности и того относительного „равновесия“ (хозяйственного и политического), которым якобы отличался довоенный капитализм. То обстоятельство, что довоенный капитализм привел и не мог не привести к мировой катастрофе, при этом не учитывается. Ведь, прошли же десятки лет без войн. Почему немыслимо теперь относительно спокойное и мирное развитие капитализма? Итак, вопрос заключается в том, возвращается ли современный капитализм к своему довоенному состоянию относительной стабильности, или послевоенный капитализм обладает специфическими свойствами, делающими его положение более шатким, менее стабильным, менее прочным по отношению к напору революционных сил.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ ПОСЛЕВОЕННОГО КРИЗИСА. МНЕНИЕ ФАЛЬКНЕРА И ГИЛЬФЕРДИНГА

О том, что капитализм возвращается в свое прежнее довоенное русло, впервые возвестили, если не ошибаюсь, профессора Кондратьев и Фалькнер. Кому из них принадлежит в этом отношении приоритет, не решаемся сказать. Мы здесь остановимся на Фалькнере, который посвятил вопросу о развитии послевоенного капитализма много работ. Правда, это почти одна и та же работа, появившаяся во многих изданиях и под различными названиями.

В своей статье „Пути развития промышленного кризиса“, напечатанной в „Вестнике НКВТ“ (№ 1, 1922), Фалькнер уже пытается дать „философию“ современного кризиса. Тут мы уже находим деление послевоенного хозяйственного развития на три периода: на кризис перепроизводства 1919 года (который на самом деле был только кризисом недопроизводства в различных областях народного хозяйства, товарным голодом или кризисом диспропорциональности разных частей народного хозяйства), на „подъем реконструкции“ (конец 1919 и начало 1920 г.) и на „кризис перепроизводства“ 1920/21 г., который явился результатом окончившегося процесса восстановления производительных сил (уже в 1920 г.! *Сп.*), столкнувшегося с фактором невосстановленности товарного спроса.

Итак, причина кризиса лежит в отсутствии „товарного спроса“,—но со стороны какого класса? Отсутствие спроса объясняется „обнищанием широких масс населения за время войны“. Момент обнищания Центральной и Восточной Европы не играет, по мнению Фалькнера, роли, так как экспорт якобы не имеет большого значения для хозяйства Америки. Но, ведь, им в значительной мере определяется, например, уровень цен на хлеб и другие сельско-хозяйственные продукты Соединенных Штатов, а следовательно, и покупательная способность сельского населения. Проблема аграрного кризиса почти совершенно не затрогивается Фалькнером; а между тем, падение цен в Соединенных Штатах начинается раньше всего с сельско-хозяйственных продуктов, точнее—с продуктов скотоводства. (Смотри таблицу в конце книги). При анализе современного кризиса упускать из виду этот момент или считаться с ним исключительно, как с побочным фактором, значит—не понимать ни аграрного, ни промышленного кризиса.

Но Фалькнер такого высокого мнения о своих теоретических открытиях, что он даже не считает нужным считаться с теорией кризисов Маркса. При анализе современного кризиса он даже не пытается применить эту теорию к объяснению его. Более того, теория Сисмонди, объясняющая кризис недопотреблением народных масс, против которой выступили и Маркс и Ленин, принимается им для объяснения теперешнего кризиса без упоминания о критике ее Марксом и Лениным.

Но, может быть, на самом деле прав Фалькнер, а не старик Маркс? Однако, на поверке оказывается, что критика Маркса теорий Сисмонди и Родбертуса совершенно опровергает в данном случае теорию Фалькнера. Теперешний кризис начинается как раз в тот момент, когда реальная заработная плата, по „вычислениям Фалькнера“, стояла выше всего, именно в мае 1920 года, когда она выражалась цифрой

108,4 (июнь 1914 г.—100). С другой стороны, заявить, что во время кризиса поднялась покупательная способность масс населения, ссылаясь на рост „реальной“ заработной платы, по меньшей мере, весьма странно. На это указал уже тов. Осинский.

Фалькнер определяет реальную заработную плату, деля номинальную заработную плату на индекс цен предметов продовольствия. В литературе много раз указывалось на неправильность этого метода определения реальной заработной платы, метода, выгодного исключительно для предпринимателей. Стоит только указать на то, что потребление продуктов продовольствия составляет 36,4—50,8% дохода американской семьи, чтобы ясно стало, что изменение цен исключительно на съестные припасы далеко еще не определяет действительного изменения реальной заработной платы. Различные группы рабочих тратят на них различную часть своего дохода, во всяком случае, только немногим выше половины. Следовательно, необходимо еще принять во внимание цены на другие предметы, в первую очередь,—квартирную плату, цены на одежду, обувь и т. д. Затем важно изменение, которое произошло за время и после войны в составе рабочих бюджетов, и т. д. Но мы здесь не анализируем этого вопроса, а только констатируем теоретическую несостоятельность такого объяснения кризиса.

Вся эта статистика весьма характерна для методов работы Фалькнера: 1) нет указания источников, откуда он берет свои данные, чтобы произвести впечатление самостоятельного „исследования“; 2) данные неточны; 3) самое главное—результат сознательно прикрашен. Проверим его данные за 1921 год, и мы легко убедимся, что повышения реальной зарплаты за этот год не произошло („Survey of Current Business“ ноябрь 1922 г., стр. 142 и 144):

1921	Номинальная зарплата в Штате Нью-Иорк по Ф.	Номинальная зарплата в Штате Нью-Иорк по офиц. дан.	Реальная зарплата по Ф.	Реальная зарплата при исчисл. по индексу прожит. минимума
Январь	217	217	124,7	119,88
Февраль	211	214	131,2	121,59
Март	212	218	134,1	128,96
Апрель	206	208	135,5	123,89
Май	204	201	139,7	121,08
Июнь	203	196	140,0	120,98
Июль	199	189	133,6	115,95
Август	201	190	128,0	117,28
Сентябрь	198	194	127,7	117,57
Октябрь	193	195	124,5	118,29
Ноябрь	191	193	124,8	118,90
Декабрь	196	198	129,8	121,17

Ясно, что никакого улучшения реальной зарплаты не произошло. Если взять средние годовые цифры, то мы имеем выплату в 1920 г. в 281, а в 1921 г.—в 241, в то время как прожиточный минимум упал с 198 до 167, так что реальная зарплата составляла 142 и 144. Улучшение незначительное!

Далее, в это время Соединенные Штаты переживали небывалую безработицу. Министр труда Дэвис, по словам Фалькнера, определяет число безработных цифрой в 5,73 млн. чел. Фалькнер—по неизвестным причинам—предпочитает верить Гуверу, который уменьшил это число до 3,2 млн. Кроме того, Фалькнер сопоставляет число безработных со всем числом занятых в производстве, с самодеятельным населением, включающим и собственников, фермеров и т. д.! Далее, несмотря на то, что подсчет Дэвиса относится к промышленности и торговле, транспорту и домашней прислуге, Фалькнер противопоставляет этому числу и тех, которые заняты еще и в сельском хозяйстве, где самодеятельного населения числилось почти 11 миллионов. Так пишут историю современного кризиса!

На самом деле, в Соединенных Штатах не 41 млн. рабочих, а всего 33 млн., при чем в сельском хозяйстве их 5,45 млн., так что на промышленность и т. д.

приходятся 27,55 млн.; от всего числа всех рабочих 5,7 млн. составляет приблизительно 17%, от промышленных и т. д. рабочих—20%.

Если принять во внимание, что и в Англии число безработных членов профсоюзов доходило до 23% и что, по словам самого же Фалькнера, кризис в Соединенных Штатах был, по меньшей мере, не слабее, чем в Англии, то цифра 5,7 (или 17—20% всех рабочих) должна была и Фалькнеру казаться гораздо более правдоподобной, чем цифра 3,2, которую привел Гувер; можно даже сказать, что, вероятно, число безработных было гораздо значительней, чем 5,7 млн. Во всяком случае, безработица, охватившая 17 или 20% всего рабочего населения, должна была значительно уменьшить фактическую реальную заработную плату всего рабочего класса и вместе с тем его покупательную способность, несмотря на то, что реальная выплата в одном штате (Нью-Иорк) не уменьшилась. Отсюда совершенно ясно, что нельзя говорить о том, будто создалась новая почва для дальнейшего развития внутреннего рынка и увеличилась покупательная способность рабочего класса. Если еще принять во внимание огромный кризис сельского хозяйства, продолжавшийся и в течение 1921 г. и затронувший не только рабочих, но и фермеров, то надо прямо удивляться смелости Фалькнера, говорящего о росте внутренней покупательной способности в Америке именно в этом году.

Но чем же все-таки объясняется тот факт, что падение цен на хлопчатобумажные изделия приостанавливается осенью 1921 года и что в этой области замечается некоторое улучшение? Объяснение этого факта мы найдем, если вспомним, что сбор хлопка упал с 13,27 до 7,98 млн. кип, что должно было само по себе вызвать повышение цен на хлопчатобумажные изделия. Далее, если сопоставим движение цен на хлопчатобумажные изделия и на другие продукты, то окажется, что в момент наивысшего уровня товарных цен, к концу марта 1920 года, цена на хлопчатобумажные ткани и материи (мы говорим об Англии, по отношению к которой у нас имеются подробные данные для характеристики движения цен, приводимые „Экономистом“, при чем за довоенный уровень берется средняя цена за годы 1901—1905) превысила довоенный уровень *больше, чем в семь раз* (45 *шиллингов против* 6 *шилл.* 6 пенсов)[1]. Между тем, общий уровень цен за это время увеличился всего в 3,8 раза. Цена на хлопчатобумажные изделия, по причинам, о которых мы не можем здесь распространяться, далеко опередила общий уровень цен. Когда наступил кризис, падение цен в этой области было тоже гораздо более сильным, чем в других областях, и до августа 1921 года цены понизились до 16 шиллингов и 3 пенсов (за 8¼ фунт.), т.-е. понизились больше, чем в три раза, между тем как общий уровень цен упал всего с 380 до 219 (средняя цена за 1901—1905 г.—100), т.-е. понижение общего уровня цен составляло всего 42% по сравнению с высшим уровнем. Таким образом, в августе обший уровень цен на хлопчатобумажные изделия приблизился к среднему уровню всех товарных цен (2,5 и 2,2), вследствие чего и оказался на рынке известный спрос на хлопчатобумажные изделия. Но на самом деле характер кризиса определяется отнюдь не кризисом хлопчатобумажной промышленности, а кризисом в области производства средств производства, о чем речь будет впереди. Поэтому и улучшение в области хлопчатобумажной промышленности еще не свидетельствует о переломе в общем характере промышленного развития. Отметим еще, что цены на металл и продукты металлообрабатывающей промышленности фактически начинают падать почти одновременно с ценами на продукты хлопчатобумажной промышленности, как мы видим из приводимой в конце таблицы движения цен на важнейшие продукты в Америке. Следовательно, в этих обеих областях кризис начинается одновременно. С другой стороны, цены на материи испытывают в начале 1922 года новое понижение, в то время как цены на металлы с 1922 года испытывают слабый подъем, как видно из следующих данных.

---

[1] В С.Штатах цены на хлопчатобумажные материи продолжали фактически, с некоторыми колебаниями, падать до первой четверти 1922 г.

Годы:	Индекс цен на материи и платья [1]	На металлы и металл. изделия
	1913 — 100	
1920		
1 квартал	343	187
2 „	326	202
3 „	284	201
4 „	227	176
1921		
1 квартал	189	147
2 „	174	136
3 „	174	119
4 „	180	114
1922		
1 квартал	174	114
2 „	175	117
3 „	181	124
4 „	191	123
1923		
1 квартал	199	140
2 „ . . .	201	151
3 „	196	144
4 „	201	142
1924		
Январь	200	142
Декабрь	191	133

Отметим еще, что Фалькнер — сторонник версии буржуазных количественников, согласно которой уровень цен определяется количеством обращающихся в стране денег, независимо от того, с каким обращением — бумажным или золотым — мы имеем дело. В Америке продолжало все время существовать золотое обращение и поэтому сопоставление уровня цен с уровнем обращающихся денежных масс для Америки может быть сделано только с точки зрения именно буржуазной количественной теории.

---

[1] Эти данные, взятые из Commerce Year Book за 1923 и 1924 гг., стр. 59 и 66, несколько отличаются от приведенных в таблице к концу книги.

Мы не считаем нужным разбирать здесь эту теорию, отсылая интересующегося этим вопросом читателя к нашей работе „Валютные реформы на Западе“. Мы только считаем нужным отметить неправильность утверждения Фалькнера, что кризис не может быть вызван моментами, лежащими на стороне денег, так как-де он начался еще в то время, когда продолжала расти эмиссия. В данном случае речь идет не о простом сопоставлении между количеством обращающихся бумажек на рынке и товарными ценами, а о кредитной инфляции или дефляции, т.-е. о расширении кредитования промышленности или о сокращении его. При более глубоком изучении этого вопроса Фалькнер натолкнулся бы на тот факт, что уже в марте месяце в Америке сильно сокращаются кредиты, даваемые промышленности. Общая сумма векселей и т. п. обязательств, учтенных членами федерально-резервной системы, равно как и акцептов, проданных на свободный рынок, и ссуд, выданных под залог облигаций Соединенных Штатов, нарастала вплоть до марта 1920 года, когда она составляла 8,77 миллиарда долларов; после этого она сокращается и в мае составляет всего 6,45 миллиарда, затем несколько повышается и достигает в ноябре 8,7 миллиарда, а в декабре — 10,7 миллиарда долларов. Таким образом, только конец года показывает некоторое новое повышение количества учтенных векселей и т. д., что, главным образом, связано с кредитами, оказанными сельскому хозяйству и отчасти, повидимому, загранице на разные заказы. Следовательно, заявление буржуазных экономистов, что кризис связан с дефляцией, имеет под собой известную почву. Но само собой разумеется, что само это сокращение кредитов вызвано не злой волей банков и не желанием государства во что бы то ни стало прекратить инфляцию, а совершенно иными моментами, а именно—начавшимися уже потрясениями рынка, которые выразились, между прочим, в падении цен на сельско-хозяйственные продукты. Падение же цен на сельско-хозяйственные продукты началось гораздо раньше, чем промышленный кризис, и вызвало сильное расстройство среди банков, связанных с сельским хозяйством. Происходит общая заминка в сбыте; хотя невыполненные заказы стального треста еще растут, но значительно замедленным темпом, что заставляет банки быть сдержаннее в своих кредитах; к этому присоединяется то обстоятельство, что американское правительство, стремясь понизить бремя налогов, прекратило свои кредиты европейским странам. „Все бремя финансирования европейских закупок“, говорит Нурс, „пало на плечи экспортеров и их банкиров. Но... эти кредиты, оказываемые экспортерами, достигли к середине 1920 года огромных размеров, и становилось очевидным, что Европа не в состоянии будет платить по этим обязательствам, когда наступит срок их платежа“ [1]. Это обстоятельство заставило прекратить кредиты для того, чтобы спасти положение банков, втянутых в общий поток разлившихся по стране банкротств. В январе 1920 года мы имеем банкротств на 7 млн. долл., в апреле—уже на 13,2 млн. долл., в июле—на 21,9 млн., в октябре—на 38,9 млн. долл.

Итак, ни теоретическое объяснение кризиса, ни характеристика развития его, ни указанные Фалькнером моменты, которые должны были вызвать новый подъем, не соответствуют действительному положению вещей, не говоря уже о том, что они теоретически совершенно бессодержательны.

Крупный теоретик Гильфердинг тоже пытался дать теоретическое обоснование „стабилизации капитализма“.

---

[1] „Американское сельское хозяйство и европейский рынок“, изд. „Плановое Хозяйство“, стр. 82.

В статье, напечатанной в „Freiheit“ от 1 января 1922 г., Гильфердинг говорит о том, что война и революция вызвали, с одной стороны, перемещение хозяйственного и политического центра и затем изменение методов борьбы различных капиталистических стран между собою.

Капиталистическое хозяйство знает два средства увеличения прибыли: или уничтожение конкурента, или объединение конкурентов для совместной эксплоатации потребителей. Чем дальше идет развитие капитализма, чем выше в стране капитал, чем большая доля капитала приходится на основной капитал,—тем опаснее конкурентная борьба для обеих сторон, тем неопределеннее исход ее, тем больше стараются избегнуть конкуренции путем образования промышленных объединений, преодолеть анархию путем организации. То же самое Гильфердинг видит в области мировой политики, где создалось „англо-американское сотрудничество“. Англия и Америка объединились между собой для борьбы против Китая; мало того, этим путем Англия надеется преодолеть и кризис капитализма и хаос, созданный войной.

В этой статье мы имеем попытку обоснования нашумевшей в последнее время теории наступления „пацифистского периода развития капитализма“ и „англосаксонского сотрудничества“. Беда только в том, что о подобном сотрудничестве в политической области между Англией и другими государствами можно было говорить всякий раз, как Англия объединялась с той или другой европейской страной для борьбы против третьей. Одно время Англия стремилась к объединению с Германией против России и Франции; когда Германия отказалась от этого, желая самостоятельно бороться за мировую власть, Англия сблизилась с Францией для борьбы против Германии. Такие временные соглашения столь же мало похожи на пацифизм, как знаменитое предложение Николая II о разоружении народов, и столь же бессильны уничтожить те противоречия, которые заложены в самом характере капиталистического производства и которые пробиваются тем с большей силой, чем дольше они скрываются или задерживаются.

Отчасти из желания получить финансовую поддержку Америки, отчасти желая оказать давление на Францию, ставшую после войны наиболее могущественной страной в Европе, Англия временно сблизилась с Америкой, чтобы этим путем добиться усиления своего положения на европейском континенте. Но нет сомнения в том,что основное, реальное противоречие лежит в борьбе из-за рынка, из-за мировой власти именно между Соединенными Штатами и Англией. Борьба между ними стоит на очереди дня в эпоху послевоенного капитализма. Точно так же чрезвычайно сомнительна мысль Гильфердинга, что возможны мировые тресты, регулирующие производство целых стран. На самом деле таких трестов нет и образованию их противоречит сама сущность трестов, которые не могут примириться с продолжительным сокращением своего производства в результате раздела международных рынков, так как это вызвало бы неполную нагрузку их предприятий и повышение себестоимости и, кроме того, сделало бы невозможным производственное применение их освобождающихся капиталов[1].

Временное объединение для сбыта отдельных продуктов или ряда продуктов возможно, но поскольку такие предпринимательские объединения ограничены строго определенными рамками, постольку они не в силах устранить заложенные в капиталистической системе противоречия, непосредственно вытекающие из анархии производства и стремления капитала к безграничному расширению. Это ясно сказалось на примере картелей и трестов, оказавшихся не в состоянии устранить конкурентную борьбу внутри страны, организовать производство и преодолеть или хотя бы только ослабить влияние кризисов на народное хозяйство в целом.

---

[1] См. об этом в нашей работе „Мировое Хозяйство“, т. I, стр. 83.

Так, перед войной мы переживали все обострявшиеся, а по мнению некоторых, и учащавшиеся кризисы, несмотря на организацию промышленности путем трестов и картелей. Следовательно, в еще меньшей степени подобные международные тресты были бы в состоянии, если бы такие были организованы, предотвратить хозяйственный развал и политические конфликты, вытекающие из анархии производства и конкурентной борьбы.

Прибавим еще, что до сих пор не только не удалось образование новых трестов в международном масштабе, но что даже еще не восстановлены многие старые тресты, например, объединение пароходных обществ и т. д.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОВАЯ „ФИЛОСОФИЯ“ ПОСЛЕВОЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

29 августа 1925 г. проф. Фалькнер прочел в президиуме Госплана доклад, напечатанный в № 10 „Планового Хозяйства“. В том же номере появился мой ответ под заглавием: „Сказка про восстановительные и деградационные процессы“. Последовавший в № 11 того же журнала ответ Ф., полный личных выпадов, способен произвести впечатление какой-то личной перебранки. Однако, я до сих пор, ведь, не выступал против довольно частых публицистических упражнений Ф., и если в данном случае счел необходимым выступить, то лишь потому, что положения доклада не могут не вызвать резкого отпора у всякого марксистски мыслящего читателя. В туманных, высокопарных выражениях высказана определенная апология капитализма и объявлена борьба против классовой борьбы и революции. Так оценили доклад и тов. А. Айзенштадт и тов. Варга в том же 11 номере „Планового Хозяйства“. Теперь, после „ответа“ Фалькнера, его позиция выяснилась с несомненностью. Так, в ответ на наше указание, что он не принимает во внимание социальные моменты, Ф. пишет следующее: „Обострение внутренних противоречий между отдельными группами социального комплекса приводит к отвлечению трудовых сил от процесса производства и к растрате их в процессе междугрупповой борьбы“. Тут „учеными“ словами выражено осуждение классовой борьбы, приводящей „к отвлечению трудовых сил“, и гражданской войны и революции, немыслимой без „растраты трудовых сил“... Эта песня нам хорошо знакома: на Западе

приходится ее слышать довольно часто. Неудивительно, что наша критика доклада Ф. приняла резкий полемический характер.

Если Ф. отвечает на это бранью, то он этим нас не удивил: это обычный прием буржуазных противников марксизма. Для буржуазных профессоров наука, это — они. Ведь, еще на-днях проф. Г. Дельбрюк назвал К. Маркса „шарлатаном в науке“. Если отвлечься от самомнения и мания величия молодых приват-доцентов, то обнаружится, что в этой борьбе кроется определенный социальный смысл. По существу вопрос сводится к тому, научен ли марксистский метод исследования, создал ли Маркс научный социализм. Конечно, буржуазные „ученые“ не могут этого признать, ибо тогда им пришлось бы согласиться с преходящим характером капитализма, с неизбежностью победы пролетариата. Как же тогда обосновать „динамические“, „восстановительные“ и т. п. процессы в капитализме? Вот почему для них марксизм — не наука, материалистическое миропонимание — шарлатанство, а сторонники его — ничего не „смыслящие“, „не способные“, к „науке“ никакого отношения не имеющие „журналисты“. Вот почему у нас нет никакой охоты вести с Ф. спор насчет степени „учености“.

В примечаниях мы даем только краткий ответ на то, что есть еще „существенного“ в его возражениях...

Изучение развития мирового хозяйства должно дать нам ответ на основной социально-политический вопрос: куда мы идем? Закончился ли на самом деле острый революционный период, начавшийся вместе с мировой войной и достигший своего первого кульминационного пункта в первые годы после войны, или мы имеем дело с временным перерывом, который, быть может, — только затишье перед новой бурей? Далее, следует ли считать, что общее развитие мирового хозяйства после войны возвращается в старое русло, из которого оно было выбито войной, или оно нашло себе новые пути, которые еще недостаточно очерченно выступают перед нами? Наконец, имеем ли мы дело с повышающейся конъюнктурой и характерной для нее погоней за источниками сырья (концессиями), или капитализм еще не выбрался из послевоенного кризиса сбыта и следует поэтому ожидать все обостряющейся борьбы из-за рынков?

В своем докладе проф. Фалькнер остановился почти исключительно на вопросе о том, „восстанавливается“ ли мировое хозяйство. Но, прежде чем перейти к разбору доклада Ф., небезынтересно привести мнение одного немецкого экономиста по этому вопросу. D-r А. Шиндлер („Die Agrarkrise in den Vereinigten Staaten und der europäische Markt, Berichte über Landwirtschaft“, Bd II, Heft 2) говорит:

„В понятном стремлении массы вернуться к довоенным условиям весьма легко забывают, что война вызвала во многих отношениях не только перерыв, не только застой в теперешнем развитии, но и изменение путей хозяйственного развития, в значительной мере создала даже основы совершенно новой возможности развития. Еще слишком мало осознали и оценили эти последние моменты. Иначе не говорили бы о „восстановлении“, а следовало бы говорить о „перестройке“ („Neuaufbau“)...

И на самом деле, немецкая публицистика говорит теперь почти исключительно о „перестройке“. А проф. Ф.?

Фалькнер начинает с общего теоретического введения. Уже при самом поверхностном знакомстве с этим докладом бросается в глаза, что Ф. говорит не о капиталистическом хозяйстве, а просто о мировом хозяйстве, управляемом новыми „законами“ [1], которые излагаются им тут же. Далее, если многие думали, что послевоенный капитализм переживает тяжелый кризис, из которого он еще не выбрался, то по Фалькнеру выходит, что речь идет о „конъюнктурных отклонениях“ и что весь вопрос сводится к тому, от какого уровня произошло это отклонение. И только. Если мы думали, что огромными усилиями советской власти удастся кое-как наладить наше хозяйство и поставить его на „восстановительные рельсы“, то теперь мы узнаем, что это „естественный“ закон всякого послевоенного хозяйства, независимо от его социального содержания. Как будто и в капиталистическом хозяйстве имеются сознательно и планомерно действующие силы в направлении восстановления военных разрушений...

---

[1] Отвечая нам, Ф. заявляет, что это не „законы“, а только типы развития, динамические процессы, которые охватывают понятия целой группы существенных явлений. Однако, законы социально-

Фалькнер заявляет: „Передо мной стоит крайне трудная и ответственная задача — в рамках одного доклада дать анализ эволюции всего мирового хозяйства за весь послевоенный период“. „Трудности“, говорит он далее, „заключаются в том, чтобы дать обобщение разнообразным явлениям“. Однако, автор легко справился с этими обобщениями, установив следующие законы развития послевоенного хозяйства: надо всем господствуют процессы деградационные, процессы восстановительные, процессы деформационные и процессы общеэволюционные.

Что такое процессы деградационные? Это — процессы,—отвечает Ф.—сжатия хозяйственной деятельности.

экономического развития суть не что иное, как констатирование динамических процессов в их причинной связи. Если Маркс констатировал закон тенденции нормы прибыли к понижению, то это означает не больше и не меньше, как констатирование определенного процесса развития. Если он устанавливает определенные законы концентрации и централизации капитала, то это опять-таки означает только констатирование определенных процессов.

Если Ф. говорит о процессах, то он должен указать движущие силы, которые ведут мировое хозяйство именно в указанном им направлении. Раз он этого не говорит, то этой схоластикой только запутывается вопрос.

Что такое восстановительные процессы? Это — процессы восстановления разрушенного хозяйства. Что такое процессы деформационные? Это—процессы изменения состава хозяйственной системы. А общеэволюционные процессы? Это—процессы развития. Читатель недоумевает: зачем употреблять иностранные выражения для того, чтобы потом перевести их на русский язык? Проще было бы сказать то же самое по-русски. Но тогда нельзя было бы дать определения этим словам, потому что как-то неловко русское слово объяснять в докладе, а иностранное слово можно перевести на другой язык и выходит, что даешь объяснение какому-то процессу. Деградационные или, правильней сказать, разрушительные процессы вызываются (по Фалькнеру) „внешними“ факторами[1]. Исключая из своего кругозора социальное содержание современного хозяйства, отвлекаясь от характера капиталистических отношений в современном обществе и устанавливая „вечные законы“, действующие с естественной силой, Ф. знает только „внешние“ факторы, нарушающие ход хозяйственной жизни, вроде вулканических извержений или исчерпания естественных ресурсов страны. О том, что имеются социальные факторы, определяющие развитие или упадок хозяйства какой-нибудь страны, что именно эти социальные факторы являются решающими в капиталистическую эпоху, в особенности в наше время, это, повидимому, не приходит даже в голову автору. Он говорит о „жизнеспособности“ систем народного хозяйства, но что под этим словом подразумевается, так и остается нам неизвестным [1].

---

[1] Фалькнер протестует против нашего утверждения, что, по его мнению, только внешние факторы нарушают ход развития. Ведь, и он говорил об „исчерпании естественных ресурсов страны“. Ф. не заметил, что этот естественный фактор развития означает для капиталистического хозяйства внешний, а не внутренний момент.

Не понимая характера современного хозяйства, он относит естественные моменты, богатство страны естественными ресурсами — к факторам, определяющим данную систему хозяйства, т.-е. определяющим капиталистическую систему производства в отличие, скажем, от системы товарного производства.

Беда только в том, что в громадном большинстве случаев, может быть, за очень немногими исключениями, речь идет не о действительном исчерпании естественных ресурсов, а о высоте нормы прибыли и ренты, которая делает для капиталиста возможным или невозможным при современных условиях использование этих естественных ресурсов.

Если какие-нибудь шахты останавливаются и не используются, если рудники забрасываются, если поля оставляются не обработанными, то отнюдь не потому, что естественные ресурсы исчерпаны, а потому, что дальнейшая работа на данном клочке земли или в данной шахте не дает предпринимателям нормальной нормы прибыли и владельцу их нормальной ренты.

Что для Ф. и стачки являются факторами деградации, не хотелось верить, пока он это не высказал определенно...

Но этого мало. Ф. не только дана новая классификация хозяйственного развития, но еще и указаны тенденции и даже темп этого развития. „Если“, говорит он, „устранены полностью или в большей части факторы деградации, то восстановительные процессы протекают с изумляющей всех быстротой“. Другими словами — если ничто не мешает хозяйству развиваться, то оно развивается. Этот новый „закон“ получает смысл, если под факторами деградации мы понимаем „естественные факторы“. Другими словами, это означает, что только естественные моменты мешают развитию хозяйства, в противном случае оно может преуспевать. После ответа Ф. становится ясным, что он хотел сказать: если революционное рабочее движение не будет мешать развитию хозяйства; без забастовок, которые ведут только к потере трудовой энергии, развитие народного хозяйства будет происходить, в силу естественной необходимости, с изумляющей всех быстротой. Необходимо еще только „некоторое перераспределение сил и средств данного хозяйственного комплекса“. Что сие означает? На нашем языке это означает не что иное, как увеличение доли прибавочной стоимости и накопления капитала. Ф. не выражается такими социальными терминами, он предпочитает оставаться в сфере естественных сил...

---

[1] Ф. удивляется, почему мы не поняли этого выражения. Мы ему откроем секрет: это иронический вопрос-вызов, чтобы заставить Ф. довести свою мысль до конца.

Перенесение биологических понятий на экономические явления — это привычный для буржуазных экономистов способ затушевывать социальную природу экономических явлений, представляя их в виде естественных организмов, жизнедеятельностью которых управляют, как известно, неведомые человечеству силы. Вот она — социальная схоластика!

Но почему накопление капитала должно неминуемо вести к „восстановлению“, а не к чему-либо другому? Почему капитал не перебросится в другие страны, которые ему обещают более высокую долю прибыли, или в другие отрасли промышленности, чем те, в которых он работал до войны?

Может быть, структура данного хозяйства настолько изменилась, что капиталу теперь выгоднее совершенно иные занятия, например, спекуляция биржевыми ценностями, домами и т. п. Откуда Ф. берет, что при некотором „перераспределении сил“ неминуемо произойдет восстановление? Нельзя же на самом деле утверждать, что капиталистическое хозяйство руководится определенными заданиями, стремится непременно к восстановлению. Смешение социального содержания хозяйства нашего Союза с социальным содержанием капиталистического хозяйства сыграло дурную шутку с проф. Ф.

Впрочем, проф. Ф. не только умеет переводить иностранные слова на русский язык, но и открывать все-таки и кое-что оригинальное. У него имеются про запас и „восстановительные процессы негативного характера“, т.-е. отрицательное восстановление. Вот это для нас на самом деле открытие. Что подразумевает под этим проф. Ф.? „Эти процессы,—говорит он,—наблюдаются тогда, когда на почве разрушения одной части хозяйства в другой части ее возникают определенные хозяйственные новообразования. Если эти хозяйственные новообразования нежизнеспособны (sic!), то позитивное восстановление одной части мирового хозяйства делает их ненужными“. Если перевести эту фразу с „ученого“ языка на простой, то это означает, что, воспользовавшись отсутствием конкуренции воевавших стран, нейтральные и заокеанские страны построили у себя новые предприятия, мало выгодные при свободной конкуренции различных стран между собой. Когда эта конкуренция возобновилась, последние банкротятся и закрываются. Этот процесс „негативного восстановления“ мы наблюдаем каждый раз после высокой конъюнктуры. Возникшие здесь и там новые предприятия снова исчезают во время промышленной депрессии. Никому, однако, в голову не приходило назвать это негативным или позитивным восстановлением капиталистического хозяйства. Но Ф. необходимо доказать [1], что все в этом лучшем из миров идет к лучшему, что если Америка или нейтральные, или другие страны переживают тяжелые депрессии, то это не что иное, как негативный процесс восстановления и только [2].

---

[1] Мы говорим: Ф. необходимо было придумать этот процесс, так как весь его реферат есть апологетика послевоенного капитализма, как доказал тов. Варга. Впрочем, в самом этом слове уже заключается апологетика. Ибо оно, ведь, означает, что противоречия, заложенные в капиталистическом способе производства, всегда приводят к восстановлению современного способа производства. Для него не негативный, а позитивный процесс является господствующим...

[2] В конце своего доклада Ф. отмечает передвижение центра мирового производства к С. Штатам. Но, ведь, там происходит „негативный“, а в Европе „позитивный“ процесс „восстановления“. Как вяжется одно с другим? На это Ф. отвечает, что „негативный“ процесс идет только в некоторых областях хозяйства С. Ш. Но почему именно в этих, а не в других, не вообще по отношению к тому, что было создано во время войны?

Если десятки тысяч предприятий гибнут, хотя среди них немало и таких, которые существовали до войны, то на это ответ готов: они нежизнеспособны, они не нужны, они излишни. Зато происходит восстановление где-то на другом полюсе. Беспокоиться нечего.

Но, ведь, „восстановление“ не решает всей послевоенной хозяйственной проблемы. Нельзя же всерьез говорить о том, что отрицательный негативный процесс восстановления происходит в Америке или Англии. Нельзя также говорить о процессе восстановления и по отношению к тяжелой промышленности, вышедшей из войны с гораздо большим производительным аппаратом, чем она имела до войны. На самом деле, по отношению к ней можно говорить о большей или меньшей нагрузке, но не о восстановлении ее. Но Ф. имеет еще новый ответ— имеются процессы деформационные и общеэволюционные. Если стальная промышленность не развивается, то это объясняется нарушением системы хозяйства, если же она развивается, то это означает, что происходит эволюционный процесс. Одним словом, на все возможности мира сего придуманы схемы. По существу, конечно, это только слова по рецепту Мефистофеля. Откуда берутся деформационные процессы и почему они иногда превращаются в общеэволюционные процессы,—на этот вопрос ответа не дается, ибо Ф. только „систематизирует“, но отнюдь не задумывается над основными процессами хозяйственного развития, над силами, на самом деле двигающими или разрушающими современное капиталистическое хозяйство. И, несмотря на это чисто схематичное деление, ничего не говорящее по существу дела, он заявляет, что эти основные динамические процессы помогают ему предвидеть грядущие фазы развития.

Присмотримся к гаданиям Ф. „Если перед нами,— говорит он,—определенный хозяйственный подъем, то этот подъем может быть следствием разнообразных причин“. Довольно глубокомысленно сказано. Этот подъем может быть проявлением восстановительных процессов, тогда он имеет определенный предел, в который упирается, и дальнейшее его развитие зависит от целого ряда новых факторов, которые вступят в действие лишь в тот момент, когда предел восстановления будет достигнут. С другой стороны, хозяйственный подъем может быть проявлением реконструктивного процесса. Тогда его грядущее зависит от вопроса о том запасе сил и средств, которые имеются в распоряжении данной реконструкции. Наконец, тот же самый подъем может быть проявлением нового общеэволюционного процесса на базе законченного восстановления—с одной стороны—и деформации—с другой. Если развитие наступает в этот период, то оно имеет уже совершенно бесспорные перспективы дальнейшего роста, поскольку не будет нарушено какими-либо новыми внешними влияниями. Точно так же дело обстоит с образованиями, возникающими в периоды упадка. Каждый данный хозяйственный упадок может быть временным проявлением положительной деформации или реконструкции, поскольку для реконструкции требуются определенные затраты средств и сил. В этом случае можно предвидеть, что за упадком последует новый значительный подъем. Упадок, с другой стороны, может явиться следствием отрицательной деформации, и тогда перспективы для данной хозяйственной системы будут гораздо более мрачными.

Перед этой новой теорией бледнеет теория кризисов Маркса и даже Туган-Барановского, который пытался „исправить“ Маркса. На самом деле, мы из нее узнаем, что подъем конъюнктуры может быть проявлением, с одной стороны, восстановительных процессов, с другой—реконструкции и, наконец, общеэволюционного процесса, что означает дальнейшее развитие. Другими словами—развитие хозяйства может явиться результатом восстановления хозяйства или его развития. Весьма глубокомысленно. Замена одних слов другими означает для Ф. „схему“ развития.

Но откуда берутся эти „восстановительные процессы“? Почему они в состоянии вызвать „подъем“, а не совершаются медленно, незаметно? Ведь, восстановление хозяйства возможно только на основе накопления капитала. Почему это накопление обязательно связано с быстрым подъемом или с подъемом вообще? Мы знаем, что накопление капитала происходит и во время депрессии, что именно во время депрессии часто восстанавливается или улучшается производство. Точно так же крайне любопытно было узнать, что подъем реконструктивного процесса зависит от „запаса сил и средств“, т.-е. не от накопленного капитала, а от естественных сил и средств в данной стране. Но почему, например, „процесс восстановления“ не совершался в Америке с такой быстротой, как это, казалось бы, совершенно естественно для этой богатой „силами и средствами“ страны?

Далее, где границы восстановительного процесса? По смыслу слова, предел его определяется уровнем, на котором находилось хозяйство до его разрушения. Но, ведь, это чисто филологическое объяснение. В социально-хозяйственном смысле этот предел мог бы определяться совершенно другими моментами. О них говорит Ф. дальше, там, где он анализирует внешние влияния. „Если, — говорит он, — подъем наступает на базе законченного восстановления, то он имеет совершенно „бесспорные перспективы“ дальнейшего роста“. На основании чего он это заявляет? Откуда такие „перспективы“? Неизвестно. Что толкает хозяйство к дальнейшему росту? Внутренние какие-нибудь моменты или погоня предпринимателей за прибылью, которая при определенных условиях, однако, становится поперек пути дальнейшему развитию? Ведь, предпринимателям часто выгодно сознательно и определенно задерживать развитие хозяйства. Что это— „внешнее влияние“ или моменты, неразрывно связанные с самим ходом современного хозяйства? И, наконец, хозяйственный упадок сводится Ф. исключительно к недостатку определенных затрат сил и средств. На современном языке это означает, что современный кризис вызван недостатком капитала и „ленью“ рабочих, которые работают не так интенсивно, как раньше. Производительность труда упала, и явился недостаток в затрате сил и недостаток средств, т.-е. капитала. Это ли хочет Ф. сказать?

„Если,—говорит он далее,—упадок является следствием отрицательной деформации, то для данной хозяйственной системы открываются мрачные перспективы“. Но, помилуйте, ведь, эта система существовала и тогда, когда ненужные и излишние предприятия не были организованы. Если речь идет только о том, что исчезают только нежизнеспособные предприятия, то, ведь, это означает только, что „хозяйственный организм“ освобождается от излишних наростов. Почему же мрачные перспективы?

Вот, в общем, новая „философия“ послевоенной хозяйственной истории Ф. Вместо анализа причин хозяйственного кризиса и возможности дальнейшего развития, мы имеем „схему“, состоящую из набора нескольких иностранных слов, по существу ничего не говорящую, поскольку Ф. на самом деле не желал свести хозяйственные процессы капиталистической эпохи к естественным процессам, руководимым какими-то невидимыми и неясными силами, или поскольку он в туманной форме не выражал мудрости современных буржуазных экономистов, пытающихся доказать, что все обстояло бы благополучно, если бы рабочий класс стал только работать и смирно переносить растущую эксплоатацию труда, необходимую для восстановления хозяйства и для быстрого накопления капитала.

Перейдем теперь от этого вступления к самому анализу хозяйственного положения после войны, который дал Ф. Но предварительно несколько слов о методе его работы. Он заявляет, что ограничивается годовыми показателями. „В пределах каждого года,—говорит он,—протекали, конечно, очень различные хозяйственно-конъюнктурные процессы; но они имеют в настоящее время совершенно второстепенное значение. Для нас важна динамика послевоенных шести лет, а для этой цели не только достаточно, но и необходимо ограничиться суммарными годовыми показателями“. Для того, чтобы понять все глубокомыслие этого заявления, нужно вспомнить, что характерная черта послевоенного капитализма заключается именно в том, что нет ни одного года без сильнейших потрясений в области хозяйства, что в то время как довоенный капитализм переживал периоды более или менее устойчивого положения, сменяемые периодами кризисов и застоя, послевоенный капитализм не знает ни одного устойчивого года. И конъюнктура, по терминологии Ф., проходит крайне зигзагообразно, что показывает полную неустойчивость положения современного капитализма. Все это стирается одним росчерком пера, великолепным заявлением о том, что для нас важны только средние годовые данные, а не бесконечные колебания внутри этих годов. Что бы мы сказали об экономисте, который заявил бы, что он изучает историю капитализма не по годовым данным, а по средним данным за 10 или за 50 лет, и который на основании этого пришел бы к такому заключению, что „восстановительный процесс“ капитализма развивается „плавно“, что нет никаких кризисов, что все идет повышаясь и т. д.? Мы бы после Маркса посмотрели на него, как на „оригинала“ и только. Но так же оригинально звучит заявление, что следует отвлекаться от беспрерывных кризисов, пережитых капитализмом после войны, которые, правда, не столь продолжительны, как до войны, но зато чрезвычайно часты и очень болезненны. Эти „конъюнктурные процессы“ имеют для Ф. второстепенное значение. Нам же они говорят о том, что капитализм еще не приобрел устойчивости и что именно этим отличается послевоенный капитализм от довоенного, который мог, по крайней мере, в течение более или менее продолжительного времени укреплять свое положение, пока какой-нибудь новый кризис не напоминал ему о его смертельной болезни. Если врач стал бы рассматривать больного лихорадкой не с точки зрения беспрерывного повышения и понижения температуры, а с точки зрения средней температуры, то он, конечно, ничего не понял бы в положении больного. Таким врачом по отношению к капитализму и является Фалькнер[1].

Мы рассмотрели теоретические предпосылки Ф. и его метод изучения вопроса. Перейдем теперь к анализу его данных. Автор, прежде всего, останавливается на сельском хозяйстве, при чем повсюду дает общие цифры для капиталистических стран и для СССР. Однако, так как действительное развитие капиталистических стран значительно отличается от развития нашего Союза, то для более правильного понимания развития капиталистических стран необходимо разделить эти данные, и тогда мы получим совершенно иную картину.

---

[1] Ф. продолжает утверждать, что допустимо оперировать и среднегодовыми данными. Однако, совершенно ясно социальное содержание его „методологии“ и социальное содержание нашей критики ее.

Если желательно доказать, что капитализм не переживает никаких кризисов, что он вообще развивается, беспрерывно поднимаясь, то следует взять для этой цели средние за целый ряд лет; и обратно, если задаются целью вскрыть противоречия, заложенные в характере капиталистического производства, то придется обратить внимание именно на колебания внутри этого цикла.

Беря данные из последнего „Ежегодника Римского Аграрного Института“ (Annuaire International de Statistique Agricole 1924/25), мы получаем следующие посевные площади четырех основных хлебов (для кукурузы суммарных данных для всех стран еще нет [1]:

	1909—1913	1921	1922	1923	1924
		(в миллионах	гектаров)		
Пшеница	79,8	88,0	89,1	90,2	88,7
Рожь	19,6	17,7	19,3	18,8	17,5
Овес	41,1	45,3	43,3	43,6	44,4
Ячмень	23,6	23,1	23,5	24,4	24,4
	164,1	174,1	175,2	177,0	175,0

Эти данные скорее говорят о *застое*, чем о „плавном восстановительном процессе“. Если судить по предварительным данным (Bulletin de Statistique Agricole

---

[1] По этому поводу „ученый статистик“ Фалькнер прохаживается насчет того, что я, частный исследователь, которому было предоставлено несколько дней времени, чтобы ответить Фалькнеру, не произвел *самостоятельных* исследований в этой области и не подсчитал посевной площади кукурузы. Но где эти исследования Ф.? Редактируя „Бюллетень Сектора Мирового Хозяйства“, Фалькнер наполняет его *исключительно перепечатками*. Даже те данные, которые он приводил в своем докладе, за немногими исключениями, которые при проверке оказались неправильными, тоже чужие данные.

Более того, Фалькнер говорит, что он произвел подсчет посевов кукурузы. Между тем, в номере 7 „Планового Хозяйства“ им приводятся такие данные, но—из „Бюллетеня (№ 5 от мая 1925 г.) Римского Сельско-Хозяйственного Института“. Там дается только предварительный подсчет, вследствие чего я им не воспользовался. Сопоставим его с данными „Ежегодника“ того же Института.

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ ПЯТИ ВАЖНЕЙШИХ ХЛЕБОВ, ВКЛЮЧАЯ И ПОСЕВНУЮ ПЛОЩАДЬ СССР

	Данные „Ежегодника“					Данные „Фалькнера“	
	1909/13	1921	1922	1923	1924	1923	1924
Пшеница . . .	107,8	103,5	99,5	104,0	105,6	101,98	103,7
Рожь.	44,3	37,0	40,7	44,6	43,9	44,46	43,8
Ячмень. . . .	33,3	29,4	27,3	30,9	30,7	26,81	26,5
Овес	57,4	55,1	50,7	53,8	55,8	52,56	54,6
Кукуруза . . .	70,6	71,7	73,0	74,1	?	57,45	58,2
Итого .	313,4	296,7	291,2	307,4	?	283,26	286,8

Не трудно видеть, что эти данные расходятся с данными „Ежегодника“. Но важнее, что и эти данные говорят о том, что посевная et Commerciale, № 9, 1920), то следует полагать, что посевная площадь возросла в 1925 г. на 1%. Что касается Соединенных Штатов, то о них Фалькнер говорит, что тут мы имеем „негативный восстановительный процесс“, что означает, что здесь производство все больше и больше сокращается. Однако, его указание, что восстановление сельского хозяйства в Европе заставляет заокеанское хозяйство сжиматься, следует еще понимать в относительном смысле, ибо рост сельского хозяйства в Европе за исключением России весьма незначителен. В 1921 году посевная площадь в Европе составляла 88,2%, в 1922 г. — 88%, в 1923 — 90,4% и в 1924 г. — 92% довоенной площади.

Если это некоторое повышение посевной площади в Европе в целом может еще считаться „восстановительным процессом“, то этого уже, во всяком случае, нельзя сказать о Германии и Франции. Относительно Франции Фалькнер сам замечает, что дальнейший подъем и рост почти приостанавливается, хотя посевная площадь в 1925 году достигла еще только 82% довоенного уровня. Почему 82% являются пределом восстановления и откуда Ф. взял, что именно

площадь пяти хлебов еще ниже предвоенного уровня, между тем как в своем докладе Ф. утверждает, что она в 1924 достигла 100,3% довоенного уровня.

Далее, он утверждает, что произошло „сжатие“ посевов пшеницы и расширение посевов кукурузы. Но, ведь, речь идет о том, как развивались посевы в 1924 г. и доказывают ли они существование восстановительного процесса. Даже по данным Ф., посевы пшеницы расширились на 1,7%, а посевы кукурузы—на 1,3%.

Если мы возьмем данные за прошлый год и увеличим на 1,3%, то общая посевная площадь пяти хлебов в капиталистических странах представится в следующем виде:

В миллионах гектаров

1921	1922	1923	1924
244,9	246,0	249,4	248,3

Другими словами, картина посевной площади не изменяется: „плавного восстановительного процесса“ нет!

этот размер посевной площади определяется общей динамикой мирового хозяйства, неясно. Во всяком случае, нельзя говорить о восстановительном процессе и нельзя назвать этот процесс „образцом позитивного восстановительного процесса“, как Ф. делает несколькими строками раньше. Ибо, если Франция является в этом смысле образцом, то мы имеем, во всяком случае, деградацию по сравнению с довоенным хозяйством.

Другой „образец позитивного восстановления“ — Германия—имеет следующие посевные площади („Статистический Ежегодник Германии за 1924/25 год“, стр. 58).

	1913	1921	1922	1923	1924
		(в миллионах гектаров)			
Рожь	5,26	4,26	4,14	4,37	4,26
Пшеница	1,68	1,44	1,37	1,48	1,47
Полба	0,27	0,15	0,13	0,13	0,12
Ячмень	1,38	1,14	1,15	1,30	1,45
Овес	3,92	3,16	3,20	3,34	3,52
	12,51	10,15	9,99	10,62	10,82

Всякий видит, что германское сельское хозяйство, начиная с 1921 года, находится почти в стационарном состоянии. Если это составляет образец „позитивного восстановительного процесса“ капитализма, то последний, повидимому, особых успехов не сделал, хотя совершенно естественно, что при безработице в городе и замедленном темпе развития индустрии подрастающее население сельских областей, не уходя в город, пытается увеличить собственные запашки. Но этому стремлению к увеличению запашек капитализм ставит большие препятствия, хотя и не непреодолимые [1].

Всем известно—и это стало общепринятым положением после выступления Зеринга и книги Нурса,—что основным препятствием к развитию сельского хозяйства является низкая покупательная способность городского населения и недостаток в капитале. Ф. думает, однако, что мы имеем дело с приостановкой „самопроизвольного естественного роста“, которая вызывает поворот к аграрному протекционизму. Что этот последний вызван социальными, а не естественными или производственными моментами, совестно даже доказывать, точно так же, как неловко говорить о том, что до войны имели аграрные пошлины не только Германия, но и Австро-Венгрия, и Франция, и другие страны. Позволим себе только задать Фалькнеру один вопрос: считает ли он, что „поворот к аграрному протекционизму“ в Америке тоже вызван „приостановкой самопроизвольного естественного роста“?

---

[1] По предварительным данным, посевная площадь этих хлебов составляла в 1925 г. 11,02 млн. гектаров. Чрезвычайный подъем цен осенью 1924 г. и в начале 1925 г. привел к расширению запашек меньше, чем на 2%.

Переходя к характеристике промышленности, Ф., как мы уже говорили, берет средние годовые, в то время, когда как раз здесь особенно резко бросаются в глаза колебания в течение каждого отдельного года, колебания, вызываемые беспрерывными кризисами, переходящими во временные повышательные конъюнктуры. На это явление мы указали как в своем докладе, прочитанном в Комм. Академии 14 марта 1925 года, который мы приводим дальше, так и в статье в сборнике „Мировая политика в 1924 году“. Но проанализируем данные, которые приводит Ф.

На примере развития угольной промышленности Ф. доказывает восстановление мирового хозяйства, между тем мы как раз теперь переживаем чрезвычайно тяжелый кризис в мировой угольной промышленности, не только в английской, как это думает Ф., где, по его мнению, этот кризис вызван исключительно валютными моментами. На самом же деле угольный кризис коснулся всех стран. Сокращение производства отмечается повсюду. И далее. Примером чистого „восстановительного процесса“ является для Ф. производство угля во Франции, в Германии и в СССР. Между тем, и во Франции, начиная с апреля месяца, идет сокращение производства, а Германия, как известно, пережила чрезвычайные потрясения как раз в этой области и если добыча угля у нее еще продолжает оставаться на высоком уровне, то одновременно растут также запасы на шахтах, которые достигли невероятной величины (в Рурском районе к концу июля они превышали 3¹/₄ миллиона тонн). Не к этому ли привел „восстановительный процесс“ [1]?

Кстати, о Германии Ф. сообщает неточные данные. Он говорит, что „продукция бурого угля давала в 1913 г. прибавку к каменному углю в 30%, в 1922 г. — в 55%, а в 1924 г.—в 50%. А в абсолютном выражении продукция бурого угля в настоящее время почти в $1^1/_2$ раза превышает довоенный уровень“. Все это неверно.

---

[1] В своем „ответе“ Ф. пытается оспаривать наши данные. Поистине, нужно иметь „смелость“ отрицать существование угольного кризиса в Европе. То, что во Франции увеличилась добыча угля по сравнению с довоенным временем, не уменьшает значения этого факта, а только показывает обострение борьбы за рынок. Ссылаясь, далее, на уменьшение запасов угля в Рурском районе, Ф. отрицает, что Германия переживает угольный кризис. При этом он *сознательно* не упоминает (ибо указанный нами факт отмечен в том же номере „Wirtschaft und Statistik“, откуда Ф. узнал об уменьшении запасов), что сильно *сократилось число рабочих*, занятых в Рурской области, с января по август—на 23,6%.

Далее, кризис происходит не просто в угольной промышленности, а именно в области производства *высококачественных* сортов угля, потребляемых в промышленности. Затем сокращается производство и растут запасы *кокса*, что весьма характерно для состояния железоделательной промышленности.

Так, ежедневное производство кокса в Рурском районе составляло

в среднем в 1913 г.—68,377 тонн
за одну неделю 1924 г.—63,472 „
от 15 до 21 марта „ —68,366 „
от 15 до 21 ноября „ —56,719 „

В то же время запасы возросли с января по октябрь с 1812 тыс. тонн до 2.873 тыс. тонн, что составляет 168 производства прошлого месяца. И даже Deutsche Bank в отчетах, рассылаемых только своим клиентам, заявляет: „Улучшения сбыта высококачественного угля и кокса крупных размеров не предвидится“.

Мы берем данные из годового отчета Угольного Союза („Reichskohlenverband“) за 1924/25 г., который дает добычу бурого угля в 87,23 миллионов тонн для 1913 г. и в 124,36 миллионов тонн для 1924 г., т.-е. всего на 42,6% больше. Затем добыча каменного угля была в 1913 г. 140,75 миллионов тонн, а вместе с бурым — 160,14 миллионов тонн, т.-е. бурый уголь прибавил к каменному всего 13,7%. В 1924 году добыча каменного угля составляла 118,83 млн. тонн, а вместе с бурым углем — 146,46 млн. тонн, или на 23,2% больше вместо 50% по Фалькнеру. Далее, общий топливный баланс Германии по Фалькнеру составлял в 1924 г. 97% довоенного, а на самом деле — всего 91,5%. И это, повидимому, не случайные ошибки. Ибо Ф. в целом ряде мест приводит неточные данные в пользу „восстановительного процесса“!..

Что касается „англо-саксонских стран“ (новый экономический термин!), то тут и Ф. вынужден констатировать „циклические колебания преимущественно конъюнктурного происхождения“, попросту говоря, вследствие постоянных кризисов. Что на самом деле означают эти колебания, можно видеть из следующего „колебания“ (т.-е. из разниц между высшим и низшим уровнями добычи), которое составляет в 1921 году 40%, в 1922 г. — 41%, в 1923 г. — 26%, а за первую половину 1924 г. — 42%. Вот как выглядят эти „колебания конъюнктурного характера“!

Затем, каким образом можно говорить о том, что Англия дает „такие же основные циклы, как С. Штаты“, когда в Англии не только уровень продукции все время остается гораздо более низким и притом ниже довоенного (несмотря на „восстановительный процесс“), но и колебания здесь гораздо более сильные, даже для средних годовых, чем в С. Штатах. Самая низкая добыча приходится в Англии на 1921 г., в Соед. Штатах—на 1922 г.; самым высшим пунктом был в С. Штатах 1920 г., в Англии—1923 г. Разница между продукцией 1919 и 1921 г. составляет в Англии (по данным того же германского источника) 28%, а в Америке—8,6%. Разница между продукцией 1920 и 1922 г. составляет в Соед. Штатах—около 30%, а в Англии добыча 1922 г. превышает добычу 1920 г.; 1924 г. дает в Англии незначительное понижение (с 96 до 93,7% довоенной добычи), а в Соед. Штатах—с 112,5% до 97,7%.

Эти данные опрокидывают заявления Ф. о положении горного дела в Соед. Штатах и в Англии. Но самое характерное это то, что, начав за здравие капитализма, он кончает за его упокой. Пытаясь доказать существование плавного восстановительного процесса, он констатирует, что в С. Штатах общий „уровень циклических колебаний имеет тенденцию дальнейшего повышения“ [1], что в Англии мы наблюдаем „чрезвычайно депрессивный уровень“. Но, ведь, это означает, что капитализм не в состоянии выбраться из теперешнего положения, не в состоянии даже утвердиться в основной отрасли народного хозяйства, в горном деле. Это ли хотел сказать Ф.? Но тогда к чему сводится его „восстановительный процесс“?..

Характеризуя положение мирового угольного рынка, названный немецкий источник пишет:

Мировая добыча каменного угля была в календарном 1924 г. на 15 млн. тонн меньше, чем в 1923 г. и на 50 млн. тонн меньше, нежели в 1913 г. Понижение добычи по сравнению с 1923 г. тем более замечательно, что в этом году добыча в Рурском районе упала, вследствие оккупации его, на 54 млн. тонн. Производительная способность мировой каменноугольной промышленности превышает на 203 млн. тонн (т.-е. на 17,4%! *Сп.*) добычу

---

[1] Это, вообще говоря, в такой абсолютной форме не верно.

1924 г. За месяцы январь-март 1925 г. добыча главнейших районов продолжала падать и, по расчету на круглый год, дала дальнейшее уменьшение на 27%.“

Как известно, в следующие месяцы положение еще ухудшилось... Дальше отчет указывает на целый ряд причин, вызвавших этот кризис, и заканчивает: „Но чего в настоящее время и уже в течение многих лет, как и в 1924 г., недостает, это—здорового прогрессивного развития промышленности и торговли“ (подчеркнуто нами. *Сп.*) Очевидно, германский Угольный Совет и германские угольные бароны не знали еще об открытых Ф. „восстановительных процессах“... [1]

---

[1] Наша ссылка на данные Угольного Союза привела принципиально выдержанного статистика Фалькнера в бешенство. Помилуйте, „товарищи угольные бароны“! Хотя подобные ссылки делаются сплошь и рядом, мы все-таки скажем Ф., что это—данные и Угольного Совета, в котором участвуют и профсоюзы.

Конечно, оценка конъюнктуры—вещь весьма щепетильная, и, если бы у меня не было других данных о кризисе в угольной промышленности, то я, естественно, не решался бы делать заявление на основании только цитированного отчета. Но весь мир, за исключением одного Ф., знает об угольном кризисе (см. об этом статью тов. Лапинского, № 8—9 „Международной Летописи“), и ссылка на отчет Угольного Союза имела тот смысл, что даже промышленники вынуждены констатировать действительные факты. Еще более странным кажется заподозревание угольных промышленников и Статистического Комитета и германских профсоюзов в том, что они сами указывают неправильно теплоемкость своего же угля, который они вывозят. Промышленники расхваливают обычно свой товар, а не хулят его. Вот образчик „самостоятельных исследований“ Ф.

Посмотрим теперь, каким материалом пользуется Фалькнер. В своих „Бюллетенях“ он приводит данные о реальной заработной плате. Исчисление реальной заработной платы вещь весьма тонкая. Вокруг этого вопроса кипит социальная борьба, и интересно констатировать, на чьей стороне находится Ф. Нашему „знатоку“статистики и ее методов, вероятно, небезызвестно, что писала по этому поводу М. Смит-Фалькнер. В работе о положении европейского пролетариата она пишет (стр. 16):

„Несмотря на теоретическую правильность определения реальной заработной платы, этот метод вызывает резкий протест как со стороны

Что касается „плавного восстановительного процесса“ в стальной промышленности, то он характеризуется следующими данными:

СРЕДНЕЕ МЕСЯЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СТАЛИ (в тысячах метр. тонн)

	Англия	Франция	Бельгия	Люксембург	Швеция	С. Штаты	Канада
1913	649	581	205	99	62	2.650	80
1924	696	576	238	157	44	3.103	55
1925 январь	615	608	246	171	37	4.266	28
„ февр. .	663	569	240	157	42	3.817	38
„ март .	696	607	269	178	44	4.266	109
„ апрель	607	587	251	167	47	3.645	90
„ май .	662	596	253	167	52	3.514	102
„ июнь .	595	600	197	171	34	3.259	64
„ июль .	600	625	158	184	—	3.137	—

заинтересованных, т.-е. рабочих масс, так и со стороны теоретика Боули“.

Мы не станем здесь разбирать этот вопрос подробно, достаточно только указать, что обычное определение реальной заработной платы весьма спорно. Фалькнер, однако, приводит эти данные безоговорочно. Это раз. Затем он приводит данные о реальной заработной плате в С. Штатах, при чем эти данные относятся исключительно к штату Нью-Иорк. Можно ли распространить эти данные на всю Америку? Конечно, нет. Важнее то, что Фалькнер проделывает по отношению к Англии. Исчисление реальной заработной платы английских рабочих производится, с одной стороны, „английским Министерством Труда“ и, с другой стороны, статистиком Боули, при чем метод, применяемый Боули, явно в интересах предпринимателей, так как он исходит из сокращенного потребления рабочих. Фалькнер незамедлительно становится на сторону Боули, несмотря на то, что приводимые им самим в № 10 „Планового Хозяйства“ исчисления реальной зарплаты, тоже преувеличенные Министерством Труда, дают гораздо более низкие данные. Зачем же из номера в номер он приводит данные Боули, представляющие положение английских рабочих в лучшем свете, чем даже правительственный орган? Таким же характером отличаются его данные о реальной заработной плате в Германии. Как известно, по требованию профсоюзов, германское Статистическое Бюро признало неправильность своих старых исчислений и стало применять новый метод исчисления. Фалькнер замалчивает все это, продолжая приводить старые данные Статистического Бюро, признанные последним неверными. Вот как Ф. изучает социальный характер статистических источников.

Производство в Англии и в Америке, а также в Бельгии, явно идет вниз; во Франции и Люксембурге оно проявляет сильное колебание. И нужны особые очки, чтобы здесь заметить „плавный восстановительный процесс“...

Еще хуже обстоит с рынком железных и стальных изделий. Экспорт железных и стальных изделий составлял в 1.000 больших тонн (по 2.240 фунтов) по данным Bulletin, издаваемого National Federation of Iron and Steel Manufacturers. July 1925 г.:

% средне-месячный	Англия	С. Штаты	Франция	Германия	Индия
1913	414,1	242,3	51,6	517,3	8,7
1923	360,0	162,1	181,9	108,9	16,1
1924	321,1	145,9	231,1	128,0	24,4
1925 январь . . .	325,4	140,1	266,0	270,6	39,6
„ февраль . .	298,8	102,3	261,1	218,6	49,4
„ март	312,2	155,4	281,2	297,0	29,5
„ апрель . . .	297,5	148,3	284,3	218,0	44,8
„ май	322,1	135,2	318,8	247,3	36,6
„ июнь	275,7	123,9	—	215,1	24,9

Только Франция, благодаря падению ее валюты, показывает растущие цифры экспорта. Вывоз из остальных стран явно уменьшается, или, по крайней мере, показывает сильнейшее колебание. Этим, конечно, не сказано, что вывоз не может временно снова подняться. Но это только показывает, что мы имеем дело с резкими „конъюнктурными“ колебаниями, но отнюдь не с „плавным процессом восстановления“.

О развитии потребления хлопка дают представление следующие цифры („The Textil Recorder Jear Book“ 1925).

	1912/13	1919/20	1920/21	1921/22	1922/23	1923/24
	в тыс. кип (по 400 ф.)	в % % по отношен. к 1912/13				
Англия	4.274	84	47	67	65	64
Континент, включая и СССР .	7.914	41	60	67	65	67
Азия	3.765	133	145	162	171	158
Соед. Штаты .	5.719	118	94	114	127	108
Миров. потребл.	22.628	86	82	96	100	92

Данные о потреблении хлопка не говорят как будто о „восстановительном процессе“. Потребление в 1924 г.

ниже, чем в 1923 г., и даже чем в 1922 г. И даже на континенте Европы особого развития не заметно.

Повидимому, еще гораздо хуже обстоит дело с шерстяной промышленностью. По данным Department of Commerce, мировое потребление шерсти в 1923 г. было на 19% ниже, нежели в 1913 г., и на 2 с лишним процента меньше, нежели в 1922 г. Потребление шерсти в Англии составляло („The Textil Recorder Book“):

1913	96,46	млн. фунтов
1919	97,19	„ „
1920	82,69	„ „
1921	65,77	„ „
1922	41,54	„ „
1923	44,38	„ „

О восстановительных процессах шерстяной промышленности Ф. благоразумно умалчивает. Мы теперь видим, почему...

Отметим еще, что германский торговый флот восстановлен не на $^{2}/_{3}$, а на 56%[1], и что в пылу „восстановительного рвения“ проф. Фалькнер не заметил, что если из 5 млн. тонн восстановлены 3 млн., то это не больше, а меньше $^{2}/_{3}$.

Чтобы покончить с цифровым анализом (а он составляет для Фалькнера основу его выводов), остановимся еще только на его данных о финансовом положении различных стран, так как у нас нет времени и охоты производить дальнейшие проверки данных Ф.

Ф. констатирует „несомненное улучшение финансового положения большинства стран“, оговариваясь, что оно куплено „огромным повышением налогового бремени во всех без исключения важнейших странах“. Но тут же он констатирует, что в Италии и во Франции налоговое бремя „относительно немного повысилось“. Важнее, что Фалькнеру неясно значение этого факта. Повышение налогового бремени не только задерживает при известных условиях развитие хозяйства, но и отнюдь еще не означает улучшения финансового положения страны, поскольку такое повышение налогов грозит задержкой развития производительных сил и, следовательно, платежеспособности населения. Полная касса финансового управления еще не свидетельствует о хорошем финансовом положении. Но помимо этого, данные, приведенные Ф., кажутся нам неточными. По крайней мере, имеющиеся в нашем распоряжении новые источники — „Journal of the Royal Statistical Society“ за июль 1925 г. и „Wirtschaftsdienst“ от 11 сентября 1925 г. — дают другие цифры. Так, налоговое обложение составляло в %% к доходу страны [1]:

---

[1] „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich“, 1924/25, стр. 64. Пароходы и корабли с двигателями вмещали в 1914 г. 5,13 млн. брутто-тонн, а 1 июля 1924 г.—2,87 млн. тонн. По новейшим данным, тоннаж германского флота составлял в июне 1925 г. 2,99 млн. тонн, или 58,7% довоенного тоннажа.

	Англия	Франция	Бельгия	С. Штаты	Италия
По Фалькнеру („Index“)	23	21	17	11,5	?
„ английск. источнику	22,1	17,8	?	10,5	20
„ немецк. источнику .	19,7	21,7	?	5,1	?

---

[1] Фалькнер не указывает источника, откуда он берет эти данные. Мы нашли их в двух местах со ссылкой на американский журнал „Index“. Там для Италии указывается процентное отношение налогового обложения ко всему доходу в 19,2%. „Ирония судьбы“, что Ф., который так обрушился на нас за ссылку на данные германских промышленников, пользуется, не указывая, подобно мне, источника своих сведений, данными, почерпнутыми различными журналами из доклада американских промышленников в последней брюссельской конференции...

Тут же заметим, что данные Ф. о доходах различных стран не только не исчислены им самим, но—вообще оспариваются, например, такими авторитетами, как Фиск из Bankers Trust Co. Так, он исчисляет, что доход С. Штатов поднялся с 1913/14 по 1924/25 с 34,4 до 34,6 миллиарда долл., доход Франции упал (а не поднялся!) с 7,3 до 7 миллиардов долл., Англии, напротив, поднялся с 10,9 до 11,1 мда долл. Прибавим к этому еще, что Ш. Жид и Кучинский, оба—крупные авторитеты,—исчисляют, что состояние Франции теперь не больше половины довоенного. Откуда Ф. берет, что доход Франции увеличился по сравнению с довоенным на 5—10%?

Далее, расходы по государственному долгу составляли в %%:

	Англия	Франция
По Ф., к доходам	49	56,5
„ английскому источнику, ко всем обыкновенным расходам	39	53,8

Как бы, однако, ни было, то обстоятельство, что расходы по государственному долгу поглощают такую огромную часть государственного бюджета, говорит с достаточной ясностью, что о хорошем положении финансов или даже только об устойчивом положении бюджета говорить еще не приходится.

На самом деле, сопоставим только следующие данные („Journal of the Royal Stat. Society“, July 1925).

	Рост налогов.облож. в % % по отнош.	Рост тов. цен к 1913 г.	Налоговое облож. в % % к доходу		Расходы по госуд. долгу в % % ко всем расходам	
			1913/14	1923/24	1913/14	1923/24
Англия	258	59	11,4	22,1	12,2	39,0
С. Штаты	195	53	6,5	10,5	3,2	44,2
Франция	293	319	13,8	17,8	13,5	53,8
Япония	132	93	18,2	21,8	36,9	18,4
Германия	—	—	11,8	26,0	7,3	13,0
Италия	—	—	8,6	20,0	—	—
Бельгия	—	—	—	—	27,1	31,8

Из этих данных вытекает, что налоговое обложение увеличилось и в золотом исчислении в Англии, в С. Штатах и в Японии. Несомненно, что оно увеличилось и в Германии. По „Wirtschaftsdienst“—на 225%, а в золотом исчислении (по индексу стоимости средств существования)—на 97%. Никто не станет утверждать, что соответственно увеличился народный доход. И, по исчислению английской статистики, налоговое обложение поглощает теперь значительно большую часть народного дохода, чем до войны. Притом это идет не на производственные цели, а на удовлетворение государственных кредиторов, рентьеров. Ясно, что это обстоятельство должно сильно затруднять хозяйственное восстановление, задерживая накопление капитала в руках промышленного класса.

Отсюда ясно также, что говорить и о стабилизации валюты еще не приходится. Только там, где проблема внутренних долгов уже так или иначе решена в смысле их аннулирования, как в Германии, государственные финансы могут несколько утвердиться, если хозяйство преодолеет „дефляционный“ кризис. В других странах, например, во Франции, этот вопрос стоит еще весьма остро.

То, что Ф. говорит о валютном вопросе и о международной торговле, составляет, по существу, повторение того, что сказал об этом уже Лапинский в его брошюре „Новая фаза империализма“, и мы говорим о ней дальше. Ф. прибавил к ним еще несколько ляпсусов вроде того, что Франция сознательно избегала устойчивой валюты или что она сознательно проводила инфляцию. Какая Франция? Тяжелой промышленности или банковского капитала? Важнее, что общий индекс валют снова показывает понижение. В августе индекс стоял уже не на 80, как утверждает Ф., а на 79,36; индекс антантских стран понизился даже до 61,46. Но нам кажется, что индексы вообще ничего не говорят в пользу стабильности валюты. Ведь, вопрос не в высоте курса какой-либо страны, а в стабильности его, между тем как Ф. на основании подъема курса делает заключение об устойчивости его[1]. Чехо-словацкая валюта поднялась в курсе, но долго не была устойчивой; точно так же еще рано говорить об устойчивости германской валюты (по крайней мере, на внутреннем рынке) и даже об устойчивости английской валюты.

Но, как бы то ни было, совершенно уже смехотворно все, что Ф. пишет об Англии, хотя он в этом следует за Кейнсом.

Промышленная депрессия в Англии, видите ли, является результатом повышения курса фунта, которое затруднило вывоз. Но, ведь, оно же облегчило ввоз. Однако, Англия имеет еще запасы товаров, купленных по высоким ценам. Когда истощатся эти запасы — через 9 месяцев, предсказывает Ф., — начнется промышленное оживление. Но какое это имеет отношение к кризису в угольной промышленности? Ведь, она не покупает „запасов“ за границей? Далее, Ф., очевидно, неизвестно, что потери на старых запасах отнюдь не определяют конъюнктуру. Не прибыль предпринимателей и не прежние производственные расходы, а теперешние определяют цены. Только общее положение рынка, не определяемое старыми производственными расходами, влияет на цены.

---

[1] Иначе и незачем приводить данные о подъеме курса валют, раз этот факт ничего не говорит о стабильности валют.

Если кто-нибудь купил машины и сырье по ценам, гораздо более высоким, чем теперешние рыночные цены, то произведенные товары будут все-таки расцениваться по теперешним, а не по старым ценам... Против этого борется предприниматель, но безуспешно, конечно.

Затем, ведь, предприниматели прекрасно знают, что они получают за свой товар уже не обесцененный фунт, а полноценный; следовательно, они легко понизят номинально цены, фактически получая то же самое. Все рассуждение о влиянии валютной политики в Англии сводится к „открытию“ Кейнса, что в Англии слишком высокая зарплата. Об этом ниже.

Наконец, если кризис в Англии объясняется валютными моментами, то чем он вызван в Германии, в Бельгии и в последнее время также во Франции? Ведь, кризис угольной и железнодорожной промышленности охватил и континентальные страны.

Стоит ли после этого серьезно спорить против того, что Англия „сознательно жертвовала промышленностью для улучшения финансового положения и для облегчения тяжести своих долгов Америке“?

Нет, конечно. Всем известно, что дело не в этом, а в том, что английские банки, держатели государственных займов, хотели получить 10% надбавку к их теперешним ценам, что они борются за гегемонию на мировом денежном рынке и хотят придать своему векселю его старое значение „мировой валюты“.

В заключение отметим еще, что профессору Фалькнеру понадобился такой огромный материал для того, чтобы доказать, что до войны недооценивали значение Америки, но что теперь произошла целая революция в идеологии, которая привела к тому, что исключительно решающая роль Соединенных Штатов сознается в настоящее время всеми. На самом деле на роль Америки в мировом хозяйстве указывалось уже давно, задолго до войны, а на передвижение центра мирового хозяйства к заокеанским странам, как на следствие войны, указал пишущий эти строки еще в 1916 г. в „Neue Zeit“.

Наше заключение сводится к следующему: в капиталистических странах нет никаких „восстановительных или деградационных процессов“, а имеется только тяжелая борьба как внутри отдельных стран, так и в особенности на мировом рынке, вызванная изменениями в хозяйственной структуре, как вследствие войны, так и благодаря целому ряду послевоенных процессов [1]. Восстановит ли Германия, например, свое прежнее положение на мировом рынке, это будет зависеть не в малой мере от социально-экономического развития восточной и юго-восточной Европы. Будет ли Англия оттеснена Америкой? Потеряет ли она колониальные рынки, по крайней мере, отчасти, это зависит от того, сможет ли она приспособить свою промышленность к новым условиям производства и сбыта. Произойдет ли это приспособление под властью капитала или труда, это зависит уже не от „естественных сил“, а от исхода социальной борьбы, разгорающейся там. Определять положения этой борьбы исключительно на основании анализа экономического положения страны, почти немыслимо. Можно только сказать, что пока что капитализм не приобрел даже довоенной своей устойчивости, не успел еще укрепить свое положение, что начавшаяся после войны революционная эпоха еще не закончилась и что, следовательно, слово еще остается за пролетариатом...

---

[1] Наше указание, что хозяйственное развитие после войны определяется и тяжелой социальной борьбой, аттестуется Ф., как „пустая фраза“. Как для кого: для буржуазных профессоров, это — „фразы“, для марксистов, это — действительное содержание современной истории.

Ф. ехидничает далее насчет моего заявления о том, что „пока“ продолжается кризис капитализма. Между тем, именно такое определение положения вполне в духе Маркса и Ленина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КЕЙНС О КРИЗИСЕ В АНГЛИИ [1]

Кейнс опубликовал недавно памфлет против Черчилля [2], основные мысли которого были им повторены и в докладе в Деловом Клубе в Москве. Содержание этого памфлета сводится к следующему.

Усиливающаяся в Англии безработица не является следствием общего кризиса мирового хозяйства, так как „общие размеры мировой продукции, наверное, больше, чем когда-либо после 1924 г.“ „Истинной причиной“ депрессии является „разница в ценах в Англии и за границей“. А эта разница, обусловленная разницей в высоте зарплаты, вызвана повышением номинальной стоимости фунта на 10%, в то время как его покупательная сила для английских рабочих не изменилась.

Сравнение оптовых цен показывает другое, а именно, что цены в Англии не выше, чем на мировом рынке. Но Кейнс отрицает, что правильно сравнивать оптовые цены, которые, естественно, приспособляются к рыночным условиям. Необходимо сравнивать розничные цены, стоимость средств существования. Тогда окажется, что уровень цен в Англии выше, чем в Соединенных Штатах. Поднялась также зарплата с марта 1924 г. по июль 1925 г. с 155 до 180% по сравнению с довоенным временем, если исчислять ее в золоте. Повышение зарплаты составляет, таким образом, 16%. Но Кейнс почему-то все время говорит о 10%. В тезисах к своему докладу Кейнс привел следующие данные: номинальная зарплата поднялась на 80%, стоимость средств существования—на 73%, а реальная зарплата—на 4%. Почему на 4, а не на 11%?

---

[1] Статья эта появилась впервые в „Международной Летописи“, № 8—9, 1925 г.

[2] J. M. Keynes, The Economic Consequences of Mr. Churchill, 1925; Дж. Кейнс. Экономические последствия валютной политики мистера Черчилля, пер. с англ. Предисловие Г. И. Ломова, Цуп, 1925.

Итак, не ставя вопроса о правильности системы золотого обращения, он лишь критикует то, что реформа была проведена при обстоятельствах, которые мешают экспорту. Возвращения к старому курсу фунта он все-таки не рекомендует, а рекомендует только понижение зарплаты, а потом и цен.

К этому стремится и правительство Черчилля, но прибегает к этому путем сокращения кредита, увеличения безработицы. „Это—отвратительный и пагубный путь“. Правильнее было бы провести „однообразное сокращение заработной платы по соглашению“. Если профсоюзы на это не пойдут, то—„рискнуть всем, чтобы попытаться поднять цены за границей, т.-е. сделать как раз обратное теперешней политике Английского Банка“, т.-е. выбросить на мировой рынок золотой запас и вызвать „золотую инфляцию“, обесценение золота и повышение мирового уровня товарных цен, чтобы английские цены совпадали с ценами на мировом рынке.

Вот и все. В своем московском докладе Кейнс прибавил к этому еще несколько благоглупостей из области неомальтузианства, предостерегая СССР от слишком быстрого роста населения и т. д. На этом мы здесь останавливаться не будем, разбирая только его памфлет...

Теоретическая исходная точка зрения Кейнса, это—количественная теория, в самой, можно сказать, вульгарной ее форме. Кейнс придерживается взгляда, что увеличение золотого запаса вызывает обесценение золота. Разбирать количественную теорию и специально теоретические взгляды Кейнса у нас нет здесь никакого намерения. Отметим только, что в своем „Трактате о денежной реформе“ Кейнс утверждал, что инфляция является благоприятной для рабочего класса. Тут же выходит, что, наоборот, дефляция оказалась выгодной для английских рабочих. Мимоходом отметим еще, что проф. Фалькнер, написавший предисловие к русскому изданию его „Трактата“, вероятно, теперь не будет больше утверждать, что Кейнс „умеет мыслить социальными массами“. Социальное настроение Кейнса выявилось в его докладе достаточно ярко: это—типичнейший представитель промышленных кругов со всей ограниченностью их кругозора в социальных вопросах. Именно с точки зрения известных промышленных кругов он и выступает против банковского капитала, который явился защитником валютной политики Черчилля. Оценка с этой точки зрения этого памфлета дана в предисловии тов. Ломова. Мы хотим здесь вскрыть неправильности в постановке вопроса и неточности предпосылок Кейнса.

Уже Ломов указывает на то, что не только Англия переживает кризис, но и все остальные страны, и что предположение Кейнса, что „общие размеры мировой продукции больше, чем когда-либо после 1914 г.“, фактически неверно. Достаточно, например, указать на то, что в июле 1925 г. продукция стали в Соедин. Штатах была, правда, несколько выше, чем в среднем в 1924 г., но ниже, чем в 1923 г., и, конечно, ниже, чем в годы войны; или продукция стали в Англии была гораздо ниже, чем до войны, а не только чем в 1923 г. То же самое следует сказать и о продукции стали в Бельгии. Выше, чем до войны, она была только, во Франции и в Люксембурге. Во всяком случае, в общем мировом масштабе мы имели за лето текущего года понижающуюся конъюнктуру, и не только в Англии, но и в других странах.

Но помимо этого, данные, касающиеся хозяйства Англии, опровергают положение, высказанное Кейнсом. Он исходит из того, что высокие цены препятствуют экспорту из Англии. На самом деле, общий экспорт (считая и реэкспорт) из Англии за девять месяцев 1925 г. почти не уменьшился по сравнению с прошлым годом, а экспорт фабрикатов—даже увеличился. Так, за первые семь месяцев 1924 г. было вывезено готовых изделий на 358,5 млн. фунтов, а за то же время 1925 г.—на 364,4 млн. фунтов. Уменьшился только экспорт сырья—главным образом, экспорт угля и кокса, вследствие общего кризиса на угольном рынке. Экспорт машин показывает за первое полугодие увеличение с 21,3 до 24,4 млн. фунтов; экспорт паровозов и судов—с 11,4 до 15,1 млн. фунтов. Еще значительнее увеличился экспорт хлопчатобумажных изделий: с 99 до 105 млн. фунтов. Уменьшился только вывоз железных и стальных изделий с 39 до 34,3 млн. фунтов. Отсюда видно, что нельзя категорически утверждать, будто экспорт английских изделий уменьшился вследствие более высокой заработной платы, потому что тот же момент не влиял на экспорт целого ряда отраслей промышленности. Чем же объясняет это обстоятельство Кейнс?

Надо сказать, что Кейнс вообще неправильно подходит к решению этого вопроса. Констатируя повышение заработной платы вместе с повышением номинальной стоимости фунта по отношению к заграничным деньгам, он отсюда делает вывод, что увеличились производственные расходы и что, вследствие этого, Англия не в состоянии вывозить.

Но для того, чтобы решить подобный вопрос, мало одного указания на рост реальной заработной платы, необходимо еще установить, действительно ли выше заработная плата в Англии, чем в других странах. Для этого следует произвести подробное сравнение величины заработной платы в различных отраслях труда и в различных странах. Далее, надо иметь еще в виду, что разница в заработной плате существовала также до войны, при чем довольно значительная. Необходимо было бы установить, изменилась ли эта разница и в какую сторону.

На наш вопрос во время доклада, почему Англия до войны была в состоянии конкурировать с другими странами, Кейнс ответил, что тогда денежные условия были нормальны. Но что означают „нормальные денежные условия“? Ведь, по Кейнсу, это сводится к вопросу о высоте заработной платы. Следовательно, изменение денежных условий ничего фактически не говорит, так как снова приходится ссылаться на разницу в заработной плате, а, между тем, эта разница существовала и до войны. Номинальная заработная плата, по подсчетам журнала „Wirtschaftskurve“, № 3 от 1925 г. была в начале 1925 г. в марках за неделю работы:

	Германия	Франция	Англия	Америка
Каменщики	56,16	40,32	82,11	277,20
Маляры	56,16	35,28	78,66	231,00
Штукатуры	64,39	—	82,11	323,40
Металлообраб. пром.: квалифицирован. раб. . .	34,56	37,80	47,43	203,30
Неквалиф. раб.	27,84	25,20	36,72	—
Текстильн. пром.: ткачи .	22,56	25,52	59,16	—

Из этой таблицы видно, что наиболее высокая заработная плата—в Америке, где она в некоторых отраслях в три или четыре раза и даже больше превышает заработную плату в Англии. Отсюда следовало бы заключить, что Америка не может конкурировать с Англией. Наши указания на эту разницу Кейнс пытался отвести тем, что Америка богата естественными ресурсами. Но цена продукта определяется, ведь, не естественными ресурсами, а производственными расходами. Производственные же расходы могли бы быть в Америке ниже, чем в Англии, если бы производительность труда там была в два или три раза выше, чем в Англии.

Сравнение производительности труда в различных странах представляет еще большие трудности, чем сравнение зарплаты, вследствие почти полного отсутствия соответствующих исследований. Все же Кейнс, делая свое утверждение, что высота зарплаты мешает английскому экспорту, должен был это доказать именно путем сравнения зарплаты и производительности труда.

Но главный вопрос сводится в постановке Кейнса к тому, в чью сторону ухудшили ненормальные денежные условия положение этих стран на рынке. И оказывается, что, по знаменитым исследованиям английского правительства, зарплата, например, каменщика в Соединенных Штатах превышала перед войной его зарплату в Англии в 2,85 раза; в металлообрабатывающей промышленности—даже только в 2—2¹/₃ раза, а теперь соответствующие данные—3,3 раза и почти 4 раза! Отсюда следует заключить, что Америка менее способна конкурировать на мировом рынке с Англией, чем до войны. Между тем, как всем известно, положение как раз обратное. Соед. Штаты теперь побивают Англию. Следовательно, дело не в высоте зарплаты, а в устарелости технического оборудования Англии и в высоких накладных расходах (налогах, дороговизне железнодорожных и иных тарифов), высоких процентах на капитал, затрудняющих улучшение производства, и т. д. Все эти моменты не принимаются Кейнсом во внимание. Ибо его памфлет направлен, по существу, не против Черчилля, а служит оправданием наступления капитала против рабочих...

Но пойдем дальше. Разница в зарплате в Англии и в Германии после войны на самом деле увеличилась. Заработная плата каменщика в Англии превышала такую же зарплату в Германии до войны на 33¹/₃%, теперь—на 46,2%; зарплата металлистов была раньше в Англии выше на 11—30%, теперь—на 37% выше, чем в Германии. Эта разница, однако, незначительна. При этом данные для Германии взяты для Франкфурта, а не для Берлина. Кроме того, разница могла произойти и от различного способа исчисления. Во всяком случае, несмотря на это обстоятельство, экспорт Англии в Германию возрос за первое полугодие текущего года. Он составлял за второе полугодие 1924 г. 30,6 млн. ф., за первое полугодие 1925 г.—38,7 млн. ф. Правда, за первое полугодие 1924 г. экспорт составил 40,9 млн. ф. ст., но за первое полугодие 1924 г. Германия переживала промышленный подъем; в этом году—депрессию. Самое важное, что, ведь, разница в зарплате Германии и Англии наиболее значительна в текстильной промышленности, где она в 2,75 раза,—а в металлообрабатывающей промышленности в 1,37 раза—выше, чем в Германии. Отсюда следовало бы ожидать, что больше всего должна страдать именно текстильная, а не железоделательная промышленность. Между тем, экспорт текстильных изделий возрастает, вывоз же железных изделий, наоборот, падает. Текстильная промышленность Англии имеет относительно мало безработных (в апреле 4,3%), металлообрабатывающая—почти в три раза больше (12,2%). Не ясно ли, что дело не в высоте зарплаты, а в общем положении хозяйства? Железоделательная промышленность имеет слишком большой производственный аппарат, результат военной экономики; она и переживает повсюду наиболее острый кризис. Текстильная промышленность работала во время войны не для мирного населения, потребности которого остались неудовлетворенными. И как только несколько улучшается покупательная способность (стабилизация валюты, хороший урожай и т. д.), поднимается спрос на предметы личного потребления, в которых население все еще нуждается весьма значительно.

Но Кейнс ссылается на угольный кризис, который якобы вызван валютной политикой. Это повторяет вслед за ним и профессор Фалькнер. Но как обстоит дело с зарплатой угольных рабочих? Оказывается, она превышала в январе 1925 года на 56%, а в июне уже только на 53% довоенный уровень, в то время как стоимость средств существования в Англии—и по данным

Кейнса—превышала довоенный уровень на 81—73%. Другими словами, реальная зарплата упала по сравнению с довоенной. Почему же она может затруднять вывоз? Но, быть может, в других странах она еще больше понизилась? Мы снова берем журнал „Wirtschaftskurve“, III, и находим там на стр. 286, что зарплата рурских забойщиков превышала, начиная с 22 апреля 1925 г., на 44% довоенный уровень, в то время как по официальным данным (стр. 280 того же журнала), стоимость жизни превышала довоенный уровень на 36,7%. Следовательно, здесь появляется плюс в пользу рурских рабочих. Другими словоми: рурские рабочие получают несколько более высокую зарплату, английские значительно меньшую, чем до войны. Все же английская промышленность не может конкурировать с германской. И в этом виноваты—английские рабочие!

В заключение еще несколько слов о политике Английского Банка. Мы не сторонники ее. Мы считаем ее во многих отношениях ошибочной. Но никак не можем согласиться с утверждением Кейнса, что „в чем мы теперь нуждаемся, чтобы восстановить наше благосостояние, это—политика облегчения кредита“. Теперь Банк, повидимому, последовал совету Кейнса, понизил с 1 октября учетную ставку с 4½ до 4% после того, как в августе она была понижена с 5 до 4½%, и расширил кредиты. Хотя количество банкнот в обращении с конца июля по 15 октября упало с 144,75 до 143,13 млн. ф., но в то же время золотой запас банка понизился с 164,26 до 155,84 млн. ф., или на 8,42 млн. ф. ст. Посмотрим, произойдет ли от этого в Америке „золотая инфляция“ и возрастание цен.

Теперь, к началу 1926 г., можем сказать, что индекс оптовых цен в Америке к концу 1924 г. был ниже, чем в начале его...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВАРГА О ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Т. Варга написал целый ряд работ о современном кризисе. Он добросовестно собрал большой и богатый материал, проанализировал его и дал, в общем и целом, правильную картину развития послевоенного капитализма. Однако, его объяснение кризисов вообще и послевоенного кризиса в частности, не совсем соответствует тому, что мы обычно понимаем под марксистской теорией кризисов.

Наиболее полно изложил он свои взгляды в брошюре, напечатанной в 1922 г. под названием: „Период упадка капитализма“. В этой брошюре Варга противопоставляет современный кризис или современный капитализм довоенному, который, по его мнению, находился в состоянии равновесия.

Варга считает, очевидно, что капитализм, нормально развивающийся, находится в состоянии равновесия, между тем как теперешний капитализм выбит из этого состояния. Условиями такого равновесия мирового хозяйства он считает: 1) определенные взаимоотношения между капиталистическими и аграрными странами, в данном случае, между Западной и Средней Европой и остальными частями Европы и 2) (как это он прибавляет в других местах) рост накопления капитала, который дает возможность капитализму удовлетворять потребности рабочего класса, при чем он много раз повторяет, что перед войной условия жизни рабочего класса улучшались.

В докладе, прочитанном им в клубе плановых работников и напечатанном в „Плановом Хозяйстве“, т. Варга возвращается к этой мысли и формулирует ее следующим образом: „Предпосылкой более продолжительной стабилизации капитализма является прогрессирующее накопление богатств общества, как целого. В капиталистических условиях“, говорит он, „это означает воспроизводство в расширенном масштабе“. При этом он подчеркивает, что необходимо отличать централизацию от аккумуляции капитала. Мы считаем такую постановку вопроса противоречащей основному положению Коммунистического Манифеста и всему нашему пониманию характера развития капитализма. Накопление капитала в данной стране не всегда означает расширенное воспроизводство: капитал можно экспортировать или применять в сельском хозяйстве, не увеличивая количества произведенных продуктов, но удешевляя их производство. Далее, расширенное воспроизводство, усиливающее тенденцию нормы прибыли к падению, означает изменение условий производства и, следовательно, также и общественных условий жизни. И отсюда мы полагаем, что именно при расширенном воспроизводстве в капиталистическом обществе нет и не может быть стабилизации, что процесс расширенного воспроизводства и есть революционизирующий производство и общественные отношения процесс, а не процесс стабилизации.

В дальнейшем Варга заявляет, что аккумуляция в условиях капитализма всегда предполагает технический прогресс.

Всегда ли аккумуляция предполагает технический прогресс, это вопрос иной, во всяком случае, при техническом прогрессе и создаются новые условия производства и, следовательно, также не может быть речи о стабилизации.

Далеко не точно также заявление его, что при техническом прогрессе всегда происходит уменьшение ценностей, содержащихся в одних и тех же товарных единицах. Но, ведь, ценность в товарных единицах может уменьшаться, картельная цена их от этого все же при современных условиях не уменьшается. Мы пережили и до войны продолжительный процесс возрастания цен не только в области сельско-хозяйственной, но и в области промышленности.

Так, например, цены на уголь в Германии поднялись с 1896 года по 1908 с 6 марок до 12 марок за тонну; цена на кокс—с 7 марок до 15; цена на чугун в Лондоне повысилась с 1886 года до 1908 с 29 марок до 46 марок; цена на железные полуфабрикаты—с 65 марок до 87,5; цена на балки—с 80 марок до 112 марок и т. д.[1]

Следовательно, хотя ценность этих товаров в действительности, может быть, и уменьшилась, но цена их возросла. Отсюда следует, что рост общественного богатства в натуральной форме еще не дает основания полагать, как думает В., что улучшилось положение рабочего класса, так как на самом деле цены сильно поднялись, и если даже накопление капитала произошло, то еще большой вопрос, поднялась ли соответственно зарплата.

На самом деле совершенно неверна мысль Варги, что положение рабочего класса перед войной улучшалось. Он ссылается на рост потребления, но данные, которые он приводит в другой своей работе—„Мировое Хозяйство“,—вышедшей в том же году на русском языке, говорят о росте среднего потребления на душу населения некоторых продуктов, которые не характерны. Если, например, им указывается, что растет потребление пшеницы, то это могло происходить за счет потребления ржи или мяса[2]; во всяком случае, если даже присмотреться к данным, которые приводит Варга, мы видим, например, что потребление пшеницы с 1880 года по 1911 год почти не увеличивается, и если сравнить не с 1911 годом, а с 1910, то мы получим даже резко выраженное падение потребления. На рост потребления в доказательство улучшения положения, рабочего класса хотели опираться в свое время и руководители германских профсоюзов, когда они оспаривали положение, защищавшееся Каутским в его знаменитой книжке „Путь к власти“, лучшей в этой области работе Каутского. Уже во втором издании этой работы К. имел возможность сослаться, в подтверждение своего положения, на других исследователей. Дальнейшие исследования как австрийских профсоюзов, так и некоторых правительств, например, в Англии, с несомненностью доказали, что перед войной мы имели падение реальной заработной платы, чем и вызывалось обострение классовых противоречий, которое, несомненно, характеризует последнюю перед войной эпоху капитализма.

---

[1] Emil Müssig, Preisentwicklung in der Montan-Industrie Seit 1870.

[2] Дальше мы констатируем, что внутреннее потребление хлебов в С. Штатах не увеличилось с конца 70-х до начала 900 гг. Мы уже не говорим о том, что эти подсчеты вообще грешат большой неточностью: не принимается, например, во внимание экспорт хлеба в обработанном виде, например, в виде макарон или спирта, получаемого из хлебов, и т. д.

Не желая здесь больше останавливаться на этом вопросе, мы можем отослать читателя к той главе первого тома нашего труда по „Мировому Хозяйству“, где мы касаемся положения рабочего класса в промышленных странах накануне войны, и специально также к стр. 129—130.

Гораздо важней то обстоятельство, что вся эта схема противоречит, по нашему мнению, теории кризисов Маркса. Прежде всего, развитие расширенного воспроизводства означает не создание условий равновесия, а, наоборот, нарушение этого равновесия. Капиталистическое хозяйство не знает никакого равновесия, как об этом говорили уже Маркс и Энгельс со всей решительностью в Коммунистическом Манифесте.

Вся критика тов. Осинского, направленная против Кондратьева, бьет в этом смысле также и Варгу. Цитата

IV тома „Капитала“, которую Осинский приводит, когда Маркс отвечает Рикардо относительно гармонии развития хозяйства: „Может ли на основании капиталистического производства необходимое приравнивание взаимосочетания различных сфер производства, установление размера и пропорции между ними совершаться иначе, чем путем постоянного устранения постоянной дисгармонии“,—говорит о том, что для Маркса положение равновесия в капиталистическом обществе явилось только теоретической абстракцией, подобно его исходной точке зрения о ценности. Там, где Маркс говорит о равновесии, он говорит о минутном равновесии, точнее, только об абстракции, а не о действительном равновесии. Поэтому сопоставление современного хозяйства, лишенного равновесия, с довоенным капитализмом, находившимся в известном равновесии, имеет лишь тот весьма относительный смысл, что довоенный капитализм не знал тех особо резких колебаний, которые характерны для современного послевоенного капитализма. Но никоим образом нельзя говорить о том, что довоенный капитализм находился в каком-то состоянии равновесия [1].

Отсюда ясно вытекает, что тот теоретический анализ, который Варга делает по отношению к современному хозяйству, тоже не точен. Мы сопоставим три подобных заявления т. Варги.

Желая охарактеризовать упадочный капитализм, он отмечает в нем следующие десять черт:

1) Географические границы капиталистического способа производства суживаются: на ряду с капиталистическими странами уже существуют и растут численно страны, в которых пролетариат установил свою диктатуру. 2) В отдельных капиталистических странах обнаруживается тенденция к возврату к докапиталистическим формам хозяйства. 3) Международное разделение труда сокращается, внешняя торговля

---

[1] К этому вопросу мы надеемся еще вернуться подробней; здесь мы отмечаем только вехи нашего теоретического расхождения с т. Варгой.

падает. Мировое хозяйство, имевшее раньше однородное высокопромышленное ядро в Западной Европе, теряет свое равновесие и распадается на части с совершенно различной хозяйственной структурой. 4) Единообразная золотая валюта, различавшаяся только разной величиной денежных единиц, заменяется бумажной валютой, лишенной опоры и подверженной колебаниям: обнаруживается тенденция к возврату к натуральному обмену. 5) Аккумуляция заменяется прогрессивным обнищанием-дезаккумуляцией. 6) Продукция сокращается. 7) Кредитная система разрушается. 8) Уровень жизни пролетариата падает: либо вследствие того, что денежная заработная плата не идет наравне с дороговизной, либо вследствие чудовищной безработицы. 9) Между различными слоями имущих классов вспыхивает обостренная борьба за раздел сокращающейся суммы производимых обществом ценностей. Политически это проявляется в постоянной смене правительств, в крахе и в новообразовании политических партий, в отсутствии сплоченной партии в парламентах и т. д. 10) Идеологически: разрушается вера в вечность и непоколебимость капиталистического общественного строя; господствующий класс принужден самовооружаться для защиты своего господства.

В другой своей работе „О кризисе капиталистического хозяйства“ Варга говорит, что сущность кризиса заключается в отсутствии равновесия в мировом хозяйстве, что, конечно, само по себе совершенно не верно, по крайней мере,—не-марксистски выражено. Такое объяснение кризиса вытекает из теории Туган-Барановского, но не Маркса. Причину нарушения равновесия В. видит в неравномерном развитии производительных сил, которое произошло потому, что создалась область с перепроизводством и область с недопроизводством, далее— в неравномерном движении цен на сельско-хозяйственные и промышленные продукты, в неприспособленности производства к условиям распределения доходов и наконец, в нарушении международного разделения труда вследствие индустриализации аграрных стран.

Не трудно видеть, что во всей этой конструкции имеется много натянутых и случайных обобщений. Прежде всего, сужение границ капитализма объясняется Варгой появлением советских республик. „Хотя,—говорит он,—

капиталистическое развитие делает еще успехи, вовлекая в свою орбиту Южную Америку и Китай, все же это не возмещает выпадения Советской Республики из мировой капиталистической системы. В каком смысле не возмещает? В географическом отношении Южная Америка и Китай занимают большее пространство, чем Советская Республика. Затем, ссылка его на то, что в некоторых капиталистических странах обнаруживается тенденция возврата к докапиталистическим формам хозяйства, неубедительна, так как, как известно, эта тенденция появилась только на короткое время в период наивысшего развития инфляции в Германии и в других странах и уже давно изжита. Помимо того, одновременно шел процесс вовлечения в капиталистический оборот крестьянского хозяйства даже тех областей Европы, которые раньше стояли в стороне от общих путей капиталистического развития.

Следующее его указание на сокращение международного разделения труда, на падение внешней торговли, на распад кредита и валют, — также следует считать, в общем и целом, превзойденной ступенью, и именно, ссылаясь на то, что исправлены эти „функциональные нехватки механизма“, т. Лапинский думал констатировать наступление нового периода империализма, о чем у нас речь впереди.

В этом смысле точки зрения Варги и Лапинского совершенно сходятся, и недаром Лапинский ссылается на Варгу, а Варга хвалит брошюру Лапинского, не делая при этом никаких оговорок.

Вопрос о сокращении продукции и аккумуляции капитала повторяется Варгой также в его уже названном докладе. Там тоже его основной отправной точкой зрения является утверждение, что в наше время аккумуляция капитала отсутствует и что этот основной факт и свидетельствует о распаде капитализма.

Но разве продолжающаяся работа рабочих не дает прибавочной стоимости, которая идет на дальнейшее развитие производства? Можно ли сказать, что при той высокой степени эксплоатации труда, которой мы достигли после войны, не происходит аккумуляция? Разве предприниматели потребляют все то, что они выжимают у рабочих? Если такой аккумуляции не было во время войны, то это объясняется разрушительным влиянием войны, которая поглощала продукты труда, созданные не только в течение войны, но и многих прошлых десятилетий. После войны такое разрушение создаваемых продуктов не наблюдается, за исключением, может быть, некоторых стран, которые пережили острый период инфляции и распродажи; но распродажа какой-нибудь страны, например, Германии, означает в то же время обогащение других стран за счет Германии. Следовательно, в общем мировом масштабе накопление все-таки должно происходить.

На самом деле, как мы еще увидим дальше, известное накопление капитала, расширение производства и оживление строительной деятельности после войны не подлежат сомнению; поэтому, исходя из такого положения вещей, мы, на основании теории Варги о предпосылках стабилизации (с нашей точки зрения, неправильной теории), должны были придти к заключению, что послевоенный капитализм действительно стабилизировался [1].

К выводу, что не существует накопления, Варга мог придти только потому что он сравнивает 1924 год с 1913 г. При таком сравнении оказывается, что в большинстве отраслей промышленности мировое производство еще не достигло уровня 1913 года.

---

[1] Вновь выпущенный капитал составлял в Германии, например, в 1913 г. 208 млн. марок в месяц; в 1923 г. — 16,7 м. и в 1924 г. — 36,5 млн. марок в месяц, считая в деньгах 1913 г., т.-е. разделив номинальную сумму на индекс товарных цен („Wirtschaftsdienst“ от 4 дек. 1925 г.), Накопление, весьма медленное и недостаточное, все-таки происходит.

Сравнение с 1913 годом показывает только то, что уровень производства, который достигнут в 1924 году, в мировом масштабе еще не сравнялся с довоенным уровнем; но отсюда еще далеко не следует, что после войны мировое хозяйство не пытается подняться с той ступени, на которой оно очутилось в 1919 или в 1921 г. Если империалистическая и гражданская войны разрушили народное хозяйство нашего Союза и оно еще не восстановило своего довоенного уровня, то разве отсюда можно сделать вывод, будто у нас не происходит накопления?

Правда, Варга говорит, что необходимо сравнивать между собой только одинаковые фазы конъюнктуры, т.-е. сравнивать кризис с кризисом, один период высокой конъюнктуры с другим; но и с этой точки зрения приходится сравнивать послевоенные кризисы между собой и послевоенные высокие конъюнктуры также между собой, а не с 1913 годом, когда структура народного хозяйства была совершенно иная. Если сравнивать послевоенные годы между собой, то не трудно будет установить, что некоторое повышение уровня производства, несомненно, имеется; отрицать его значит — только давать козыри в руки тем, кто на основании цифр стремятся доказать, что послевоенный кризис совершенно преодолен.

Так, например, не только по отношению к производству стали, которое уже обогнало довоенный уровень, но и по отношению к производству чугуна мы замечаем следующее: в 1919 году мировое производство составляло 53,2 млн. тонн, в 1920 году — 62 млн. тонн, в 1921 году—35,3 млн. тонн, в 1922 году—55,9 млн. тонн, в 1923 году—69 млн. тонн, а в 1924 году—66,4 млн. тонн.

Таким образом, последние годы дают значительно более высокую цифру, чем даже 1920 год, хотя и нельзя говорить о „плавном восстановительном процессе“, о котором говорит Фалькнер.

То же самое относится к добыче меди: в 1923 году она превысила довоенный уровень, значительно превысила уровень 1920 года и приблизилась к уровню 1919 года.

Происходит ли в Европе расширение производства?

На этот вопрос нельзя давать такого категорически отрицательного ответа, который дается Варгой. Если, например, сравнивать последние годы—1922, 1923, 1924,— то мы имеем значительное расширение продукции чугуна и стали не только во всем мире, но и в Европе.

Весь вопрос не в том, расширяется ли производство, а в том, расширяется ли база производства, основной капитал. Другими словами, можно в определенные моменты констатировать увеличение нагрузки существующих предприятий, но зато почти нет увеличения их числа или почти не предпринимается их переоборудование. Рост же производства только обостряет кризис перепроизводства на мировом рынке. В этом и заключается тупик, в который война загнала капитализм.

Дальше, преувеличенным и, вследствие этого, и неверным мы считаем и мнение Варги, что в Европе произошло полное исчезновение класса рантье. В подтверждение этого своего положения Варга ссылается на то, что франк упал до $^1/_5$ своей номинальной ценности и что рента потеряла $^4/_5$ своей ценности. Отсюда он делает заключение о том, что рантье потеряли $^4/_5$ своего состояния. Но, ведь, они не покупали эти ренты в золотых франках, а платили за них обесцененными франками же.

Французский довоенный долг составляет незначительную величину по сравнению с теперешним долгом. Даже к концу войны долг Франции еще составлял относительно небольшую величину по сравнению с теперешней ее задолженностью. Совершенно ясно, что нельзя говорить о потере $^4/_5$ ренты, так как рентные бумаги покупались за чрезвычайно обесцененные деньги; также нельзя представить себе такого случая, что все рантье сохранили у себя эти ренты, не перепродавая их, быть может, несколько раз в течение этого времени. Как бы то ни было, несомненно, что о полном исчезновении класса рантье ни в Германии, ни во Франции говорить еще не приходится, и можно даже констатировать в Германии за последнее время некоторое улучшение положения этого класса отчасти благодаря тому, что государство стало платить хотя бы ничтожную долю по старым своим долгам, отчасти потому, что многие из рантье успели во-время запастись твердой валютой или акциями, курс которых временно поднялся[1].

Вторым „структурным изменением“ Варга считает то, что континент Европы превратился из области экспортирующего капитала в область импортирующего капитала. Если бы можно было с этим считаться, как с постоянным фактом, то это действительно означало бы черезвычайно важное „структурное“ изменение, превращение Европы в известном смысле в колонию Америки. Но, как мы еще укажем, мы не считаем возможным такое положение вещей, при котором высокоразвитые капиталистические страны Европы были бы в состоянии постоянно получать капитал из Америки, оплачивать его высокими процентами и в то же время конкурировать с американской промышленностью на внешних рынках.

Весьма странно звучит также заявление Варги, что с потерей колониальной прибыли „капитализм больше не в состоянии противодействовать тенденции падения нормы прибыли при посредстве монополии“.

---

[1] Внутренний долг Франции составлял: к концу 1913 г.—33,5 мда фр., к концу 1918 г.—123,8 мда, к концу июня 1924 г.—277,85 мда фр. В 1918 г. курс франка равнялся уже 92%, в 1919 г.—71%, в 1920 г.—36%, в 1921 г.—39%, в 1922 г.—42%, в 1923 г.—31% и в 1924 г.—27% номинала.

О каком капитализме идет речь? Англия и Франция не потеряли своих колоний, а расширили их. То же самое относится и к Италии; следовательно, речь может идти только о Германии, которая потеряла свои колонии, но, ведь, колонии Германии не играли в ее экспорте товаров или капитала почти никакой роли. Ее империалистическая политика, доставившая ей монопольное положение на рынках Турции, еще далеко не окончательно потеряна для нее.

Поскольку Германия вновь выступит активно на арене мировой политики, она или приобретет обратно часть своих колоний или получит известную долю при разделе мира. Монопольное положение создается для капитализма не только благодаря колониям, но и также благодаря организации капитала внутри страны и на мировом рынке.

Отсюда мы делаем заключение, что как указанные раньше признаки упадка капитализма, так и большинство приведенных Варгой „структурных изменений“, не характерны или недостаточно характерны для современной эпохи. Во всяком случае, они не только не объясняют сущности современного кризиса, но и не говорят нам о том, стабилизировался ли на самом деле капитализм или нет. Ибо, как мы уже говорили, исходя из указанных признаков упадка, можно было бы придти к заключению о стабилизации капитализма; в виду того, что теперь этих признаков больше нет и что капитализм переживает „новую фазу“ развития, В. сам этого заключения не делает. Наоборот, он считает, что послевоенный капитализм не стабилизировался, так как нет накопления капитала. Но это его утверждение, как мы уже говорили, им не доказано и не вытекает даже из данных, которые им приводятся для характеристики современного кризиса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТОВ. ЛАПИНСКИЙ О „НОВОЙ ФАЗЕ ИМПЕРИАЛИЗМА“ [1]

В своей брошюре под таким названием тов. Лапинский затрогивает очень серьезные проблемы.

Основные его мысли сводятся к следующему:

„*Можно ли утверждать, что за последний год-два произошли* или, по крайней мере, наметились некоторые основные перемены в положении послевоенного капитализма, перемены, которые можно зачислить в целую отдельную, крупную экономическую категорию?.. По нашему мнению, без сомнения, да. И если это так, то это обозначало бы собою некоторую историческую грань, некоторый крупный факт или, по крайней мере, начало факта в исторической действительности.

Что же переменилось?.. Известно, что в первые 1—1½—2 года после прекращения мировой бойни мировой капитализм, хотя еще расчлененный, в общем слабо ощущал основную, так сказать, органическую свою проблему, проблему рынка, т.-е. сбыта товаров. Возможности сбыта казались в первое время почти неограниченными. То было время первой, так называемой кажущейся конъюнктуры. Только значительно позже более широкие круги не без удивления узнали, что и в этот период первого своеобразного расцвета наличные производственные возможности не были исчерпаны буквально ни в одной из европейских стран (не были сполна исчерпаны и в С. Штатах), точно так же, как и то, что и вывоз ни в одной из европейских стран даже приблизительно не достиг предвоенной нормы. Но и эта „относительная весна“ быстро сорвалась и уступила место совершенно небывалому по длительности и интенсивности проявлений кризису.

Только во время этого длительного, еще не законченного, кризиса мировые капиталистические круги постепенно учли на опыте тот факт, что к решению основной проблемы—проблемы рынков сбыта—и подойти-то вплотную нельзя, поскольку оставался разрушенным сам механизм мирового капитализма, изломанными его части, порванными его приводные ремни, заржавелыми от недостатка смазочного масла винты и гайки и т. д. Сперва необходимо было восстановить нормальные функции самого механизма, отстроить, составить, по крайней мере, некоторые основные его части, как нечто целое, как зачаток и ядро целого, необходимо было преодолеть хаос, устранить, осилить основные, худшие проявления функционального расстройства механизма (совершенно независимо уже от дальнейшей задачи расширения и обеспечения сбыта).

---

[1] Доклад, прочитанный на открытом собрании Ком. Академии 14 марта 1925 г. и напечатанный в журнале „Международная Летопись“ № 4—5, 1925 г.

Доходившее до границ распада расстройство нормальных функций международного капитализма можно упрощенно свести к четырем основным фактам:

1) Первый факт, это—общий политический и социальный „хаос“ (незафиксированность границ ряда государств, установление которых было трусливо предоставлено версальским зодчим мира—Лиге Наций, конференции послов и т. д.,—локальные, „мелкие“ войны и драки, разгул национализма, неугасавший бунт пролетарских масс, неурегулированность отношений с Сов. Россией, этим грозным „сфинксом“ Востока и т. д. и т. п.). „Хаос“ этот и убивал в корне у капиталистических кругов всякую уверенность в будущем и тем самым ослаблял, устранял у них основные психологические предпосылки всякой нормальной деятельности, предприимчивости, „доверия“.

2) Второй факт—полный распад валют денежной системы. Распад этот, как известно, дошел до гомерических размеров и сделал также всякую „уверенность в будущем“ невозможной, поскольку стала невозможной всякая „калькуляция“ в национальном и международном масштабе, создавая премию на экспорт и то искусственно подымая спрос, то вдруг совершенно его убивая, создавая самые причудливые ситуации, перетряхивая в имущественном отношении все общество; обогащая и разоряя, этот распад приводил весь социальный и хозяйственный механизм капиталистического общества в состояние какого-то неустанного сотрясения и движения всех составляющих его молекул и атомов.

3) Третий факт—стоящий по своему происхождению в связи с первым и вторым и объясняемый также замедлением капитализации (процесса образования новых капиталов в ряде крупных стран, в том числе в Англии), это—распад международного кредита, этой основной системы приводных ремней современного капиталистического механизма. Распад по всей линии: монополизация кредита англо-саксонскими странами и, прежде всего, С. Штатами, при полном их недоверии к кредитоспособности европейских стран, относительное, по сравнению с Европой, увеличение притока капитала в колониальные и полуколониальные страны других материков, превращение путем

накидывания колоссальной премии на риск международного кредита в чистейшее и небывалое ростовщичество и т. д.

4) Наконец, четвертый факт — утрата прежнего довоенного единства мирового капиталистического целого, торжество центробежных тенденций под лозунгом „спасайся кто может“. *Падение и возрождение международного кредита — только* одна сторона этого явления. Другая сторона — анархия всей системы международной торговли: целые крупнейшие страны, как Германия, оказываются фактически выключенными из регулярного международного оборота. Самые фантастические протекционистские тарифы, установление и применение которых предоставляется привыкшим к анархическим действиям и бесшабашнейшему угодничеству перед заинтересованными кругами административным властям — заменяют собою систему торговых договоров“.

„По всей линии этих, так сказать, функциональных расстройств капиталистического механизма за последнее время и в особенности за последний 1925 год пробивает себе дорогу вполне определившаяся и сильная тенденция к улучшению, что, конечно, по своим последствиям не могло бы в результате не повести к некоторому сдвигу всей проблемы послевоенного капитализма“.

Итак, не отрицая того, что кризис вообще продолжается, не отрицая органической связи между капитализмом вообще и рынком, тов. Лапинский говорит о том, что изменилась вся постановка этого вопроса, потому что теперь мы имеем уже перед собой новые факты.

Мне не трудно было бы начать с 4-го тезиса тов. Лапинского, который для него является выводом из первых трех, и показать, что утрата единства мирового хозяйства — вообще фикция, что о полной утрате этих связей нельзя было говорить в хозяйственном смысле даже в самые худшие периоды, в период кризиса 1921 года. В это время, не говоря уже о 1920 годе, определенная, чисто экономическая связь между странами существовала как в смысле торгового оборота, так и оборота капиталов, и если она уменьшилась в 1921 г. по сравнению с 1920 г., то вследствие чисто хозяйственных условий, вследствие кризиса, вследствие причин, лежащих не столько в „функциональных“ моментах, о которых он говорит, а, главным образом, в других условиях. Функциональные моменты, как ни важны они сами по себе, не являются решающими для мирохозяйственных связей. Но, вместо доказательства от противного, разберем отдельные его положения, и мы увидим, как неправилен сам по себе его подход и как неправильна его постановка вопроса.

Прежде всего, первый „факт“, так называемый политический и социальный „хаос“, по его мнению, являющийся моментом, затрудняющим капиталистическое развитие. Проф. Фалькнер в „Плановом Хозяйстве“ (в первом номере) говорит даже, что американский капитал не хочет идти в Европу потому, что он требует высокой „платы за риск“, с которым связан его поход в Европу. Это напоминает мне знаменитое учение о том, что вообще высота процента, высота прибыли связана с риском, с оплатой риска. Тому, что этим хотел сказать тов. Лапинский, приходится противопоставить знаменитое место из первого тома „Капитала“, где Маркс цитирует отношение капитала к риску или к „хаосу“:

> „Капитал“, — цитирует Маркс Quarterly Reviewer, — „избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы; при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами“. (Капитал“, I том, стр. 754).

Эта всем известная мысль по существу нашла подтверждение в истории последних лет после войны. Социальный и политический „хаос“ был сильнее всего в 1919 и в начале 1920 года. Как раз тогда была наиболее сильна волна рабочего движения на Западе, как раз тогда еще вопрос о социальном положении и социальном строе, например, для Германии далеко не был вырешен даже по представлениям капиталистов. Тем не менее, это время отличается наиболее оживленными торговыми отношениями между странами с наиболее интенсивной деятельностью капитала [1]. Мы видим как раз обратное тому, что, по существу, стремится доказать тов. Лапинский, а именно, что одним из затруднений для развития капитализма после войны являлся „хаос“. Этот хаос не был затруднением в первые годы после войны, следовательно, дело не в хаосе, а в каких-то других причинах.

Другой вопрос, гораздо более важный, это—вопрос о распаде валют. Из этой цитаты вы уже видели, что Лапинский сам знает, что распад валют часто, наоборот, содействует развитию торговых отношений между странами. Например, Германия в 1922 году пережила более интенсивные международные отношения, чем она пережила в прошлом 1924 году, за исключением последней половины 1924 года, о которой я буду говорить отдельно. Точно так же мы заметили, что для Франции в 1924 году, когда распад валют начался в более интенсивной форме, у нее установились более оживленные отношения с мировым рынком. Кроме этого, мы можем привести и обратное доказательство. Те страны, которые ввели у себя так называемую стабильную валюту, переживают до сих пор тяжелый промышленный кризис, который в значительной мере обрывает их отношения к другим странам, ослабляет их связи с мировым рынком. Следовательно, дело не в распаде валют. Этот распад валют есть внешнее явление второго порядка, не определяющее совершенно основных моментов связи между странами.

---

[1] Мировая торговля выразилась в миллиардах марок:

1920	1921	1922	1923	1924
276,2	175,6	190,2	208,6	?

Можно ли говорить (это основной вопрос, который я здес ставлю), можно ли говорить о том, что в течение 1924 года действительно восстановлена валюта европейских стран, пережили ли мы в течение 1924 года период стабилизации валют и можно ли вообще говорить о стабилизации валюты, как о факте на будущее время. Прежде всего, приводим общую характеристику 1924 года в этом отношении. Первый номер немецкого журнала „Wirtschaft und Statistik“, за 1925 г., стр. 25, дает характеристику этого года как раз в этом отношении. Он говорит следующее:

> „После 1919 года—1924 год явился годом самых сильных валютных колебаний. Чрезвычайное понижение курса валют мира по отношению к доллару и тем самым и по отношению к золоту, которое совпадало в 1923 г. с высшим пунктом рурской войны, продолжалось и в 1924 г. И только летом этого года оно приостановилось, когда почти все валюты достигли такого низкого состояния, которое можно сравнивать только с положением их за годы 1919 и 1920. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на последовавшее осенью повышение курсов—средний уровень их ниже уровня 1923 года“.

Почему т. Лапинский оценивает 1924 г. иначе, чем названный журнал? Очевидно, тут неправильный подход к фактам. Неправильность подхода объясняется тем фактом, что тов. Лапинский изучил одну страну, Германию, где условия последнего года были несколько иные. О них я буду еще говорить. Затем, имеем ли мы в так называемой Центральной и Восточной Европе стабильную валюту? Я утверждаю, что этого еще нет. Несмотря на то, что Чехо-Словакия первая ввела у себя стабильную валюту, она до сих пор не имеет стабилизации валюты. Мне бы пришлось очень долго останавливаться на этом, я вам лучше приведу доказательство относительно другого государства, о котором многие думают, что оно имеет стабильную валюту и которое служит ярким примером для всего того, что делает Лига Наций в этом деле, а с другой стороны, служит, в известном смысле, прообразом будущего развития в Германии. Я говорю об Австрии. Как обстоит там дело? Для этого я беру цитату из одного журнала „Wirtschaftsdienst“, в котором пишет один из лучших знатоков Австрии Столпер. Он характеризует положение в Австрии следующим образом:

„Осенью 1922 года обошли просто вопрос тем, что проблему Австрии поставили как проблему государственных финансов, а хозяйственной проблемы как будто и не существовало. Если будет сокращена деятельность печатного станка, стабилизована валюта, уничтожен дефицит в государственном бюджете, то — так рассуждали — все остальное уже само приложится. Что с помощью внешнего займа сбалансирование бюджета возможно, в этом нельзя сомневаться. Быстрота, с которой это удалось, всех удивила. Но с лета прошлого года стало все яснее, что в тот момент, когда приток иностранных капиталов прекратится, замрет и австрийское хозяйство...

В настоящий момент это обратное движение достигло такого пункта, когда австрийское хозяйство, как таковое, нуждается в значительных иностранных кредитах или осуждено на замирание. Число безработных, получающих пособие, превысило 200 тысяч. К ним надо присоединить, по крайней мере, 100 тысяч безработных чиновников и государственных служащих. Если на каждого безработного считать два члена семейства, то мы имеем миллион безработных или $^1/_3$ городского населения. Такого положения не знает ни одна страна в мире...

Если летом и осенью прошлого года многие думали, что речь идет только о банковском кризисе, который является только процессом очищения от излишних наростов инфляционного периода, то теперь всем стало ясно, что на самом деле мы имеем процесс падения хозяйства страны. Число банкротств все возрастает. Еще хуже, что все увеличивается та часть торговцев и средних предпринимателей, которая находится в скрытом состоянии неплатежеспособности, живет исключительно благодаря вынужденному терпению со стороны кредиторов. Установлен молчаливый мораторий, который должен задержать ход развития хозяйств“... (Почти теми же словами характеризует он же и положение к концу 1925 г.: опять огромная безработица, опять полнейший застой во всех делах).

Мы видим, каково действительное положение дел в Австрии. Австрия держалась и держится иностраннными кредитами, и вопрос о том, как она будет держаться дальше — ставится для австрийцев весьма серьезно. Надо иметь в виду, что Австрия получила относительно гораздо больший кредит от Лиги Наций, чем Германия, Австрия получила 631 млн. крон, а Германия — 849 млн. марок, но Германия почти в 10 раз больше Австрии. Сопоставляя эти две цифры, мы увидим, что Австрия получила гораздо больший кредит, чем Германия, и, тем не менее, спустя каких-нибудь два года, в Австрии начинается серьезнейший кризис, от которого она фактически еще не оправилась и который ставит перед нею вопрос: или дальнейшее кредитование со стороны иностранцев или замирание хозяйства. (То же самое пережила Германия к концу 1925 г.).

Но вопрос о стабилизации валюты, по существу, не исчерпан одной только Австрией или Германией. В Европе начинается новая проблема, которая прекрасно известна всем и, конечно, тов. Лапинскому, это — проблема французского франка и итальянской лиры, особенно французскаго франка. Стабильность или падение французскаго франка есть вопрос чрезвычайно серьезный для всей Западной Европы и для хозяйства целого ряда других государств, которые связаны с Францией. Как обстоит дело с французским франком? Достаточно только привести две цифры, достаточно только указать, что Франция имеет так называемые краткосрочные текущие долги на 34 миллиарда золотых франков, долги, которые не консолидированы. Это означает, что они в каждый данный момент появляются на рынке и давят на курс франка или заставляют центральный эмиссионный банк учитывать их и тем самым выпускать излишние банкноты. Надо еще указать, что Франции в текущем 1925 г. предстоит ликвидировать или переписать векселей на 94 миллиарда бумажных франков. Так как каждый раз переписать новые векселя становится все труднее и труднее, даже во Франции, то это проблема чрезвычайно серьезная, и недаром Клемантель и Рибо жаловались в последних своих речах на тяжелое положение французских финансов. Затем еще одна характерная цитата. Корреспондент того же журнала из Парижа говорит: „Французская валюта вступает после полугодия относительной стабильности в новый период колебаний“.

Если мы теоретически поставим перед собой вопрос—имеем ли мы вообще стабильные валюты, то я, ни на минуту не задумываясь, скажу, что мы нигде в Западной Европе не имеем стабильной валюты. Мы имеем фактически только бумажную реформу и бумажные валюты. Я теоретически отрицаю, что бумажная валюта может быть стабильной. Вопрос сводится, следовательно, к тому, удастся ли перейти к золотому обращению. Этот вопрос ставится теперь в Англии. Англия, как известно, страна наиболее подходящая для решения подобного вопроса. Он решен только одной страной в Европе—Швецией. Ей удается удерживаться на этом положении. Не надо забывать, что Швеция—нейтральная во время войны страна, значительно усилившаяся в свое время, по крайней мере, во многих отношениях, не отягченная заграничными долгами,—тем не менее, Швеция удерживает свою золотую валюту благодаря новым и новым кредитам за границей. Что касается Англии, то даже для такой страны, как Англия, это связано с чрезвычайно тяжелыми жертвами.

Яркую иллюстрацию мы имели после того, как Американский Банк поднял учетную ставку на 1/2%. Англия вынуждена была поднять учетную ставку на целый процент, несмотря на то, что положение Центрального Банка Англии отнюдь не вызывало этого повышения. Как раз положение на денежном рынке Англии таково, что спрос на деньги не так уже значителен, чтобы он заставлял поднять учетную ставку на 1%. Поднятие учетной ставки означает для промышленности отягчение производственного капитала большими расходами по отношению к непроизводственному капиталу и ухудшает конкурентную способность Англии на мировом рынке. Англия подняла ставку, стремясь удержать то золото, которое стало одно время притекать в Англию, но которое сейчас же направилось немедленно в Америку, как только в Америке подняли учетную ставку на $^1/_2$%. Это обстоятельство и заставило Англию поднять учетную ставку на целый процент, чтобы привлечь новые капиталы в Англию. Естественно, что, если это может сделать такая богатая страна, как Англия, то, конечно, не могут позволить себе такую роскошь разоренные страны Франция и Германия, если они хотят только восстанавливать свое хозяйство. Поэтому о том, что может быть восстановлено золотое обращение и что мы уже имеем стабильную валюту, приходится пока говорить очень и очень осторожно. На самом деле, Англия только подняла курс фунта до паритета, но не перешла к свободному золотому обращению.

Но, может быть, золотого покрытия и не нужно, размена на золото не нужно для стабильной валюты? Мы встречаем часто подобного рода взгляды не только в произведениях буржуазных экономистов, но и в наших журналах. Например, такой взгляд я встретил недавно в журнале „Социалистическое Хозяйство“ в статье В. Ф., который говорит о рентной марке Германии и заявляет, что она, не будучи обеспечена золотом, не могла выйти на мировой рынок. „Выход лишенной золотого обеспечения рентной марки на внешний рынок представляется чрезвычайно нежелательным (для кого? *Сп.*). А между тем, экспортная промышленность настойчиво требует введения устойчивых денег с золотым основанием“. Не говоря уже о том, что экспортная промышленность заинтересована как раз в падающей валюте, так как вывоз из стран с падающей валютой выгоден для промышленников, не говоря уже об этом, сама по себе такая связь между „выходом на внешний рынок“ и золотым обеспечением неправильна потому, что золотое обеспечение необходимо не только для внешнего рынка, но и для внутреннего рынка. Золотое обеспечение или установление обмена на золото и означает выделение твердой, устойчивой валюты. Ибо (я на этом останавливаться не хочу) достаточно только констатировать тот факт, что процесс капиталистического развития не может быть без перерывов в своем развитии, т.-е. не может быть без такого положения, когда, по знаменитому выражению Маркса, все товары не играют большой роли, когда все кричат: „Только деньги—товар!“, т.-е., когда спрос сводится к овеществленному общественному товару, который представляет из себя „овеществленный труд“, а именно—к золоту. Так как эти перерывы абсолютно связаны с ходом капиталистического развития, то отсюда и вытекает необходимость покрытия золотом, необходимость для рынка этой твердой опоры в лице того металла, который является общественным олицетворением труда. Эта необходимость совершенно ясна для всякого, вдумывающегося в механизм товарообращения в капиталистическом обществе. И пока его нет, нет и устойчивой валюты.

Третий „факт“, связанный с этими двумя, это—вопрос о международном кредите. Этот вопрос поставлен неправильно тов. Лапинским и ставится часто неправильно и многими другими товарищами.

Мне необходимо остановиться на нем с двух точек зрения. Прежде всего, что вызывает экспорт капитала в настоящее время и какую роль играет импорт капитала для капиталистических промышленных стран Европы? Что вызывает экспорт капитала? Тут мне приходится остановиться еще на одном моменте, который, мне казалось бы, совершенно ясен для всех, изучающих теорию денежного обращения по Марксу. Это так называемый вопрос о „золотой инфляции“, о которой много говорят, что будто она имеется в Америке, что Америка перенасыщена золотом и что эта перенасыщенность золотом заставляет ее вывозить капиталы. Такую концепцию я встретил у тов. Варги, который очень сердито полемизирует против другого немецкого товарища—тов. Корша. Последний высказался против него и заявил, что он „вульгарный марксист“, если он принимает эту точку зрения. Тов. Варга заявил, что он принципиально не полемизирует с теми, которые его называют вульгаризатором марксизма или вульгарным марксистом, так как он в свое время вел такую же полемику с Каутским и тот его так не называл. Далее он ссылается на тов. Двойлацкого, который также его так не назвал. Я не знаю, есть ли точка зрения „золотой инфляции“ вульгарный марксизм, но, во всяком случае, это—не марксизм. Тогда остается выбор между вульгаризацией марксизма и буржуазным учением. Что это не есть марксизм, в этом легко убедиться тому, кто прочитает соответственное место у Варги, где он говорит, что накопление золота является причиной обесценения золота, является причиной подъема цен в Америке и экспорта капитала. Это есть количественная теория Рикардо на новый манер. Полемизировать теоретически против этой точки зрения мне кажется излишним; но мне хотелось бы показать, что и практически эта точка зрения абсолютно неверна.

Если присмотреться к тому, что пережило мировое хозяйство или Америка за последние несколько лет после войны, мы увидим, что никакого отношения, никакой связи между движением золотого запаса в Америке, между обращением золота в самой стране или обращением денег вообще,—никакой связи ни с ценами, ни с экспортом капитала, ни с общим положением хозяйственной конъюнктуры в Америке нет. Достаточно, например, указать на следующую таблицу. За десятилетие от 1915 по 1924 год Америка получила половину своего запаса золота, при чем в 1916 г. Америка ввезла золота больше, чем вывезла, на 540 млн. долларов; в 1917 г. превышение ввоза над вывозом уменьшается до 180 млн. долларов, в 1918 г.—до 21 млн., а в 1919 г. даже получается уменьшение количества золота на 292 млн. долларов.

Казалось бы, что тут имеется уменьшение количества нарастания золотого обращения и вследствие этого надо было предполагать, что роста цен не будет. Тем не менее, все эти годы отличаются колоссальным ростом цен. Далее, мы имеем такое положение, что в 1921 году превышение ввоза над вывозом наиболее значительное— 668 млн.,—наиболее значительное, повторяю, за это десятилетие: как раз этот год отличается сильным падением цен! Дальнейшие годы отмечается такое нарастание ввоза золота: в 1922 г.—238 млн., в 1923— 294 млн. Увеличение количества ввоза золота есть, но роста цен почти не замечается.

ДВИЖЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА И ОПТОВЫХ ЦЕН В СОЕД. ШТАТАХ

Годы	Ввоз	Вывоз	Превышен. ввоза над вывозом	Индекс оптовых цен
	В миллион. долларов			
1913	63,7	91,8	— 28	100
1914	57,4	222,6	—165	98
1915	451,1	31,4	421	101
1916	686,0	155,9	530	127
1917	537,5	371,9	166	177
1918	62,0	41,1	21	194
1919	76,5	368,2	—292	206
1920	428,7	322,1	107	226
1921	691,3	23,9	668	147
1922	275,2	36,9	238	149
1923	322,7	28,6	294	154
1924	320,0	61,7	258	150

1924 г.	Превышен. ввоза над вывозом	Обращение золота и зол. сертиф.	Общее обращение денег на душу населения	Индекс товарных цен
	В миллион. долларов		в долларах	
Январь	45,2	997,0	44,22	151
Февраль	34,6	977,0	41,77	152
Март	33,5	1.049,3	42,85	150
Апрель	44,0	1.195,3	42,85	148
Май	40,5	1.129,8	42,33	147
Июнь	24,9	1.181,3	42,78	145
Июль	18,5	1.197,8	42,20	147
Август	15,8	1.198,6	41,36	150
Сентябрь	2,1	1.274,6	42,28	149
Октябрь	15,6	1.326,1	42,52	152
Ноябрь	13,2	1.341,1	43,12	153
Декабрь	—29,4	1.371,7	44,08	157
1925 г.				
Январь	—68,5	1.428,8	44,03	160
Февраль	—47,0	1.384,9	41,86	161
Март	—17,8	1.376,8	42,28	161
Апрель	—12,7	1.384,4	41,99	156
Май	— 2,0	1.372,1	41,50	155
Июнь	— 2,3	1.410,0	41,89	157
Июль	+ 5,8	1.431,4	41,49	160
Август	+ 2,7	1.412,5	41,31	160
Сентябрь	— 2,6	1.452,6	41,84	160
Октябрь	+22,7	1.464,0	42.17	158

Рассматривая положение за последние два года из месяца в месяц, мы увидим следующую картину. Общее обращение денег в стране почти не изменяется, при небольших колебаниях. Обращение золота увеличилось, несмотря на то, что за первые 10 месяцев 1925 года экспорт золота превышает импорт на 122 млн. долл. Цены падают, несмотря на рост обращения золота и несмотря на значительное превышение ввоза над вывозом в 1924 году; за вторую половину 1924 года цены несколько поднимаются (на 6,8%), несмотря на ослабление ввоза золота при увеличивающемся обращении золота (на 14,5%), хотя общее обращение денег в стране от этого совершенно не изменяется. В октябре цены понижаются, а ввоз золота увеличился. И если сопоставить общее обращение денег в стране, довоенное и теперь, то оно тоже не представляет собой значительного изменения (с 34,35 до 44,03 долл. на душу населения). Между тем, как известно, за все это время цены пережили целый ряд пертурбаций. Таким образом, мы видим, что и на практике эта теория не выдерживает никакой критики. Между тем, обычно ссылаются на нее, чтобы доказать, что Америка вынуждена искать рынков для своих капиталов. Вынужденность экспорта капитала для Америки имеется, но совершенно с другой точки зрения, с точки зрения положения хозяйства в самой Америке. Поскольку положение хозяйства в самой Америке ухудшается, постольку экспорт капитала увеличивается. Поэтому мы видим, что в 1922 г. экспорт капитала из Америки несколько меньше, чем в 1924 г. Тогда вывезено было 750 млн., теперь насчитывается свыше 960 млн. или около миллиарда. При оживлении хозяйства в Америке значительно ослабеет экспорт капитала. Надо иметь в виду, что общее представление, что Америка не может найти в себе приложения для своего собственного капитала и экспорт является единственным выходом, — опровергается следующими цифрами: экспорт капитала, в лучшем случае, был, по различным подсчетам, несколько выше миллиарда, а внутри страны новые эмиссии составили в 1924 г. 6 миллиардов 327 млн. долларов. Следовательно, в лучшем случае, вывезенный капитал составлял $^1/_6$ часть, 16% всех эмиссий, хотя и это довольно значительная сумма.

В 1922 году всех эмиссий было на 5.245 млн долларов. По отношению к этой сумме вывезенный капитал составляет не меньший процент, чем в 1924 году (17%). Итак, в год кризиса, в 1921/22 г. экспорт капитала усиливается; в следующий год, когда конъюнктура улучшается, экспорт капитала ослабевает. Отсюда мы не делаем другого вывода, как тот, что экспорт капитала регулируется высотой нормы прибыли.

Другими словами, капитал идет туда, где норма прибыли высокая, оставляет свою страну, если в ней норма прибыли понижается.

Но чем определяется высота нормы прибыли в различных странах? Это один из основных вопросов для оценки последствий так называемого плана Дауэса. Ибо многим кажется, что этим планом разрешена основная проблема восстановления хозяйства в Европе. Им кажется, что богатый американский дядюшка пришел в бедную Европу и осчастливит ее. На самом деле американский капитал пришел в Европу исключительно вследствие ненормально высокой нормы прибыли и процентов, которая получается теперь, после войны, в капиталистических европейских странах. Нормально норма прибыли в Америке должна быть выше, чем в Европе. Ибо страны с широким сельско-хозяйственным базисом и с низким строением капитала имеют нормально более высокую норму прибыли, чем страны чисто индустриального характера. Поэтому Америка до войны не экспортировала, а импортировала из Европы капитал, так как она имела более высокую норму прибыли, чем Европа. В промышленной Европе, с ее высоким строением капитала, уровень прибыли падал, отсюда и вытекала низкая учетная ставка и экспорт капитала. Теперешнее положение, когда Европа платит 8—9% за иностранные займы, в высокой степени ненормально, даже с капиталистической точки зрения, так как, например, в Германии уровень прибыли до войны был приблизительно 8—9%. Трудно себе представить, чтобы такая усиленная эксплоатация труда, при которой возможно платить за чужой капитал такую высокую норму процента, долго продолжалась. Отсюда ясно, что Европа, по крайней мере, капиталистически развитые страны Европы, не в состоянии будут брать капитал в Америке в кредит и платить такие высокие проценты.

Но не только с этой точки зрения приходится рассматривать вопрос об экспорте и импорте капитала. С точки зрения стран, импортирующих капитал, встает вопрос, с одной стороны, о внутреннем рынке, с другой стороны, об оплате за этот капитал процентов, т.-е. о внешнем рынке. Два слова только о внутреннем рынке. Для того, чтобы импортировать капитал, встает вопрос—с какой целью? Если импортируется капитал вследствие тех ненормальных условий, которые создались после инфляционного периода в том смысле, что весь оборотный капитал связан в неликвидных средствах и нужно как-нибудь их реализовать, или что реальный капитал распродан и нужно его восстановить, то это имеет известный смысл. В этом нет никакого сомнения. Для этого помощь иностранного капитала нужна. Но в общем капиталистические страны и после войны имеют избыток капитала (по крайней мере, основного). Для него даже узки рамки собственной страны, он сам ищет выхода на чужой рынок. Следовательно, не нужно добавлять к этому капиталу еще какой-нибудь новый капитал, чтобы удовлетворить собственный европейский рынок. Правда, могут возразить, что германский капитал или капитал Франции совершенно разрушены во время войны. Но это далеко не соответствует действительности. О разрушении капитала в Англии речи быть не может. Разрушение капитала в Германии это тоже понятие относительное. Не столько разрушен капитал, сколько его неправильно употребляли во время войны, по крайней мере, в области тяжелой промышленности и даже текстильной промышленности он весьма значителен. Даже в Германии пропускная способность сталелитейных предприятий на 50% больше, чем до войны, а, между тем, эти предприятия уже и до войны работали на внешний рынок. Для чего им новые капиталы? Приходится, следовательно, сказать, Другими словами, капитал идет туда, где норма прибыли высокая, оставляет свою страну, если в ней норма прибыли понижается.

Но чем определяется высота нормы прибыли в различных странах? Это один из основных вопросов для оценки последствий так называемого плана Дауэса. Ибо многим кажется, что этим планом разрешена основная проблема восстановления хозяйства в Европе. Им кажется, что богатый американский дядюшка пришел в бедную Европу и осчастливит ее. На самом деле американский капитал пришел в Европу исключительно вследствие ненормально высокой нормы прибыли и процентов, которая получается теперь, после войны, в капиталистических европейских странах. Нормально норма прибыли в Америке должна быть выше, чем в Европе. Ибо страны с широким сельско-хозяйственным базисом и с низким строением капитала имеют нормально более высокую норму прибыли, чем страны чисто индустриального характера. Поэтому Америка до войны не экспортировала, а импортировала из Европы капитал, так как она имела более высокую норму прибыли, чем Европа. В промышленной Европе, с ее высоким строением капитала, уровень прибыли падал, отсюда и вытекала низкая учетная ставка и экспорт капитала. Теперешнее положение, когда Европа платит 8—9% за иностранные займы, в высокой степени ненормально, даже с капиталистической точки зрения, так как, например, в Германии уровень прибыли до войны был приблизительно 8—9%. Трудно себе представить, чтобы такая усиленная эксплоатация труда, при которой возможно платить за чужой капитал такую высокую норму процента, долго продолжалась. Отсюда ясно, что Европа, по крайней мере, капиталистически развитые страны Европы, не в состоянии будут брать капитал в Америке в кредит и платить такие высокие проценты.

платежи за границей могут быть сделаны только товарами. Некоторые товарищи утверждают, что могут быть сделаны переводы акций; но, ведь, это только изменение названия, замена одного займа другим. Все различные формы займов требуют „своего куска мяса“. Все эти проблемы упираются в вопрос об экспорте товаров для оплаты процентов по займам. Это теперь является общепринятой истиной. „Съезд торговых палат“ в Риме создал особую комиссию для того, чтобы изучить этот вопрос. Последствием плана Дауэса будет германская конкуренция на мировом рынке, так как Германия не будет в состоянии платить по плану Дауэса, если не увеличит экспорта. Итак, ввоз капитала из-за границы, помимо всего остального, упирается в вопрос о внешнем рынке, не решает его, а сам разбивается о него. Лапинский много говорит о внешнем рынке, но ставит эту проблему, как будто она возникает только теперь, после того, как оформился капитализм, после того, как „восстановлены нормальные функции его механизма“ и т. д. Этим открывается „новая эпоха“ империализма, новая эпоха борьбы за рынок. Ничуть не бывало.

С первого же момента после войны этот вопрос о рынках стоял, как основной вопрос капитализма. Достаточно вчитаться в Версальский договор для того, чтобы увидеть, что авторы его думали только о рынке. Если Парижская конференция в 1916 году хотела лишить Германию права участия в торговых отношениях с Антантой, если она хотела обойти Германию в торговых взаимоотношениях, то в Версальском договоре говорится только о том, чтобы открыть ее рынки для товаров Антанты и, между прочим, для французских вин. Вопрос о рынке ни минуты не сходит с порядка дня послевоенного капитализма. И в этом отношении никакой новой формации капитализма нет и, по существу говоря, это есть основной вопрос послевоенного кризиса. Современный кризис, как и всякий другой кризис,—есть кризис сбыта, только при современных условиях выявляет совершенно новый сложный характер. И только выяснив сложность характера современного кризиса, мы можем ориентироваться в современных проблемах. Современный кризис, можно сказать, отличается от всех других кризисов, ибо и в данном случае имеет место общий закон, что количество переходит в качество. Мы имеем такое нагромождение всяких препятствий для дальнейшего развития капитализма, что преодоление их становится чрезвычайно затруднительным. Я не утверждаю, что мы переживаем после войны эпоху падения капитализма и т. д. Это было бы неверно, но я утверждаю, что мы переживаем после войны *эпоху наименьшей устойчивости положения, которую когда бы то ни было переживал капитализм*, по крайней мере, начиная с периода посленаполеоновских войн, так как тогда еще капитализма, как такового, по существу, не было, он был только в Англии. Сопоставьте линию безработицы до войны с колебанием, которое вы имеете здесь, и вы увидите, что разница есть *в самом характере* современного капитализма и довоенного. До войны вы имеете конъюнктурные периоды более или менее продолжительного характера, которые сменяются, то повышаются, то понижаются, в смысле кризисов. После войны вы не имеете почти ни одного года с определенной тенденцией.

Вот производство железа и стали в Америке за последние два года. Можно разве себе представить до войны подобное колебание?

В то время как в 1920 году добыча мягкого угля превышала довоенную добычу (1913 год) на 19%, а в октябре 1920 года даже на 31%, в апреле 1921 года она понижается до 71% довоенного уровня. Потом она несколько повышается, и в октябре того же года она снова превышает довоенный уровень на 12%. Таким образом, колебания в течение одного года составляют свыше 40%. В 1922 году, под влиянием забастовочного движения, в особенности в антрацитных областях, добыча мягкого угля падает до 41%, в то время как добыча антрацита почти совсем сходит на-нет; но уже к концу этого года добыча мягкого угля снова поднимается до уровня, превышающего на 21% довоенный уровень. Таким образом, амплитуда колебаний в 1922 году гораздо более значительна, чем в 1921 году. Добыча декабря превышает добычу апреля в 3 раза. В 1923 году добыча угля понижается относительно незначительно, однако, декабрьская добыча ниже январской на 26%. В 1924 году мы имеем колебания за первое полугодие между 127 и 74% по сравнению с довоенным уровнем, т.-е. гораздо более сильные колебания, чем в кризисный 1921 год. Отсюда напрашивается вывод, что положение в 1924 году еще менее устойчивое, чем оно было в 1921 году.

Производство же стали составляет в октябре 1920 года 144% довоенного производства. Потом оно понижается в январе 1921 года до 100%, и в июле того же года даже до 36%, после чего оно поднимается в ноябре до 75% довоенного уровня. В 1922 году оно постоянно повышается с 75% в январе до 136% в ноябре. В 1923 году оно сначала повышается с 152% в январе до 167% в мае, после чего оно идет постоянно вниз и опускается в декабре до 113%. Первые месяцы 1924 г. снова показывают значительное повышение (январь—144%, февраль—151% и март 166%), после чего производство стали быстро и сильно сокращается и уже в июне составляет только 81% довоенного уровня, т.-е. меньше половины производства за март. Колебания между высшей и низшей точкой за этот год несколько более сильны, чем за 1921 г.; низшая точка кривой производства опускается до положения, на котором она находилась в феврале 1922 года.

Кейнс в одной своей статье заявляет, что только Америка, здоровая страна, в состоянии пережить подобные колебания и все-таки развиваться. Если бы что-нибудь подобное случилось в Англии, она бы давно погибла. Я думаю, что эти колебания, которые, может быть, не так резки в Англии, хотя и в Англии они весьма значительны, показывают только одно,—неустойчивое положение современного капиталистического способа производства. Именно, это есть характерная черта послевоенного капитализма. Не то, что производство само по себе погибает; не то, что оно идет на убыль, это неверно и не является характерной чертой, а характерным является то, что все послевоенные годы, и в том числе и 1924 год, являются годами неустойчивого равновесия, неустойчивого положения капитализма, что определяет всю психологию как масс, так и руководителей современного общества в капиталистических странах. Известно, как это влияет на иностранные коммунистические партии, с одной стороны, и на капиталистическое общество, с другой, которое то теряет свое социальное равновесие, то снова приобретает его и становится агрессивным.

Таким образом, мы уже дали фактически характеристику современного хозяйства, которую мы хотели дать по отношению к 1924 году. Этот год, по существу, в этом отношении не внес ничего нового. Я не могу сказать, чтобы этот год дал какой-нибудь новый выход, что он представляет собой новую грань в капиталистическом хозяйстве. Нельзя это сказать потому, что в тех странах, где наиболее развит капитализм, и в 1924 г. можно констатировать продолжающееся резкое колебание „конъюнктуры“. Что касается Англии, то мы, правда, замечаем, что за первое полугодие количество безработных уменьшилось, но теперь мы имеем снова более высокую безработицу, чем в начале 1924 г. Следовательно, как будто происходит снова возвращение к исходному положению. Что касается Германии, то о ней особенно много говорить не приходится в виду того, что Германия в 1923 году пережила чрезвычайно острую торговую войну с Францией, и естественно, что она была разорена. Поэтому в этом году для Германии некоторое улучшенное положение как будто и наступило, но, главным образом, благодаря кредитам из Америки. То же положение, которое создалось в начале 24 года в Германии, а именно—кредитная инфляция, когда промышленники пользовались печатным станком Рейхсбанка, чтобы строить предприятия, повторяется и во вторую половину благодаря американским кредитам. На это указывают германские исследователи в „Wirtschaftsdienst“, об этом говорит и Пинер в „Берлинер Тагеблат“.

Что касается Франции, то она пережила в 1924 г. (и прибавим, и в 1925 г.) промышленный подъем, купленный сильным обесценением франка, разорением средних слоев и расстройством самого производственного аппарата.

Более характерно и в этом отношении положение в Бельгии. Бельгия,—это страна, которая побила Англию на мировом рынке железа. В 1924 и 1925 гг. она пережила период наиболее резкого колебания по целому ряду причин, которые сводятся к следующему:

В Бельгии и Франции продают основные продукты металлургической промышленности на 50—60% ниже мировых цен. Таким образом, они распродают себя. Возьмите хотя бы балки. Если Англия продает их за 180 марок за тонну, то Бельгия продает их за 103, Франция приблизительно за 109,—и естественно, что они таким образом подрывают торговлю Англии этими товарами.

И вот что сообщает корреспондент „Франкфуртской Газеты“ от 3 марта 1925 г. о положении рынка железоделательной промышленности в Бельгии:

„Рынок железоделательной промышленности был в последние недели февраля еще более слабым и имел отчасти понижающиеся цены. Усилилась партия, играющая на понижение. В ожидании нового понижения цен прекратились заказы. Подобные же отчеты о положении лондонского рынка влияют в пессимистическом смысле на положение бельгийского рынка. В особенности слаб рынок готовых изделий, в то время как рынок полуфабрикатов и сырья держится лучше. Статистика производства за январь еще показывает некоторое повышение производства чугуна и стали по отношению к декабрю, который, в свою очередь, был выше среднего уровня за прошлый год и довоенного уровня. В производстве готовых изделий замечается некоторое ослабление, и производство готового железа даже уменьшается больше, чем на одну треть. Производство цинка составляло в январе 15.120 тыс. тонн и держалось на высоте прошлого месяца. На рынке стали чувствуется особенно конкуренция со стороны Лотарингии... Положение рынка угля становится с каждым днем более критическим. Цены падают. Сокращение работы увеличивается“. (То же повторяется к концу 1925 года!)

Вы видите, что мы стоим не перед периодом блестящего развития, а, наоборот, как будто бы перспективы в этом смысле совершенно иные. В той же газете мы читаем относительно положения в Америке. Правда, в Америке общее положение еще довольно твердо, но началась „забастовка покупателей“ шерстяных изделий. Далее указывается на следующий факт, что новые заказы стального треста—наиболее чуткий барометр железного рынка—из месяца в месяц уменьшаются.

В ноябре 1924 г. стальной трест получил новых заказов на 750 тыс. тонн, в декабре—на 500 и в январе—на 250 тыс. тонн. В феврале заказы, вероятно, еще более сократились. Из некоторых районов сообщают уже о сокращении работы предприятий, например, из Юнгстон и Огио, где теперь 35 стальных предприятий независимых обществ работают, в то время как две недели тому назад работали 48 предприятий.

Так сообщает корреспондент „Франкфуртской Газеты“ от 3 марта. Он указывает на то, что продолжается строительная деятельность в Америке—одно из основных условий развития стального и железного рынка Америки, но тем не менее вы видите, что в этом отношении перспективы не особенно блестящи.

Если вернуться к Австрии, то достаточно процитировать того же Столпера, который и в хозяйственном отношении констатировал тяжелое положение. Словом, мне кажется, что если присмотреться к теперешнему положению, то вы согласитесь с моим основным выводом, что современный кризис есть кризис в сфере производства элементов производства и что современный кризис далеко еще не преодолен и не может быть преодолен обычными способами, как при обычных кризисах. Известно, что обычные кризисы преодолеваются тем путем, что значительная часть капитала из сферы производства предметов потребления переходит в сферу производства средств производства и тем самым повышается строение капитала, тем самым создается новый рынок, тем самым консолидируются и вновь создаются те же противоречия на более расширенном основании. Обычный путь, обычный способ преодоления кризисов капиталистического хозяйства и заключается именно в повышении строения капитала. В настоящее время мы имеем как раз в этой области особенное перепроизводство; особенно значительное накопление капитала, который не может быть использован. Достаточно указать на огромное количество доменных печей, которые не используются. Следовательно, перевод капитала из сферы производства средств потребления в сферу производства средств производства — бессмыслица, потому что именно эта сфера страдает от перепроизводства капитала. Отсюда и затруднение современного капитализма. Этим я не хочу сказать, что вообще создалось безвыходное положение для современного капитализма. Безвыходного положения вообще нет. Если я подчеркнул, что теперешнее положение особенно тяжелое, то я этим хочу сказать, что при современных технических условиях, при современной конъюнктуре на мировом рынке, когда развиваются новые промышленные страны, для преодоления этого кризиса нужны особенные еще условия, которых пока еще нет.

Никак, конечно, нельзя согласиться, что вообще в капитализме имеется тенденция к автаркии. Ничего подобного. Точно также неверна и постановка вопроса тов. Лапинского, поскольку он говорит о том, что каждая страна создавала особые барьеры и отрывалась от мирового рынка тем, что повышала таможенные пошлины. Пошлины часто служат как раз средством борьбы за мировой рынок, а не для защиты национальной промышленности. Это есть то изменение функционального значения пошлин, на которое в свое время указал Гильфердинг. Создание таможен могло бы при известных условиях, если бы покровительственные пошлины содействовали развитию производительных сил, даже содействовать взаимному товарообмену. Связь с развивающимися промышленными странами может быть даже более сильна, чем с аграрными странами, но для этого Европа должна реорганизовать все свое производство на совершенно новых началах, главным образом, в отношении производства средств производства и высококачественных товаров, как это делали Германия или Швейцария до войны. Чтобы завоевывать новые рынки, они подымали свое производство на более высокую ступень. Но именно этот выход из кризиса теперь значительно затруднен, не говоря уже о том, что для производства высококачественных товаров, производства машин и т. д. приходится иметь совершенно иное оборудование предприятий, иной, богатый массовый рынок, и нужно иметь высококвалифицированных рабочих, которых недостаточно и которых капитал в настоящее время больше всего боится. Именно в этих областях производства быстрее развивается рабочее движение, чем, например, в горной промышленности. Этот социальный момент играет не малую роль, как момент, мешающий реорганизации производства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К ТЕОРИИ КРИЗИСОВ

Прежде чем перейти к характеристике основных причин современного кризиса, необходимо в кратких чертах сказать, в чем мы видим основную двигательную пружину вообще всех капиталистических кризисов.

По нашему мнению, теория кризисов, как она развита Марксом, сводится в кратких чертах к следующему: капиталистический способ производства и сбыта имеет, как известно, тенденцию к расширению постоянного капитала за счет переменного, т.-е. к расширению, главным образом, основного капитала за счет оборотного и спец. переменного. Вследствие этого, несмотря на рост производительности труда и даже рост степени эксплоатации, создается тенденция нормы прибыли к понижению, т.-е. отношение прибавочной стоимости ко всему затраченному капиталу имеет тенденцию все больше и больше понижаться. Для того, чтобы противодействовать этой тенденции, капиталист прибегает или к увеличению получаемой им прибавочной стоимости, или к уменьшению затраченного капитала, или, наконец, к увеличению массы получаемой им прибавочной стоимости, что в известном смысле возмещает ему падение нормы прибыли, т.-е. уменьшение прибыли процентуально по отношению ко всему затраченному капиталу.

Так как повышение степени эксплоатации труда, с одной стороны, и, с другой стороны, понижение стоимости производства или понижение суммы затраченного капитала при данных технических и т. п. условиях не всегда возможны, то на сцену часто выступает стремление к увеличению массы прибавочной стоимости путем возможно большего расширения производства. Отсюда и стремление к безграничному расширению предприятий, хотя бы без улучшения техники производства. С другой стороны, стремление каждого отдельного предпринимателя понизить индивидуальные производственные расходы путем улучшения техники должно, в конечном счете, привести, в свою очередь, к общему и значительному расширению производства. Тем более, если принять во внимание, что улучшенный способ производства, и, в частности, улучшенная техника выгодны лишь в том случае, если расширяется объем производства („закон массового производства“ Бюхера. (См. об этом т. I „Мирового Хозяйства“, стр. 17). Отсюда создается определенное стремление к расширению производства независимо от возможности реализации на рынке произведенных товаров.

С другой стороны, реализация этих продуктов наталкивается на ограниченную способность рынка поглощать растущую массу товаров, в виду того, что заработная плата не поднимается или поднимается недостаточно и несоответственно росту производства.

В этом противоречии между стремлением капитала к безграничному расширению производства и увеличению количества произведенных продуктов, с одной стороны, и ограниченной социальными условиями распределения покупательной способностью рынка, с другой стороны, некоторые марксисты видят основную причину кризисов. Так, например, объясняет кризисы Карл Каутский.

„С ростом богатства капиталистов и с увеличением численности рабочих“, говорит он, „рынок все более расширяется, но так как расширение рынка совершается медленнее, чем накопление капитала и рост производительности труда, то спрос со стороны капиталистов и эксплоатируемых ими рабочих оказывается недостаточным для поглощения средств потребления, создаваемых крупной капиталистической промышленностью. Последняя должна искать добавочного рынка за

> пределами капитализма—в отраслях и странах, не производящих еще капиталистически. Она находит этот рынок и расширяет его все больше и больше, но все же не в достаточной мере, ибо этот добавочный рынок далеко не обладает той эластичностью и способностью к расширению, какою отличается капиталистический способ производства. Лишь только капиталистическое производство достигает стадии развитой крупной индустрии—в Англии, например, это имело место уже в первой четверти XIX столетия,—оно получает возможность делать такие крупные скачки по пути своего развития, что всякое расширение рынка через очень короткий промежуток времени оставляется им далеко позади себя. *Таким образом, всякая эпоха процветания, которым сопровождается всякое значительное расширение рынка, уже заранее осуждена на недолговечность, и кризис является ее естественным завершением*“.

В этом изложении теории кризисов мы имеем уже зачатки теории Розы Люксембург о необходимости для капиталистического развития „рынков за пределами капитализма“ для реализации прибавочной стоимости. Совершенно естественно, что это не-Марксова теория рынков, и Роза Люксембург, которая развила эту мысль Каутского в целую систему теории накопления, совершенно отчетливо ставит свою теорию в противовес Марксовой.

По сравнению с этим пониманием кризисов, теория Туган-Барановского, имея явно выраженный антисоциалистический характер, представляла все же в теоретическом отношении шаг вперед.

Исходя из Марксовой формулы расширенного воспроизводства, Туган считает, что кризисы происходят от неравномерного распределения капитала между отдельными отраслями народного хозяйства и что при пропорциональном распределении капитала между отраслями производства предметов потребления капиталистов и рабочих и отраслями производства средств производства и соответственном развитии этих отраслей не должны происходить кризисы, так как при этом условии обмен продуктами между этими группами может тогда происходить беспрепятственно. Но как устанавливается эта пропорциональность между производством одной и другой группы? Через кризисы, происходящие от диспропорциональности в распределении капитала и содействующие установлению таковой, так как во время кризисов капитал и приспособляется к потребностям производства. Общего перепроизводства во всех отраслях народного хозяйства и общих кризисов Туган-Барановский не признает.

Более того, он считает, что „в общем, при пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительного спроса не в силах вызвать превышение общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние“.

Что это его заявление неверно и противоречит даже его же собственным формулам, если их продолжить, доказал неопровержимо Каутский. И из наблюдений над действительностью мы знаем, что развивается капитализм сильнее всего там, где растет массовое личное потребление, а не обратно, на что в противовес Тугану указал П. Маслов. Однако, если это преувеличение отбросить, если исходить из остающегося неизменным или из медленно растущего потребления рабочих масс, то правильно разве в таком случае заявление Тугана, что общего перепроизводства при пропорциональном распределении общественного производства не должно быть?

Из всех марксистов наиболее глубоко исследовал проблему кризисов Гильфердинг, и недаром Ленин считал его работу „Финансовый капитал“ ценным трудом. Пишущий эти строки первым выступил с критикой некоторых взглядов Гильфердинга и пытался в вопросах о картелях построить новую теорию. Но нельзя отрицать того, что Гильфердинг дал глубокий анализ теории кризисов, хотя его выводы относительно кризисов в эпоху картелей неправильны. Впрочем, он недостаточно подчеркнул и некоторые основные моменты в этой теории, как мы сейчас увидим.

Гильфердинг совершенно правильно проводит ту мысль, что не само по себе отставание общественного потребления от расширяющегося производства является основой кризисов, а противоречие между предпосылкой расширения потребления рабочих и предпосылкой реализации прибыли.

„Тот узкий базис, который представляют для капиталистического производства условия потребления, становится общим условием кризиса потому, что невозможность расширения этого базиса является общей предпосылкой приостановок сбыта. Если бы потребление можно было расширять по произволу, то перепроизводство сделалось бы невозможным. Но при капиталистических отношениях расширение потребления равносильно уменьшению нормы прибыли. В самом деле, увеличение потребления широких масс связано с повышением заработной платы. Но последнее означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и уменьшение нормы прибыли. Поэтому, если спрос на рабочих вследствие накопления вырастает настолько сильно, что наступает уменьшение нормы прибыли, и (берем крайний предел) увеличенный капитал приносит прибыли не больше, чем капитал неувеличенный, то накопление должно будет прекратиться, потому что не достигается цель накопления—увеличение прибыли. Здесь одна необходимая предпосылка накопления—расширение потребления—прямо вступает в противоречие с другим условием, с реализацией прибыли. Условия возрастания капитала возмущаются против расширения потребления, и так как им принадлежит решающая роль, то противоречие возвышается до кризиса. Но как раз потому узкий базис потребления является всего лишь общим условием кризиса, и констатирование „недопотребления“ отнюдь не объясняет его. И еще меньше можно объяснить таким способом периодический характер кризисов: ведь, периодичность вообще невозможно объяснить, исходя из постоянного явления...“

Однако, не только периодичность кризисов нельзя объяснить медленностью развития потребления рабочих. Ведь, встает вопрос, почему капиталист не расширяет промышленного потребления за счет личного потребления, о чем говорит Туган. Гильфердинг подходит к этому вопросу ближе и совершенно правильно говорит, что „кризис наступает в тот момент, когда *тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли вследствие возрастания спроса*“.

> „Если, например,—говорит он,—увеличение спроса в первую фазу промышленного цикла знаменует повышение нормы прибыли, то, с другой стороны, это повышение происходит при таких обстоятельствах, которые подготовляют в позднейшем понижение нормы прибыли. Во время оживления вкладываются крупные новые капиталы, при чем способ их применения соответствует новому уровню техники. Но мы знаем, что технические усовершенствования выражаются в повышающемся органическом составе капитала.
>
> Но повышение органического состава знаменует понижение нормы прибыли, ухудшение условий возрастания капитала. И притом норма прибыли падает по двоякого рода причинам. Во-первых, потому, что сократился переменный капитал по сравнению с общей массой капитала, следовательно, прежняя норма прибавочной стоимости выражается в понизившейся норме прибыли. Во-вторых, потому, что, чем крупнее основной капитал по сравнению с оборотным, тем продолжительнее период оборота капитала, удлинение же периода оборота тоже знаменует понижение нормы прибыли“.

Гидьфердинг указывает потом на моменты, которые могут вызвать удлинения оборота капитала, как недостаток квалифицированных рабочих и т. д. Однако, в моменты промышленного оживления заказы опережают предложение, так что промышленник легко и быстро продает свой товар, чем ускоряется процесс оборота капитала. Удлинение времени оборота наступает тогда, когда *сбыт* начинает *замедляться*, когда уже начинает развиваться кризис. Следовательно, кризис нельзя объяснять замедлением оборота капитала, которое само уже—проявление кризиса. Гораздо правильнее, что он говорит дальше: „Во время оживления повышается спрос на рабочую силу, цена которой повышается. Это означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и нормы прибыли“.

Затем он разбирает вопрос об уменьшении предпринимательской прибыли вследствие возрастания процентной ставки. Не анализируя здесь вопроса о разделении прибыли между промышленным капиталистом и банками, мы оставляем этот вопрос без разбора, тем более, что существенного значения он в эпоху „сращения“ между банковым и промышленным капиталом иметь не может. Гораздо важнее то, что он говорит о повышении цен в моменты промышленного оживления.

„Если бы,—говорит он,—повышение цен во время оживления было всеобщим и равномерным, то оно оставалось бы чисто номинальным. Если бы все товары повысились на 10 или 100%, то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными. Тогда повышение цен не оказало бы никакого влияния на производство; тогда не могло бы наступить никаких передвижек в распределении капитала между различными отраслями производства, никаких перемен в отношении пропорциональности. Раз производство идет в надлежащих пропорциях, как схематически показано раньше, то нет нужды в каком-либо изменении, а потому не представляют необходимости и какие бы то ни было нарушения. Иное получится в том случае, если из характера повышения цен можно вывести причины, исключающие такую равномерность изменения цен. Тогда перемены в образовании цен могут привести к переменам и в пропорциональности между различными отраслями производства: ведь, изменение цены и прибыли оказывает определяющее действие на распределение капитала между различными отраслями производства. Эта возможность превращается в действительность, если можно будет показать, что повышение цен необходимо должно повести к передвижке в распределении капитала. И, действительно, можно отметить моменты, препятствующие этой равномерности“.

В дальнейшем Гильфердинг доказывает, как изменение цен вызывает диспропорциональность между различными отраслями производства, вызывая новое размещение капиталов, так как цены на товары поднимаются не равномерно, а в различных областях различно, и тем самым создают неравномерность в прибылях, т.-е. разную норму прибыли в отдельных областях народного хозяйства, что вызывает перераспределение капитала между этими областями.

Однако, как раз в моменты промышленного подъема предприниматель, нуждаясь в капитале, согласен пойти на любые проценты, чтобы привлечь капитал. Поэтому вряд ли перемещение капитала может происходить как раз в моменты наибольшего промышленного напряжения.

Отсюда нам кажется, что этот момент не может вызвать кризиса, во всяком случае, его роль более второстепенная.

Приводимая Гильфердингом цитата из Маркса говорит не только о том, что он хочет здесь доказать. Маркс на самом деле придает большое значение изменению цен на сырье и полуфабрикаты в периоды промышленного оживления, как моменту, вызывающему кризисы. Остановимся на этом несколько подробней.

Маркс говорит:

„Если цена сырых материалов возрастает, становится невозможным за вычетом заработной платы вполне возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Продукты земледелия в собственном смысле слова, сырые материалы, порождаемые органической природой, в особенности подвержены таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п.—влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне. Одно и то же количество труда может здесь, в зависимости от неподдающихся контролю процессов природы, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д., выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей, и потому определенное количество этих потребительных стоимостей может иметь весьма различную цену“... „Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты,—так как конкуренция и кредитная система лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: растительные и животные вещества, рост и производство которых подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, в силу этих природных условий не могут быть внезапно увеличены в такой степени, как, например, машины и пр. основной капитал, уголь, руда и пр., увеличение количества которых при неизменности природных условий может совершаться очень быстро в промышленно развитой стране. Вполне возможно, таким образом, и при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост той его части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той части, которая состоит из органических сырых материалов; вследствие этого спрос на такие сырые материалы увеличивается быстрее их предложения, и потому цена их повышается“.

Итак, быстрый рост основного капитала в промышленности вызывает рост цен на сырье и сельско-хозяйственные продукты, которые не поспевают за ростом промышленности. „Чем больше развито капиталистическое производство“, говорит Маркс далее, „чем более поэтому имеется средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительных и животных сырых материалов, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому реакция. Тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства“.

К этому следует еще прибавить, что в моменты расширения или еще больше возобновления основного капитала собственное потребление промышленности, следовательно, ее спрос, идет быстрей, нежели процесс производства, т.-е. предложение продуктов на рынок. Предприятия находятся в процессе перестройки. Отсюда рост цен на все необходимые для этой перестройки элементы производства.

Но откуда берутся эти потрясения, которые вытекают из сильного подъема цен? Чтобы уяснить себе это, надо вернуться несколькими страницами раньше, именно к странице 84 (первой части) того же III тома „Капитала“, где Маркс говорит, что цена продуктов в значительно большей степени зависит от цены сырьевого материала, чем от цен на машины. Однако, „расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельных товаров и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены“, поэтому „при повышении цен сырья и материалов цены фабрикатов повышаются не в том же отношении и не в том же отношении падают при понижении цен на сырье и материалы“.

Таким образом, „в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом повышается сильнее, чем это имело бы место при продаже товаров по их действительной стоимости“. Другими словами, если поднимается цена на сырье, то понижается норма прибыли, притом гораздо сильней, чем это вытекает из факта возрастания постоянного капитала. Маркс дальше еще раз подчеркивает огромное значение, которое имеет высота цены сырья и материалов для нормы прибыли. Последняя повышается или понижается в направлении обратном в сравнении с ценой сырья и материалов.

Отсюда он делает вывод о стремлении предпринимателя к понижению цены на сырье, к расширению внешней торговли, к уничтожению пошлины и т. д., и т. д.

Словом, мы видим в этом основной стимул к улучшению как способов обработки земли, так и способов добычи минералов, угля и т. д., так и к улучшению транспорта и сокращению всех накладных расходов.

С другой стороны, поскольку при существующих условиях быстро растут цены на сырье и материалы, а также и на рабочую силу, постольку всякое дальнейшее увеличение капитала в промышленности, расширение производства не обещает на известной ступени расширенного воспроизводства данной нормы прибыли и является невыгодным. Вследствие этого совершенно естественно, что предприниматель сокращает или, по крайней мере, не расширяет дальше промышленного потребления, в то время как производство продолжает выбрасывать, как результат заканчивающихся перестроек, растущее количество предметов производства на рынок,—отсюда и кризисы.

Это обстоятельство и объясняет нам то противоречие, которого не видел Туган-Барановский, когда он представлял себе возможность безграничного расширенного воспроизводства путем расширения производства средств производства за счет производства средств потребления. Он не видел того факта, что дальнейшее производство средств производства или дальнейшее промышленное потребление наталкивается на границу, создаваемую уровнем прибыли, ниже которого, при данных обстоятельствах, капиталист не хочет опускаться. Между тем, вследствие чрезвычайно возросших цен на сырье и материалы, а также вследствие возросших цен на зарплату всякое дальнейшее расширение производства не дает более той нормы прибыли, которую капиталист получал раньше.

Эту мысль Маркс высказывает в другом месте, заявляя следующее: „Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил, независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т.-е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Его специфическая особенность состоит в том, чтобы использовать имеющуюся капитальную стоимость, как средство для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала и развитию производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил“. А против этого обесценения имеющегося капитала и поднимает бунт капиталист, вызывая этим кризисы всего производства.

Итак, стремление к сохранению имеющейся капитальной стоимости заставляет возможно больше расширять производство, но методы, которыми можно этого достигнуть, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала. Поэтому предприниматели и не прибегают к ним, поскольку есть какой-нибудь другой выход. В чем видят предприниматели этот выход и как на самом деле выбирается капиталистическое производство из состояния кризисов?

Значение кризисов в этом смысле проявляется в том, что падают цены на сырье и материалы, вследствие чего ослабевает тенденция падения нормы прибыли; затем ослабевает конкуренция на рынке или потому, что понижаются цены на товары и тем самым расширяется рынок сбыта, или потому, что целый ряд предприятий закрывается, что дает возможность более крупным и более сильным предприятиям расширять свое производство и тем самым уменьшать производственные расходы.

Благодаря всем этим обстоятельствам, каждый кризис, как Маркс говорил, является исходным пунктом для дальнейшего расширения основного капитала, для реорганизации его и для перехода к новым методам производства и к более высокому органическому строению капитала. Все эти моменты и создают новую конъюнктуру, так как оживает спрос на средства производства, на рабочую силу и вместе с этим и на предметы потребления.

Таким образом, устанавливается тот процесс смены конъюнктур, который характеризует капиталистическое хозяйство; при этом регулярность этих изменений или цикличность процессов Маркс, как известно, объясняет возобновлением основного капитала, и то время, которое необходимо для возобновления основного капитала, характеризует, как годы промышленного подъема.

Туган-Барановский правильно подчеркивает, что „годы подъема промышленности суть вместе с тем годы создания нового основного капитала“.

По мере того, как этот основной капитал создается, ослабевает темп промышленного подъема, и при известных условиях, о которых мы уже говорили, снова наступает кризис, когда дальнейшее расширение или дальнейшее улучшение средств производства оказывается для предпринимателя невыгодным.

Итак, мы имеем в этом объяснении кризиса все моменты, которые обычно подчеркиваются в отдельности различными авторами. Во-первых, момент недопотребления или, правильнее, — недостаточно быстрого развития потребления у широких масс населения; это происходит вследствие того, что рост зарплаты усиливает тенденцию к понижению нормы прибыли, а следовательно, заставляет капиталистов противодействовать соответственному повышению зарплаты, вследствие чего при повышении цен сокращается сбыт, так как рынок не соответственно расширяется, не говоря уже о том, что потребление промышленных изделий сокращается вследствие вздорожания продуктов сельского хозяйства. Во-вторых, существует на самом деле известная диспропорциональность в развитии отдельных областей; но эта диспропорциональность не сглаживается вследствие того обстоятельства, что дальнейшее развитие и расширение производства опять-таки наталкивается на барьер в виде определенной нормы прибыли, лишиться которой при существующих обстоятельствах, т.-е. при растущих ценах на сырье и на рабочую силу, предприниматель не желает.

Мы видим, таким образом, что в основе объяснения кризисов лежит одно основное противоречие между стремлением предпринимателя к увеличению или, по крайней мере, к сохранению нормы прибыли и стремлением к расширению производства, т.-е. к сокращению индивидуальных производственных расходов и повышению нормы прибыли, к увеличению массы прибыли. Поскольку предприниматель стремится к расширению производства, он создает спрос на сырье, материалы и рабочую силу, поднимает цены на них, но тем самым производит еще большее давление на норму прибыли, так что противоречия этих двух тенденций в определенные моменты достигают своего кульминационного пункта, когда расширением производства нельзя уже возместить падающей нормы прибыли, а вместе с тем теряется всякий смысл дальнейшего расширения производства. Приостанавливается спрос на предметы промышленного производства, вместе с тем и спрос на рабочую силу, вместе с тем и спрос на предметы личного потребления, и создается переполнение рынка, общее перепроизводство во всех областях.

Вопроса о промышленных циклах мы здесь не касаемся. Мы о нем говорили на стр. 22—24 I т. „Мирового Хозяйства“ и надеемся подробно остановиться на нем в III т. нашего труда. Скажем только, что большие и малые циклы связаны с процессом возобновления основного капитала, первые— в области производства средств производства, вторые— в области производства предметов потребления.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС 1920 ГОДА

Если с этой точки зрения подойти к характеристике современного промышленного кризиса, то мы имеем снова налицо все те моменты, которые мы указали.

Если т. Осинский видит в кризисах временное разрешение противоречий капиталистического хозяйства, о чем в одном месте говорит и Маркс, если он с этой точки зрения подходит к объяснению кризисов, то, мне кажется, эта множественность причин может быть, по существу, сведена к одной основной причине: при создавшихся чрезвычайно высоких ценах на сырье и высокой номинальной зарплате (при относительно низкой еще производительности труда, вызванной войной), норма прибыли должна была, естественно, быстро понижаться и повести к приостановке дальнейшего производства.

Создалось противоречие, которое вызывает всегда при таких условиях кризис, а именно — противоречие между стремлением капитала к расширению и невозможностью сохранения нормы прибыли, к которой привыкли предприниматели во время войны и в первый период подъема после войны.

Совершенно естественно, что при том огромном повышении цен, которое испытали сырье и другие продукты в начале 1920 г. и которое вызвало бешеную скачку цен и на готовые изделия, рынок, даже при нормальных условиях, должен был испытать быстрое сокращение, вследствие чего и при относительно нормальных условиях обычного капиталистического развития должно было бы наступить замедление оборота и падение нормы прибыли, а следовательно, и сокращение производства,—т.-е. кризис; но послевоенные условия развития были явно ненормальными.

Если обычный подъем промышленности является результатом создания нового основного капитала, то в данном случае это не имело места, так как основные отрасли народного хозяйства вышли из войны с расширенным основным капиталом, который требовал, правда, местами большего или меньшего ремонта, но только редко могла идти речь о полном переоборудовании, хотя бы потому, что для этого недоставало капитала и широкого рынка.

Следовательно, почва для промышленного оживления конца 1919 года и начала 1920 года уже с самого начала была рыхлой и зиждилась на спросе на предметы личного потребления в виду огромного недостатка в них, созданного во время войны; отчасти, конечно, также и на предметы, необходимые для некоторого переоборудования или улучшения тех или других пострадавших от войны отраслей промышленности. Спрос на предметы личного потребления был весьма ограничен уже просто потому, что, несмотря на огромную нужду в них, покупательная способность населения страшно истощилась за время войны, запасы почти исчезли, в большинстве случаев они превратились в фиктивный капитал (государственные облигации или обесценившиеся бумажки), так что этот спрос мог поддерживаться только искусственно, кредитами со стороны государства или частных банков, что, само собой разумеется, долго продолжаться не могло. Точно так же и промышленное потребление должно было сократиться, вследствие высоких цен на сырье и высокой учетной ставки, вызывающих понижение предпринимательской прибыли.

Итак, мы имеем следующие моменты: весьма медленное расширение или возобновление основного капитала и значительное сокращение личного спроса вследствие слабости покупательной способности населения, даже по сравнению с обычным временем. Создавшиеся во время войны предприятия необходимо использовать, ибо иначе капитал превращается в мертволежащий капитал. Или они работают с низкой нагрузкой, и, следовательно, с высокими производственными расходами. Последнее обстоятельство, как и некоторые другие, о которых речь впереди, вызывает неимоверно высокий уровень цен, следовательно, затрудняет сбыт. Необходимость полной нагрузки предприятий диктуется также высокими ценами на сырье и материалы, как и высокой ставкой на капитал. Отсюда попытка расширить производство до крайних пределов, без создания основной предпосылки такого расширения, в виде возобновления основного капитала и даже только в виде расширения личного потребления.

С этим моментом связан и аграрный кризис. Уже в приведенной выше цитате Маркса мы могли видеть, что рост цен на сельско-хозяйственные продукты связан с быстрым ростом основного капитала в области промышленности, за которым не в состоянии поспеть сельско-хозяйственное производство. В другом месте, в „Теории прибавочной стоимости“ (т. II., ч. 2, стр. 183) Маркс еще определенней подчеркивает эту мысль и говорит: „Недостаток сырого материала может, однако, получиться независимо от влияния урожая или обусловленной естественными причинами производительности труда, доставляющего сырой материал. Именно, если в какой-либо особой отрасли промышленности на машины и т. д. (затрачена) слишком большая часть (накопленной) прибавочной ценности, добавочного капитала, то сырого (материала будет недостаточно для нового производства), хотя его было бы достаточно для старой ступени производства. Это, следовательно, получается вследствие неправильного распределения добавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала“.

Итак, быстрый рост основного капитала в области промышленности, „перепроизводство основного капитала“ в этой области вызывает рост цен на сельско-хозяйственные продукты и вообще на сырье. Это на самом деле наступило во время войны и в первые годы после войны. Само собой разумеется, что этот процесс усугубился тем обстоятельством, что на сельско-хозяйственные продукты существовал огромный спрос со стороны армии, идущий помимо спроса со стороны общего народного хозяйства. Но в общем основным фактором развития народного хозяйства и в послевоенное время явилось перепроизводство основного капитала в области промышленности и недостаток капитала в области сельского хозяйства. Когда война прекратилась, картина быстро изменилась: сельско-хозяйственное производство продолжало расти сначала, будучи обусловлено естественными моментами; промышленность же резко оборвала свое развитие.

Когда развитие промышленности приостановилось, должно было последовать за этим совершенно естественное понижение цен на сельско-хозяйственные продукты, как Маркс это развивает в III томе „Капитала“. Там он говорит, что повышение цен приводит к тому, что сырье и материалы начинают привозиться из отдаленных местностей, что производство их расширяется и что пускаются в ход всякого рода суррогаты, которые до сих пор не применялись и, наконец, что более экономно начинают обращаться с отбросами. К этому еще надо прибавить сильное сокращение потребления, которое на самом деле наступило вследствие повышения цен на сельско-хозяйственные продукты. По этому поводу Маркс говорит: „Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложение, то это означает, обыкновенно, что достигнут уже поворотный пункт, после которого, вследствие продолжающегося увеличения количества сырьевого материала и всех товаров, в которые он входит, как элемент, спрос понижается, а поэтому наступает реакция и в движении цен сырьевого материала“.

Это и наступило в 1919 и 1920 г. г. вследствие того, что расширившееся производство сельско-хозяйственных продуктов далеко не в состоянии было приспособиться к сразу уменьшившемуся спросу на них вследствие прекращения войны. С 1919 года начали падать цены на сельско-хозяйственные продукты. В особенности стали падать в цене продукты более высокого качества, которые употреблялись в значительных количествах войсками во время войны и могут употребляться только при относительно высокой покупательной способности населения. Спрос со стороны войск прекратился, население оказалось с весьма низкой покупательной способностью, ибо промышленный „расцвет“ сопровождался таким колоссальным вздорожанием всех продуктов, что реальная зарплата фактически не поднималась. Вследствие всех этих моментов предложение этих продуктов далеко опередило спрос, и начался сельско-хозяйственный кризис.

Итак, в основе сельско-хозяйственного кризиса мы видим следующие моменты: расширение основного капитала в промышленности вызывает постепенное, медленное расширение сельско-хозяйственного производства, которое продолжается, когда в промышленности происходит задержка в дальнейшем производстве. В то же время прекращается спрос со стороны войск, что увеличивает переполнение рынка.

Само собой разумеется, что сельско-хозяйственный кризис обостряет, в свою очередь, и промышленный кризис, так как суживает сбыт промышленных продуктов, предназначаемых для сельского хозяйства.

При нормальных условиях с.-хоз. кризис, однако, облегчил бы возобновление основного капитала, так как вследствие кризиса подешевели бы все продукты, необходимые для производства. Но именно вопрос о возобновлении основного капитала и не стоит теперь на очереди, вследствие того, что наличный основной капитал в промышленности на много превышает действительную потребность (вследствие того, что он чрезвычайно увеличился за время войны и нормальное производство не может его использовать, а также вследствие отсутствия реального накопления во время войны). Обычно, процесс воспроизводства совершается, ведь, благодаря заранее накопленному капиталу. Между тем, теперь капитал, постепенно накоплявшийся от использования основного капитала, не превращался в реальные элементы производства, а либо шел на расширение военной промышленности, либо уходил в сферу спекуляции, превращался в государственные займы и т. д. Следовательно, переоборудование, поскольку оно вызывается техническими и другими моментами, наталкивается на недостаток капитала. Конечно, путем кредитов можно этот недостаток несколько возместить. Но совершенно ясно, что на кредите, в особенности на иностранном, нельзя произвести полного оборудования предприятия. Для этого необходимо иметь собственный капитал, по крайней мере, в размере $^1|_3$, $^1|_2$ основного капитала. Да и, кроме того, высокая учетная ставка грозит поглотить всю предпринимательскую прибыль.

Как бы то ни было, вопрос о полной реорганизации средств производства не стоит даже в Англии, а не только на Европейском континенте. Он не стоит и в Америке, не имеющей еще возможности расширить свой экспорт фабрикатов. А поэтому и сельско-хозяйственный кризис только ухудшает положение, ослабляя внутренний рынок, спрос на предметы личного потребления, отчасти также на предметы оборудования в сельском хозяйстве, и тем самым затрудняет общий выход из положения.

Таким образом, сельско-хозяйственный кризис переплетается с общим промышленным кризисом и создает один общий кризис перепроизводства основного капитала, с одной стороны, и сельско-хозяйственных продуктов—с другой. Между тем, в обычное время сельско-хозяйственный кризис является исходным пунктом для нового накопления капитала в промышленности за счет сельского хозяйства и для расширения воспроизводства.

Ножницы, или расхождение цен сельско-хозяйственных продуктов и промышленных изделий, всегда сопутствовали сельско-хозяйственному кризису и проявлялись довольно часто в течение капиталистического периода, давая возможность промышленному капиталу расти за счет сельского хозяйства. Но при обычных условиях накапливающийся благодаря этому капитал идет в производство, расширяет размеры промышленности и тем самым способствует поднятию цен на сельско-хозяйственные продукты.

В данный момент этого как раз и не наблюдается: капитал не идет в промышленность, а либо уходит из страны, как, например, в Америке, либо вкладывается в спекуляцию, как мы это видим в Западной Европе, либо изъемлется под видом различных налогов для оплаты государственных кредиторов и только в относительно незначительном количестве способствует дальнейшему развитию промышленности и поднятию цен на сельско-хозяйственные продукты. Вот почему как тот, так и другой кризис оказываются такими затяжными. Ибо нет того основного момента, который создает подъем промышленности, именно—нет воссоздания основного капитала. Нельзя сказать, чтобы совершенно не было накопления, чтобы не было того или иного улучшения в средствах производства, но нет коренной ломки средств производства и нет расширения основного капитала, вследствие этого нет базы и для улучшения положения сельского хозяйства.

По переписи 1921 г. С.-А. С. Ш. мы можем судить в общих чертах о развитии отдельных отраслей североамериканского народного хозяйства, производящих предметы потребления и средства производства. С этой целью мы сопоставим развитие текстильной и железоделательной промышленности. Первая работает для непосредственного личного потребления, вторая производит средства производства.

Текстильная промышленность занимала в 1909 году 1.445.720 раб., в 1914—1.507.374, в 1919 году—1.611.309 и в 1921 году—1.510.878, т.-е. увеличилась за пять лет перед войной на 61.654 рабочих, или на 4,3%, а за годы войны—на 103.935 раб., или на 6,8%. За следующие два года она потеряла почти все, что приобрела за годы войны, вернувшись к уровню 1914 года.

В железоделательной промышленности были заняты:

В 1909 году	1.026.553 раб.
„ 1914 „	1.061.058 „
„ 1919 „	1.585.712 „
„ 1921 „	1.031.523 „

Пятилетие перед войной не дает почти увеличения количества занятых рабочих. И рост капитала и рост производства тоже относительно слабый. Американский рынок оказался в известном смысле насыщен, и процесс реорганизации основного капитала заканчивался или закончился. Но война дала сильнейший толчок новому расширению производства. Число занятых рабочих поднимается на 524.654, или почти на 50%. И все это развитие сведено годом кризиса—на-нет. Более того, оно было отброшено назад от 1914 года. Число рабочих упало ниже того числа, которое было в 1914 году.

Сопоставим с этим тот факт, что число занятых в ремонтных железнодорожных мастерских относительно мало понизилось. Оно было:

В 1909 году	304.592
„ 1914 „	365.902
„ 1919 „	515.709
„ 1921 „	418.285

За время войны число занятых в них рабочих увеличилось на 40%, после войны оно понизилось на 18%, оставаясь значительно выше, чем в 1914 году.

Не ясно ли отсюда, что процесс ремонта после войны продолжался, но совершенно приостановился процесс расширения основного капитала?

Если мы возьмем не количество занятых рабочих, а стоимость произведенных продуктов, то мы получим несколько иную картину:

СТОИМОСТЬ ПРОИЗВЕДЕННЫХ ПРОДУКТОВ

(в млн. долл.)

	Текстильная пром.		Железоделательн. пром.	
	1919 г.	1921 г.	1919 г.	1921 г.
Зарплата	1.482	1.473	2.193	1.320
Сырье	5.382	3.804	4.816	3.003
Валовая стоимость продуктов . . .	9.216	6.961	9.404	5.601

Валовая стоимость текстильной промышленности уменьшилась на 2.255 млн. долл., при чем сырье обошлось ей дешевле на 1.578 млн. долл., так что 670 млн. пришлось сбавить за счет других источников. Валовая стоимость продукции железоделательной промышленности понизилась на 3.803 млн. долл., из которых на счет сырья приходилось 1.813 млн. долл. и на счет зарплаты—873 млн. долл., а всего—2.686 млн. долл., так что свыше одного миллиарда долларов пришлось отнести за счет других источников.

Текстильная промышленность оказывается в гораздо лучшем положении, чем железоделательная. Мы имеем, следовательно, ярко выраженный кризис производства средств производства; при чем по стоимости продукции текстильная промышленность превышает в два раза производство 1914 года, а железоделательная — на $^2/_3$.

Если сопоставить эти данные с количеством занятых рабочих, то ярко сказывается и характер современного кризиса: сохранение относительно высокого уровня цен и максимальное сокращение работы, переложение всей тяжести кризиса на рабочих и на потребителей вообще. Но тем самым затрудняется, помимо всего остального, и выход из создавшегося положения, который дается именно понижением цен...

Однако, эти общие данные, взятые из переписи, еще недостаточно полно характеризуют изменения, происшедшие за это время; ибо они охватывают период войны и первые годы после войны, не указывая изменения за отдельные годы. Для более точного уяснения сопоставим развитие основных отраслей народного хозяйства в Соед. Штат., как оно представлено за время войны в брошюре „The Agricultural Crisis and its Causes“, стр. 46—47. В ней приведен индекс работы промышленного, горного дела и сельского хозяйства, при чем за основу принята работа 1909 года, приравненная 100.

РАБОТА ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА

Годы	Текстильная пром.	Железодел. пром.	Метал. пром.	Вся пром.	Горное дело	Сельское хозяйство
1913	155,8	211,2	223,9	187,1	227,2	122,1
1914	157,3	161,3	200,3	171,4	202,6	135,0
1915	167,8	205,3	248,1	187,2	227,6	141,0
1916	207,6	268,9	319,0	218,6	267,0	124,9
1917	201,4	262,7	305,0	215,2	277,2	125,0
1918	202,7	267,9	343,5	214,0	279,6	133,2
1919	190,7	212,7	296,1	195,3	228,4	137,6

Период 1913 г. по 1919 г., по существу, распадается на 3 периода: до вступления Америки в войну, после вступления и после прекращения войны. В течение первого периода, который охватывает первое трехлетие до 1917 г., американская промышленность делает крупнейшие успехи, при чем развивается как текстильная промышленность, так и металлообрабатывающая. Текстильная промышленность увеличивается на 50 пунктов или $^{1}|_{3}$, железоделательная промышленность также увеличивается на 58 пунктов, что составляет 25%. Общее развитие промышленности выражается цифрой 218 в отношении к 187 (1913 г.), а развитие горного дела — 267 в отношении к 227. Развитие сельского хозяйства еще сравнительно слабо. Во всяком случае, 1916 год дает известное понижение по сравнению с 1915 г., и только в следующие годы сельское хозяйство продолжает развиваться довольно быстрым темпом, между тем как промышленность уже явно чувствует влияние войны, задерживающей ее поступательный ход.

Горное дело продолжает развиваться до 1918 года, хотя развитие, несомненно, замедляется, и если сравнить то положение, в котором находилась железоделательная промышленность к концу войны, в 1918 г., с текстильной промышленностью, то мы замечаем следующее: за годы войны текстильная промышленность значительно возросла, пожалуй, значительней, чем железоделательная промышленность, но, в общем, последняя далеко опередила текстильную промышленность.

Далее весьма интересна следующая таблица, которая указывает, из каких источников черпались материалы для промышленности.

ПРОИЗВОДСТВО СЫРЬЯ И ГОТОВЫХ ИЗДЕЛИЙ В АМЕРИКЕ

(1911—1913—100)

Годы	Сырье			Готовые изделия, обработка		
	Сельск.-хозяйств.	Горн. пром.	Всего	Сельск.-хозяйств. продукт.	Горн. пром. продукт.	Всего
1913	96	106	98	101	108	104
1914	108	100	106	103	85	95
1915	116	108	113	110	110	111
1916	101	123	106	117	145	131
1917	110	131	113	118	148	135
1918	108	132	111	126	145	137
1919	112	112	112	120	118	126(?)

Примечание: Под сырьем, полученным из сельско-хозяйственных продуктов, подразумеваются следующие сельско-хозяйственные продукты: яблоки, ячмень, кукуруза, хлопок, сено, овес, персики, картофель, рис, рожь, сахар, табак, пшеница, шерсть.

Под продуктами горной промышленности подразумеваются: каменный уголь (антрацит и мягкий уголь), медь, золото, железная руда, серебро, нефть, ртуть, цветные металлы, соль, сера.

Обработка сельско-хозяйственных продуктов: кофе, хлопок, хлопковое семя, хлопковое масло и др. продукты хлопка, пенька, джут, табак, пшеница, мясо, баранина, свинина, кожа, шкуры, шелк, шерсть.

Обработка продуктов горной промышленности: кирпич, цемент, кокс, медь, золото, чугун, сталь, металл листовой и полосовой, проволока, гвозди, олово, цинк, известь.

Из этой таблицы видно, что рост промышленности до 1918 г. идет гораздо быстрее, чем рост производства сырья. Производство сырья поднимается по отношению к 1911—1913 гг. приблизительно на 8%, производство промышленности увеличивается почти на 37%. При этом, если взять рост сырья по сравнению с 1912 г., то мы имеем гораздо меньшую величину, так как в 1912 г. общее производство сырья составляло 109 по сравнению с 1911—1913 гг. Рост обработки сельско-хозяйственных продуктов происходит также гораздо медленней; это указывает, что производство предметов непосредственного потребления значительно отстает от общего производства, а следовательно—и от производства средств производства.

Отсюда вытекает и то обстоятельство, что до 1918 г. цены на сельско-хозяйственные продукты поднимаются быстрей, чем цены на промышленные продукты. Так, например, если сравнивать цены на сельско-хозяйственные продукты по отношению к ценам на все остальные продукты, и если это взаимоотношение в 1913 г. обозначить цифрой 100, то оно в 1914 г. выразится цифрой 107, в 1915 г.—цифрой 109, в 1916 г.—цифрой 100, в 1917 г.—цифрой 113, в 1918 г.—цифрой 117, т.-е. покупательная способность сельско-хозяйственных продуктов по отношению к другим продуктам возрастает; в 1919 г.

она продолжает расти до апреля месяца, когда она достигает 128, затем она быстро идет вниз и падает до 102 в сентябре и до 103 в декабре.

В среднем для 1919 г. мы имеем 113; в 1920 г. падение продолжается, и покупательная способность сельскохозяйственных продуктов выражается в декабре цифрой 65, а в среднем за весь этот год—цифрой 84.

В 1921 г. падение этой покупательной способности идет еще дальше.

Итак, мы ясно видим причину сельско-хозяйственного кризиса. В 1919 г., когда промышленное производство уже приостанавливается, сельско-хозяйственное производство продолжает расти, получается уже относительное перепроизводство сельско-хозяйственных продуктов по отношению к промышленным и вследствие этого быстрое падение цен на сельско-хозяйственные продукты по отношению к промышленным. Можно эту мысль еще иллюстрировать сопоставлением мировой продукции железа и металлов с урожаем хлопка. В то время как урожай хлопка сильно сокращается за время войны, доходя в 1917 г. только до 75°/₀ урожая 1913 г., и затем в 1918 г. повышается до 82°/₀, производство железа за все военные годы не спускается ниже 80°/₀, доходя в 1916 г. даже до 101°/₀, и только в 1918 г. составляет 81°/₀ довоенного уровня. Добыча меди, например, далеко опередила довоенную и составила в 1918 году даже 145°/₀ довоенной добычи. Точно так же добыча остальных металлов держится на довольно высоком уровне. Только в 1919 г. резко сокращается их производство.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Самой характерной чертой современного кризиса является, во-первых, *необыкновенная интенсивность этого кризиса*, а, во-вторых, — *постоянные, беспрерывные потрясения всего хозяйственного организма*.

Поясним это следующими данными: если рассмотреть продукцию угля и железа за продолжительный период времени, то мы имеем следующую картину (в млн. больших тонн):

ДОБЫЧА УГЛЯ

(Statistical Tables and Charts relating to British and foreign Trade and Industry; затем из официальных ежегодников)

Годы	Англия	С. Штаты	Годы	Англия	С. Штаты
1855	61,5	11,5	1891	**185,5**	150,5
1856	66,6	12,1	1892	181,8	160,1
1857	**65,4**	11,9	1893	164,3	162,8
1858	**65,0**	12,5	1894	188,3	**152,4**
1859	72,0	14,0	1895	189,7	172,4
1860	80,0	13,0	1896	195,4	171,4
1861	83,6	14,7	1897	202,1	178,8
1862	**81,6**	15,6	1898	202,1	196,4
1863	86,3	19,0	1899	220,1	226,6
1864	92,8	21,1	1900	225,2	240,8
1865	98,2	21,2	1901	219,0	261,9
1866	101,6	25,9	1902	227,1	269,3
1867	**104,5**	27,5	1903	230,3	319,1
1868	103,1	29,3	1904	232,4	**314,1**
1869	107,4	29,4	1905	236,1	350,8
1870	110,4	29,5	1906	251,1	369,8
1871	117,4	41,9	1907	267,8	428,9
1872	123,5	45,9	1908	261,5	371,3
1873	127,0	**51,4**	1909	263,8	411,4
1874	**125,1**	47,0	1910	264,4	447,8
1875	131,9	46,7	1911	**271,9**	**443,2**
1876	133,3	47,6	1912	260,4	477,2
1877	134,6	54,0	1913	287,4	508,9
1878	132,7	51,7	1914	265,7	458,5

Годы	Англия	С. Штаты	Годы	Англия	С. Штаты
1879	134,0	60,8	1915	253,2	474,7
1880	147,0	63,8	1916	256,4	526,9
1881	154,2	76,7	1917	248,5	581,6
1882	156,5	92,5	1918	227,7	605,5
1883	**163,7**	103,3	1919	229,8	487,6
1884	160,8	**107,3**	1920	229,5	587,4
1885	159,4	99,3	1921	163,3	452,1
1886	157,5	101,5	1922	249,6	425,9
1887	162,1	116,7	1923	276,0	472,4
1888	169,9	132,7	1924	269,0	509,9
1889	176,9	126,1	1925		
1890	181,6	140,9			

Рассматривая добычу угля в Англии до мировой войны, мы замечаем, что она почти непрерывно поднимается все выше и выше. Кризисы приводят лишь к относительно незначительным сокращениям. Так, в 1861 г. добыча понижается на 2 млн. тонн, или на 2,4%, в 1874 г.—всего на 1,5%, в 1884 г.—на 1,7%, а до 1886 г.—на 3,8%. За годы 1891, 1892 и 1893 понижение составляет 11,4%, за 1901 г.—2,7% и за 1908 г.—2,3%.

В Соед. Штатах колебания несколько более значительны: с 1873 по 1874 добыча угля понижается с 51,4 до 47 млн. тонн, или на 4,4 млн. тонн, за годы 1884 по 1885 с 107,3 до 99,3 млн. тонн, или на 8 млн. тонн, в 1894 г.—на 10,4 млн. тонн., а в 1908 г.—даже на 57,6 млн. тонн, или на 13,4%.

Общая мировая добыча угля упала с 1907 по 1908 год 1.010 до 965 млн. метрических тонн, т.-е. на 4,4%.

Между тем, за 1920 по 1921 г. добыча угля упала в Англии на 66,28 млн. тонн или на 29%, в Америке—на 135,6 млн. тонн, или на 23%, а мировая продукция—с 1.125 до 983,7 млн. тонн, или на 12%.

Точно так же мировое производство кокса упало с 1907 по 1908 год с 93 до 77 млн. тонн, или на 17%, а за годы 1920 и 1921—с 95 до 68 млн. тонн, или на 28,3%.

МИРОВАЯ ВЫПЛАВКА ЧУГУНА[1] (в тыс. метрич. тонн)

Годы	Мировая выплавка	С.-А. С. Ш.	Англия
1871	12.852	1.734	6.733
1872	14.843	2.590	6.850
1873	15.125	2.602	6.671
1874	13.916	2.439	6.087
1875	14.119	2.056	6.467
1876	13.862	1.899	6.661
1877	14.193	2.100	6.714
1878	14.536	2.338	6.483
1879	14.414	2.786	6.091
1880	18.584	3.897	7.873
1881	19.819	4.211	8.267
1882	21.555	4.698	8.621
1883	21.756	4.669	8.666
1884	20.464	4.164	7.937
1885	19.842	4.110	7.534
1886	20.813	5.775	7.122
1887	22.820	6.520	7.681
1888	24.031	6.594	8.127
1889	25.877	7.726	8.456
1890	27.870	9.350	8.031
1891	26.171	8.414	7.525
1892	26.917	9.304	6.817
1893	25.263	7.240	7.089
1894	26.032	6.765	7.546
1895	29.369	9.598	7.827
1896	31.355	8.762	8.798
1897	33.465	9.808	8.937
1898	36.455	11.960	8.747
1899	40.713	13.840	9.572
1900	41.160	14.010	9.103
1901	41.282	16.130	8.055
1902	44.847	18.110	8.818
1903	47.019	18.290	9.078
1904	46.067	16.760	8.833
1905	54.032	23.360	9.762
1906	59.268	25.710	10.346
1907	60.965	26.200	10.276
1908	48.846	16.190	9 202
1909	61.175	26.210	9.685
1910	66.187	27.740	10.172
1911	64.057	24.030	9.679
1912	73.411	30.203	8.891
1913	76.157	31.823	7.787
1914	61.164	23.905	7.918
1915	66.613	32.687	8.688

---

[1] До 1913 г. данные взяты из „Annuaire Statistique de la France“ за 1922 г., с 1913 по 1922—из „The Mineral Industry“, 1922 г., за последние годы—из „Wirtschaft und Statistik“ за 1922 г., № 5.

Годы	Мировая выплавка	С.-А. С. Ш.	Англия
1916	83.026	43.462	9.345
1917	84.974	45.786	9.909
1918	77.382	45.178	10.434
1919	56.646	35.231	8.021
1920	66.723	42.811	9.203
1921	37.982	20.062	3.784
1922	55.890	35.603	5.832
1923	69.130	41.009	7.560
1924	66.420	31.608	7.436

Если присмотреться к этим данным, то мы увидим следующее: в 1873 году мировая выплавка чугуна составляла 15.123 тыс. тонн. Наступивший кризис понизил эту выплавку в 1874 году до 13.916 тыс. тонн, т.-е., примерно, на 1.209 тыс. тонн, или несколько больше, чем на 8%. Наступивший кризис продолжается до 1879 г., когда уровень выплавки чугуна все еще продолжает оставаться ниже высшего уровня в 1873 г. После этого начинается повышение, которое продолжается до 1883 г. и доходит до 21.756 тыс., после чего выплавка чугуна падает, понижаясь в 1884 году до 20.464 тыс. тонн и в 1885 г. до 19.842 тыс. тонн. После этого снова начинается медленное повышение. Понижение между 1883 и 85 гг. составляет 1.914 тыс. тонн, или 9%. В следующий период выплавка продолжает повышаться до 1890 г., когда она достигает 27.870 тыс. тонн, после этого она понижается до 26.171 тыс. тонн, затем несколько поднимается, но в 1903 г. снова понижается до 25.263 тыс. тонн.

Если сравнивать то общее понижение, которое произошло за все эти три года, то мы получим уменьшение выплавки чугуна в общем на 2.607 тыс. тонн, или несколько больше, чем на 9%.

Следующий кризис в 1900 г. не прерывает общего развития продукции железа, хотя несколько замедляет его. Кризис 1907 г. уже производит значительное потрясение: продукция железа с 60.965 тыс. тонн понижается до 48.846 тыс. тонн, или на 12.119 тыс. тонн, т.-е. почти на 20%. Но уже следующий год—1909—дает более высокую продукцию, чем 1907.

Таким образом, мы здесь констатируем приблизительно одинаковые колебания в производстве железа, выражающиеся 8—9%%, и только последний кризис оказал гораздо более сильное влияние, вызвав колебания на 20%. Сравнительно с этими колебаниями кризис 1921 года представляется совершенно невероятным по силе.

За этот год констатируется следующее падение производства: в 1920 году продукция чугуна составляет 80% довоенной продукции, в 1921 году—только 45%, или в абсолютных величинах—62 млн. тонн и 35,3, т.-е. уменьшение продукции в течение одного года на 24,7 млн., что составляет свыше 43%. В следующем году мы имеем новое повышение этой продукции, доходящее до 52,8 млн.

То же самое мы имеем в области производства стали. Производство стали понижается с 1920 г. по 1921 г. с 71,5 млн. до 42,2 млн. тонн, или на 29 млн, что составляет свыше 1/3 продукции.

В области добычи меди мы имеем следующее развитие: если кризис 1907 г. не прерывал общего роста продукции (так как мировое производство меди составляло в 1907 г. 712 млн. тонн, а в 1908 г. 849 млн. тонн), то в 1921 году мы имеем совершенно другую картину понижения: продукция меди понизилась с 1.049 тыс. тонн до 552 тыс. тонн, т.-е. наполовину.

Развитие железоделательной промышленности в отдельных странах точно так же показывает, что современный кризис отличается чрезвычайно резким характером. Так, например, в С.-А. С. Ш. кризис 1873 года вызвал совершенно незначительное понижение выплавки чугуна, и если даже считать, что кризис продолжался до 1876 г., то и тогда мы имеем понижение на 30% в течение 4 лет. Кризис 1883 г. продолжается в общем только 3 года и дает понижение на 12%. Кризис 1890 г., при нескольких колебаниях, продолжается до 1903 г. и дает понижение продукции на 22%. Кризис 1900 г. не прерывает общего развития. Кризис 1907 г. вызывает резкое понижение на 10 млн. тонн, или около 40%. В этом сказывается уже влияние картелей, которые перекладывают тяжесть кризисов на рабочих, сокращая производство. Кризис 1920 года вызывает понижение продукции больше, чем наполовину—с 37 млн. 520 тыс. до 16 млн. 900 тыс. (приблизительно 55%).

Таким же образом развивается и производство стали в С.-А. С. Ш., которое даже во время наиболее сильного кризиса 1907 года понижается с 23,7 млн. тонн до 14,3 млн. тонн, т.-е. меньше, чем наполовину, в то время как в 1920 г. оно понижается с 42,8 млн. тонн до 20,1 млн.; при этом надо иметь в виду, что во время обычных кризисов сокращение производства означает понижение производства по сравнению с высшим уровнем его, т.-е., по существу,—по сравнению с производительной способностью, которой достигают все предприятия в момент наибольшей при данных условиях нагрузки, между тем как уже в 1920 г. предприятия далеко не работали с полной нагрузкой даже в С.-А. С. Ш. Производство стали, например, в 1920 г. значительно ниже, чем в 1917 г., когда оно составляло 45,8 млн. тонн.

Стоит обратить внимание еще на следующее обстоятельство: к концу 1913 года из всех имеющихся в С.-А. С. Ш. доменных печей в количестве 462—работало 205, а в 1912 г., когда положение промышленности было еще более благоприятным, из 466 доменных печей работало 313. Следовательно, в 1912 г. из всех имевшихся предприятий работало 69%, а в 1913 г.—44%.

К концу 1919 г. из всех доменных печей в количестве 453 работало всего 280, или 60%, т.-е.—даже в момент наибольшего напряжения в работе—после войны—работало только 60% доменных печей. В 1921 г. из 450 доменных печей работает только $^1/_3$. В следующем году количество работающих доменных печей сильно поднимается, и в 1923 г. оно снова несколько понижается, так что к концу 1923 г. в действии находится 239 из имеющихся 432, т.-е. около 55%.

Таким образом, мы имеем очень слабое использование производительных сил даже в моменты оживления промышленности, а в моменты кризиса $^2/_3$ наличных печей бездействует.

Еще резче выступает характер современного кризиса, если сравнить движение цен в довоенное время с колебаниями, которые они испытывают теперь. Мы берем довоенные цены по двум продуктам—железу и меди—в Лондоне.

Мы имеем там следующую картину[1]: в 1872 г., когда разразился кризис, колебание между высшими ценами на железо и низшими ценами составляет, по нашим подсчетам, 46% (137/6 и 72/—). В 1873 г. соответственное колебание цен на железо и медь составляет 30,2% (145 шилл. и 101 ш. 3 п.) и 17,7% (92 и 79 ф. ст.). Следующий тяжелый кризис в 1881 г., когда мы имеем колебания между высшей ценой на железо (53/9 и низшей 45/—) в 15,8% и в 21,4% на медь (72.10/—и 57.—/—). Дальше в 1891 г. колебание цен на железо (59/— и 42/2) составляет уже 28,5%, на медь (56.10—и 44. 1/3)—22%. В 1901 г. колебания соответственно составляют 19% (60/—и 48/6) и 35,6% (73.12/6 и 47.—/—). В 1907 г.—24,5% и 51%. В 1913 г. (перед войной)—31,2% (70/6 и 48/6) и 20,8 (78—/— и 61.15/—). Колебания цен в 1920 г. характеризуются следующими данными: к концу 1920 года за тонну чугуна платили 225 шиллингов, к концу 21 г.—110, т.-е. падение больше, чем на 50%. Цены на медь колебались сильнее всего в 1920 году. К концу 1919 года медь в Англии стоила $116^{1}/_{8}$ ф. за тонну, к концу 1920 г.—$71^{7}/_{8}$ ф., т.-е упала почти на $44^{6}/_{8}$ ф., что гораздо сильнее, чем те колебания, которые мы имели за весь довоенный период развития капитализма.

---

[1] Данные эти взяты из публикаций фирмы Vivian, Younger и Bond в Лондоне, приведенных в „Statistische Zusammenstellungen", которые публикуются Франкф. Металлург. Обществом, изд 1914 г. Цены указаны в шиллингах и пенсах за тонну железа и в фунтах, шиллингах и пенсах за тонну меди.

Обратимся к другому периоду развития капитализма, к кризисам 1825—1866 г. Туган-Барановский в своей работе о кризисах дает следующие колебания цен во время кризисов этого периода:

ПОНИЖЕНИЕ ЦЕН ЗА ВРЕМЯ КРИЗИСОВ (в процентах)

	Первая половина 1826 г. по сравн. с первой полов. 1825 г.	Ноябрь 1836 г. по сравн. с июлем того же года	Июль 1848 г. по сравн. с июлем 1847 г.	1 января 1867 г. по сравн. с 1 января 1866 г.
Железо (британск.)	27	13	31	12
Хлопок	60	26	37	28
Медь (британск.) .	—	7	10	20

Итак, в отношении железа и меди за первые 50 лет развития капитализма колебания цен не превышали $^{1}/_{3}$ цены; за последние годы колебания несколько более значительны и в 1907 году они доходят до четверти и даже до 50%. Сравним эти колебания с изменениями цен, которые произошли во время теперешнего кризиса. Цена на чугун понизилась с 225 шиллингов за тонну к концу 1920 года до 120 в апреле 1921 года и до 100 к концу 1921 года, т.-е. в течение одного года падение больше, чем на $50^{0}/_{0}$. Падение цены на стальные рельсы еще значительнее—с $25^{1}/_{2}$ фунтов до $9^{1}/_{2}$ фунтов, или на $66^{0}/_{0}$. Падение цены на медь за 1920 год составляет 38%.

Падение цены на хлопок выражается следующими цифрами: 30,75 пенсов за фунт к концу 1919 года, 10,27 пенсов к концу 1920 года, или падение цены почти в три раза.

Общий индекс товарных цен понижается в Англии между 1873 и 1874 г. со 152 до 139 (1901—1910 равен 100), т.-е. на 8%; между 1880 и 1881 г. цены падают со 125 до 116, между 1891 и 1892 г.—с 98 до 93; между 1900 и 1901 г.—со 102 до 96; между 1907 и 1908 г.—со 109 до 100, т.-е. падение цен держится в границах нескольких процентов. Между тем, общий уровень товарных цен понижается в Англии за 1920 г. с 233 до 156 (в зол. исчислении), или на 33%. Отсюда совершенно ясно, что мы имеем дело с кризисом особого рода, с кризисом чрезвычайной интенсивности.

Перед войной мы имели цикл развития приблизительно в 7—10 лет, который охватывал ряд конъюнктурных изменений: оживление, кризис, застой.

Постепенное изменение общего движения хозяйства может быть выражено следующим образом: поднимающаяся конъюнктура обрывалась обычно во время кризиса, при чем она оставалась выше того уровня, с которого данный цикл начинается, потом она снова поднималась, при чем при нормальных условиях следующая высшая точка превышала предыдущий высший уровень. Общий темп колебания несколько усиливался, как мы видели, от одного десятилетия к другому, но все же, как правило, не выходил за 20% по отношению к высшему уровню. Во всяком случае, начавшеся оживление конъюнктуры уже больше не прерывалось, пока оно не доходило до своей высшей точки. Сезонные колебания существовали, но весьма слабые, и не оказывали влияния на общий ход развития. После войны мы имеем совершенно иную картину. Не было ни одного года, который представлял бы однообразное движение, и в течение каждого года наблюдались сильные колебания конъюнктуры то вверх, то вниз, при чем эти колебания принимали чрезвычайно резкий характер. Правда, в этих колебаниях огромную роль играют также социальные конфликты, забастовки, локауты и революционная борьба, которые вызывают значительные потрясения общего хозяйственного организма. Однако, эта революционная борьба не является каким-нибудь случайным моментом, привнесенным извне. Она, в свою очередь, есть только отражение тех хозяйственных изменений, которые испытал послевоенный капитализм.

В прилагаемой таблице мы даем картину развития послевоенного хозяйства Америки по отдельным месяцам. По этой таблице можно легко убедиться, каким тяжелым потрясениям подвергся капитализм после войны.

Приблизительно такую же картину мы находим и в Англии, где, например, в 1922 г. мы имеем производство чугуна в 62% довоенного (в декабре месяце) и в 34% (в январе того же года), т.-е. увеличение почти на 100%. В 1923 г. мы имеем высший пункт производства в мае, когда оно доходит до 84%, а в сентябре уже понижается до 65%, т.-е. колебание почти на 30%. Колебания эти свойственны и другим странам; например, в Канаде в 1923 г. в январе продукция составляет 49% довоенного производства, а в мае—121%, т.-е. увеличивается почти в три раза.

Чем объясняются эти непрерывные колебания? Буржуазные экономисты, желающие представить развитие послевоенного капитализма в виде „плавного восстановительного процесса“, говорят о конъюнктурных колебаниях, о „сезонных колебаниях“, и только. Но разве в довоенное время мы пережили что-нибудь подобное? Ведь, даже в годы относительного промышленного расцвета, каким, несомненно, был 1923 г. в С.-А. С. Ш., продукция всей промышленности колебалась на 21% по сравнению с высшим и на 26,6% по сравнению с низшим уровнем. А колебания в железоделательной промышленности были даже гораздо значительней: 30% и 44%. В 1924 г. мы имели во всей промышленности колебания на 23,6% и 31%, а в железоделательной—даже на 54% и больше, чем на 100!

Это ли означает „конъюнктурные отклонения“?!

Дело в том, что современное развитие капитализма наталкивается на чрезвычайно глубокое противоречие, гораздо более глубокое, чем это имело место в довоенном капитализме. В довоенное время не было такого огромного, не могущего быть использованным, основного капитала, сильно давящего на норму прибыли. Чтобы работать с известной пользой для себя, предприниматель требует высоких цен, опираясь при этом на картели и тресты, выросшие и укрепившиеся во время войны, и еще больше на недостаток товаров, благодаря которому ему удается продавать свои товары по ценам, соответствующим наивысшим производственным расходам [1]. Естественно, что высокие цены сильно суживают рынок сбыта. Как только, однако, покупательная способность поднимается вследствие урожаев, новых кредитов и т. д., бездействующие или слабо работающие предприятия быстро нагружаются. При нормальных условиях расширение производства предполагает расширение основного капитала, постройку новых фабричных зданий, новых машин, станков, доменных печей, угольных шахт и т. д. Все это требует продолжительного времени, значительных затрат капитала и может, следовательно, совершаться относительно медленно. Теперь речь идет только об увеличении нагрузки. Так как „свободных рабочих рук“ всегда много на рынке, то расширение производства наталкивается, помимо ограниченности рынка, еще только на относительно недостаточные запасы сырья и на недостаток в оборотном капитале, который должен быть теперь особенно значителен в виду высоких цен на товары. Недостаток в сырье вызывает при улучшении конъюнктуры быстрый рост цен материалов и, следовательно, резкое понижение нормы прибыли. В этом же направлении действует и высокая учетная ставка, уменьшающая предпринимательскую прибыль. Между тем, накопление капитала развивается весьма медленно, и полное возобновление и переоборудование капитала почти исключено.

---

[1] Теорию картельных цен и картельной ренты мы развили в I томе нашего труда о „Мировом Хозяйстве“, стр. 69 и сл. русск. изд. от 1924 г.

Так, новые эмиссии и образование новых обществ поглощали в среднем в месяц в золотом исчислении по индексу товарных цен (в млн. валюты каждой страны):

Годы	Германия	Франция	Англия	С.-А. С. Ш.
1913	208	263	—	137
1923	16,7	233	21,22	230
1924	36,5	83	11,53	320

Только С.-А. С. Ш. имеют теперь более быстрое накопление, нежели до войны. В Германии и во Франции оно составляет незначительную долю довоенного накопления; в Англии оно, по подсчетам „Экономиста“, номинально осталось на том же уровне, как до войны. Но в виду повышения уровня цен в 1924 г. на 66% по сравнению с довоенным, оно составляет теперь около 60% довоенного.

При таком медленном темпе накопления капитала всякое новое оживление промышленности быстро и снова обрывается, не будучи в состоянии опираться на твердый базис растущего спроса со стороны промышленности. Ведь, даже в С.-А. С. Ш. число доменных печей, например, не увеличивается после 1921 г. Оно составляло к концу 1921 г. 450 и к концу 1923 г.—432, к концу же 1924 г.—403, в то время как с 1900 по 1910 гг. оно увеличилось с 406 до 473. Это может служить только иллюстрацией общего положения вещей: общее число доменных печей не увеличивается, но то поднимается, то падает число действующих печей.

В июле 1921 г. их было в работе всего 69; в декабре того же года—125; потом их количество продолжает расти, с известными колебаниями, до июня 1923 г., когда оно доходит до 322. Затем оно снова понижается в ноябре и декабре того же года до 231. В марте 1924 г. оно доходит снова до 270, в июле того же года опускается до 144, чтобы в декабре подняться опять до 228 и упасть в июне текущего года до 189.

Итак, и здесь вопрос в основном идет об использовании уже существующих производительных сил, но не о расширении их...

Что корень современного кризиса лежит именно в перепроизводстве основного капитала и отсутствии возможности дальнейшего расширения, сознают иногда и предприниматели. Часто слышишь, правда, жалобы на раздробленность и бедность современных рынков, на неопределенность положения этих рынков, в виду частых перемен валютной, кредитной и торговой политики всех капиталистических стран. Но все эти моменты, по существу, сводятся к основному противоречию между возросшим производственным аппаратом и невозможностью его использования с нормальной прибылью.

Приведем два примера, иллюстрирующих, насколько предприниматели отдают себе отчет в действительном положении вещей.

Горный советник и инженер Цернер начинает свою статью в органе промышленников „Industrie und Handelszeitung“ от 4 декабря 1925 г. следующим образом: „Европа страдает от хранической лихорадки, вызванной последствиями мировой войны и послевоенных мероприятий с их военным психозом“. Указывая далее на то, что воевавшие государства и даже нейтральные развили во время войны свой производственный аппарат, он подчеркивает, что результатом всего этого явилась слишком большая индустриализация мира, которая составляет 120—150% предвоенной. К этому прибавляется еще раздробление Европы на мелкие государства.

Важны его подсчеты относительно перепроизводства капитала. Он исходит из того, что теперешний производственный аппарат превышает довоенный только на 20%, между тем как покупательная способность понизилась на 30—50%. Вследствие этого и некоторых других причин, как прекращение военных и железнодорожных заказов, предприятия работают с неполной нагрузкой всего в 60% своей производительной способности.

Еще более характерные данные были сообщены на съезде германских машиностроителей, который происходил в начале декабря в Берлине. Генеральный секретарь этого союза Ланге определенно указывает на слишком большой производственный аппарат по сравнению с условиями сбыта в Европе.

„В Германии,—говорит он,—100 заводов, производящих станки, в то время как Америка обходится 50. Так как американский рынок в 5 раз больше германского, то Германия должна была бы иметь 1/5 американского числа. Принимая во внимание относительно большой экспорт Германии, в Германии могли бы существовать 15—20 таких заводов. Далее Германия имеет 60 вагоностроительных фабрик, в то время как перед войной их было 40, между тем как железные дороги не дают никаких заказов“...

Выход он видит в образовании „Соединенных Штатов Европы“, конечно, с главенством Германии. Этот новый лозунг пацифистов коренится в том обстоятельстве, что промышленность Германии задыхается в поставленных ей узких границах.

В таком же духе, как на съезде машиностроителей, высказался и один из руководителей горной промышленности

Зильверберг[1]. Еще характернее „записка“ „Союза Герм. Промышленности“. („Frankfurter Zeitung“ от 18 декабря 1925 г.). В ней тоже констатируется, что производственный аппарат в Европе слишком велик, что германское хозяйство отягчено огромными платежамив 13 мдов марок (10 мдов мар. налогов, 2,2 мда социальных расходов и 0,7 мда мар. репарационных платежей). Доход страны она определяет в 43—48 мдов, из которых на долю зарплаты приходится 33—36 мдов, самостоятельных производителей—8—10 мдов, капитала—0,75—1 мд и на доход остальных слоев населения—1 мд марок. Обложение поглощает 25—30% дохода вместо 14,2% до войны.

Насколько верны эти подсчеты, трудно сказать. Несомненно, однако, что огромные платежи затрудняют накопление капитала и развитие хозяйства.

Так как, однако, Соединенные Штаты Европы теперь пустая фантазия, поскольку речь идет о капиталистической Европе, в которой каждая страна старается огородить себя китайской стеной таможенных пошлин от других стран, то отсюда пришлось бы заключить, что выхода из теперешнего тупика для Германии как будто нет.

На самом деле, в чем нашел выход капитализм после наполеоновских войн? В постепенном накоплении капитала, в реорганизации средств производства и путей сообщения и в расширении внешнего рынка. Вот, например, что пишет об этом Туган-Барановский (4 изд. „Периодических Промышленных Кризисов“, 1923 г., стр. 38—39):

„*В начале двадцатых годов английская торговля была в застое.* Ссудный рынок был переполнен капиталами, искавшими себе выгодное помещение, но не находившими его внутри страны. О количестве свободного капитала на лондонском рынке можно составить себе

---

[1] В его разговоре с редактором „Financial Times“ („Kölnische Zeitung“ от 4 октября 1925 г.) особенно характерно указание, что ссудный процент в Германии в 15% превышает почти в два раза нормальный уровень прибыли.

> представление по громадным займам, которые в это время были заключены в Лондоне иностранными государствами“.

Иностранные займы, заключенные на Лондонской бирже за время 1821—1825 г.г. на номинальную сумму (в млн. фунтов):

1821 г.	займы	европейских государств	1,5
1822 г.	„	европейских государств	7,0
„	„	государств Центр. и Южной Америки	3,45
1823 г.	„	европейских государств	5,5
1824 г.	„	европейских государств	3,3
„	„	государств Центр. и Южной Америки	12,9
1825 г.	„	европейских государств	7,5
„	„	государств Центр. и Южной Америки	7,82

Для того времени порядочные суммы... И дальше.

> ... „В рассматриваемый период толчком к оживлению английской промышленности явилось открытие нового рынка в Америке. Как известно, после войны Франции и Испании в 1823 г. была признана независимость государств Южной и Центральной Америки, бывших ранее испанскими и португальскими колониями. В Англии было распространено мнение, что эти страны обладают неисчерпаемыми естественными богатствами, которыми жители не могли пользоваться под гнетом деспотического и невежественного чужеземного правительства; достижение южно-американскими государствами независимости открывало широкое поле для приложения английской предприимчивости и английского капитала. Золотые и серебряные рудники в Мексике и Перу, о богатстве которых ходили самые преувеличенные толки, почти не разрабатывались за все время войны за независимость, а по восстановлении мира работы не могли начаться по недостатку капиталов. Между тем, Англия не знала, куда поместить свои капиталы, в изобилии приливавшие в банки и переполнявшие ссудный рынок. При таком положении дел неудивительно, что английские капиталы хлынули во вновь открытый рынок с такой же быстротой, как вода в пруде устремляется через отверстие в плотине“.

Туган-Барановский, как известно, отрицает необходимость внешнего рынка для развития капитализма. Все-таки он придает ему здесь значение „толчка“. Более того, на странице 251 того же издания он даже говорит следующее:

> „Свободный капитал в Англии накопляется весьма быстро, но расширение производства в Англии невозможно без соответствующего *спроса на английские товары за границей*“.

Это одно из многочисленных противоречий в его теории. Но дело не в этом, а в том, что толчком к выходу из кризиса того времени на самом деле явилось открытие новых рынков, накопление и экспорт капитала.

О роли экспорта капитала в то время для Англии писал Сисмонди (цитирую по Туган-Барановскому, стр. 228):

> „Так как внутренний рынок не был достаточен для помещения продуктов британской промышленности, последняя должна была стремиться расширить сбыт их за границей. Но, как ни громаден был вновь открытый в Америке рынок, его было бы недостаточно для поглощения всех товаров, произведенных в Англии в избытке, сравнительно с потребностями внутреннего рынка, если бы займы новых республик не увеличили внезапно во много раз покупательные средства этих государств. Каждое американское государство заключало займы в Англии... и хотя это был капитал, оно его израсходовало немедленно целиком на покупку английских товаров. Пока продолжалась эта своеобразная торговля, в которой англичане просили от американцев одной милости—купить на английские же капиталы английские товары... английские мануфактуры были в цветущем состоянии... Но когда занятые капиталы были истрачены и наступил момент расплачиваться по обязательствам, завеса упала, иллюзия прекратилась, и наступила еще более сильная нужда, чем в 1818 г.“

История как будто повторяется. Только на место Англии, дающей кредиты Америке, необходимо поставить Американские Соед. Штаты, дающие теперь Европе кредиты, чтобы создать рынок для своих товаров. Но мы уже видели на примере Австрии, как мало они спасают страну от кризиса. На примере Германии мы снова убедимся в том, что внешние кредиты—только вспрыскивание в больное тело послевоенного капитализма. Равным образом экспорт капитала еще не решает вопроса о рынках и для самих С. Штатов, хотя возможности развития для последних, конечно, гораздо большие, чем для Европы. Далее, капиталистический мир находился тогда в начале своего развития, теперь—в конце своего пути. Тогда нельзя было говорить о перепроизводстве средств производства, хотя некоторые товары и находились в излишке. Так, производство сахара, например, слишком расширилось. Но спрос на железо продолжался и в годы депрессии, так как именно тогда начинается, сначала медленно, вследствие отсутствия капитала, процесс реорганизации условий производства, который так характерен для XIX столетия. Теперь производственный аппарат слишком большой; всякая его реорганизация, связанная с расширением продукции, наталкивается на отчаянную конкуренцию со стороны уже существующего капитала, борющегося против своего обесценения, если бы даже этому не мешал недостаток капитала (высокая учетная ставка). Америке приходится иметь дело с развитыми капиталистическими странами, а не с аграрными, как в былое время—Англии.

Этим отнюдь не сказано, что между капиталистически развитыми странами не может быть оживленной торговли. Наоборот, она даже значительней, чем с неразвитыми странами. Но она, происходя в нормальных условиях на основе обмена равных ценностей, не так прибыльна, как торговля с малоразвитыми аграрными странами, где обмен идет обычно с большей пользой для индустриальных стран (если цены на сельско-хозяйственные продукты не растут быстро). Поэтому в свое время торговля Англии с аграрными странами способствовала быстрому накоплению капитала и преодолению кризиса. Теперь торговля разоренной Европы происходит в иной обстановке: европейские страны частью распродают себя. Так было в Германии, Австрии и других странах, переживших инфляцию. Так повторяется теперь во Франции, в Польше, отчасти еще в Италии. Распродавать себя заставляют Германию репарационные платежи, вынуждающие ее вывозить во что бы то ни стало, лишь бы иметь, чем платить по долгам...

Далее, чтобы развить товарообмен с европейскими странами, европейская и американская промышленность должны соответственным образом реорганизоваться, перейти к производству высококачественных продуктов—средств производства. А для этого нужны огромный капитал (которого на самом деле еще нет), квалифицированный труд (в котором чувствуется недостаток), высокий внутренний потребительский рынок (которого еще долго не будет и без которого производство на внешний рынок невозможно) и, наконец, не только низкие хлебные цены, в которых нуждался капитализм, производящий средства потребления, но и низкие цены на сырье и материалы, уголь и железо. Ибо высокие цены на сырье и т. д., давя на норму прибыли обрабатывающей промышленности, препятствуют накоплению капитала в этих отраслях хозяйства и мешают ей развернуться, привлечь к себе капитал и расширить рынок для сбыта своих продуктов. А без массового сбыта нет высокой техники, нет возможности и конкурировать на европейских рынках. Между тем, понижению цен на сырье препятствует, в первую очередь, помимо неполной нагрузки предприятий, современная форма организации производства—картели и тресты. Вот основные затруднения для развития послевоенного капитализма.

К этому надо прибавить огромное налоговое бремя, которое означает, что государство превращает капитал в деньги, т.-е. в доход непроизводительных слоев населения, в доход, идущий преимущественно на личное или общественно-бесполезное потребление (для военных целей и т. д.).

И, тем не менее, все эти препятствия для развития капитализма не следует понимать в абсолютном смысле. Противоречия капиталистического развития могут быть им преодолены, если на почве этих противоречий не вырастают силы, которые решают его судьбу. Мы говорим о пролетариате. Капитализм никогда не умрет своей „естественной“ смертью. Он будет уничтожен пролетариатом, его детищем и могильщиком. Если пролетариат не сумеет использовать создавшуюся после войны ситуацию, быть может, капитализму еще суждено вырваться из теперешнего тупика на некоторое время.

Темп накопления капитала зависит от степени противодействия рабочего класса. Вместе с этим идет и постепенная реорганизация производства (электрификация и т. д.), расширяется и рынок, поскольку поднимаются цены на продукты сельского хозяйства или капитал подчиняет себе новые области (переднюю Азию, Марокко, Китай и т. д.). Закрывать глаза на все эти возможности, значит—вести страусову политику. Капитализм может еще продолжать жить, если он не натолкнется на резкое противодействие со стороны пролетариата. Но несомненно также, что даже в этом выгодном для капитализма случае, если ему удастся преодолеть революционное движение, ему предстоит тяжелый путь, полный подводных и весьма опасных камней в виде репарационных и междусоюзнических платежей, беспрерывных политических конфликтов из-за рынков и все возрастающей хозяйственной и политической самостоятельности аграрных стран, ведущей к ломке теперешних отношений, увеличивающей производственный аппарат, и так слишком большой для теперешнего состояния рынка, углубляющей хозяйственный кризис Европы и вместе с тем крайне обостряющей в ней все противоречия капиталистического развития.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНОМ КРИЗИСЕ И ОБ ЕВРОПЕЙСКОМ РЫНКЕ

Об аграрном кризисе появилось в последнее время большое количество трудов. На русском языке имеются ценные работы тов. Осинского, дающие критическую оценку целого ряда работ по американскому сельскому хозяйству и в то же время выясняющие основные причины сельско-хозяйственного кризиса. Точка зрения тов. Осинского, что кризис сводится не только к расхождению между ценами на сельско-хозяйственные продукты и ценами на промышленные изделия, но также и к расхождению между производственными расходами и ценами на сельско-хозяйственные продукты, разделяется многими авторами по этому вопросу. В официальном отчете[1] „Комиссии по выяснению причин аграрного кризиса“ мы уже найдем и указания на расхождение между производственными расходами и ценами на сельско-хозяйственные продукты. То же самое повторяет проф. Уоррен в целом ряде своих работ[2]. Однако, по существу, между расхождением „ножниц“, в смысле покупательной способности фермерского доллара и в смысле несоответствия между расходами и ценами, различия нет, кроме разве по отношению к зарплате и аренде, так как стоимость производства определяется, по существу, покупательной способностью фермерского доллара по отношению ко всем товарам. В книге Уоррена и Пирсона приводятся два индекса покупательной силы фермерского доллара и расходов по производству. Последний составлен следующим образом: цены на сельско-хозяйственные продукты противопоставляются индексу оптовых цен всех остальных продуктов, различных цен продуктов покупаемых фермерами, налогам и процентам, уплачиваемым фермерами, расходам на рабочую силу, страхование и т. д.,—словом, всем производственным расходам (включая также процент по капиталу) фермера. Расхождение между этими двумя индексами сравнительно незначительно, как видно из следующих данных:

---

[1] „The agricultural crisis and its causes“, 1921 г.

[2] „Die Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten“ в журнале „Berichte über Landwirtschaft“ и G. F. Worren and Pearson „The agricultural situation“ New-York, 1924 г.

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ

(1910—1914 г.—100)

Годы	Цены на сельско-хозяйственные продукты	
	По отношению ко всем остальным продуктам	По отношению к производствен. расходам
1913	97	97
1914	101	98
1915	98	96
1916	92	101
1917	99	126
1918	104	123
1919	102	113
1920	93	99
1921	79	65
1922	82	72
1923	87	74

Положение фермерского доллара по отношению к производственным расходам было несколько более благоприятно, чем по отношению к стоимости остальных продуктов; только в годы кризиса расходы фермера значительно ухудшают его положение. Если, однако, взять не все продукты, а только отношение между цеами сельско-хозяйственных и других продуктов, то разница будет менее значительна.

Так, покупательная способность фермерских продуктов по отношению к остальным продуктам выразилась в проц.: в 1921 г. в 72, в 1922 г.—в 74 и в 1923 г.—в 80. В виду различных методов подсчета, применяемых, с одной стороны, официальными статистическими комитетами, а с другой стороны—частным исследователем Карлом Снайдер из Федерального Резервного Банка Нью-Иорка, такие расхождения представляются вполне понятными.

Профессор Уоррен вносит еще другой элемент в объяснение кризиса, связывая его с вопросом об инфляции или дефляции. На этом вопросе останавливается в своих замечаниях по поводу другой работы тов. Осинский. Мы тоже противники количественной теории, которая, в той формулировке, которую ей придает Уоррен, есть, по существу, повторение знаменитой мысли Мэн’а о том, что, когда в страну притекает золото, промышленность и сельское хозяйство процветают и, наоборот, когда количество золота в стране уменьшается, начинается застой. Будучи переведенной на современный язык, та же мысль означает, что расширение кредитов вызывает промышленное оживление, сокращение их имеет следствием застой. Нельзя, однако, сказать, что в формулировке, которая дается этой, по существу неправильной, мысли нет крупицы истины. Уже Маркс указывал на то, что цены на готовые изделия обычно не следуют пропорционально движению цен на сырье и материал. Точно так же Тук указал, что заработная плата не следует за изменениями в стоимости прожиточного минимума: если последний поднимается, то заработная плата отнюдь не поднимается соответственно, и обратно. Если последний падает, то заработная плата не понижается соответственно. На этих мыслях и основывается теория влияния инфляции, которую развивает Уоррен и которая у него представлена в следующем виде:

Инфляция:	Дефляция:
Повышение цен.	Понижение цен.
Зарплата неквалифицированных отстает; реальная зарплата низкая.	Зарплата неквалифицированного труда отстает, реальная зарплата высокая.

Зарплата квалифицированных рабочих отстает больше, нежели зарплата неквалифицированных.	Зарплата квалифицированных рабочих отстает больше, чем зарплата неквалифицированных.
Ставки специалистов отстают больше остальных.	Ставки специалистов отстают больше всех.
Большой спрос на рабочую силу.	Безработица растет.
Спрос на кредиты расширяется.	Спрос на кредиты сокращается.
Промышленность развивается.	Сокращение работы промышленности.
Незначительное количество банкротств.	Количество банкротств растет.
Сбережения в форме денег невыгодны.	Растет накопление денежного капитала.
Должники в выигрыше.	Должники в проигрыше.
Получатели фиксированных доходов теряют.	Получатели фиксированных доходов выигрывают.
Земельная рента отстает в своем движении и относительно низка.	Земельная рента отстает от движения цен и относительно высока.
Фрахты отстают в своем движении и низки.	Фрахты отстают от подъема цен и высоки.
Налоги отстают и легко выплачиваются.	Налоги отстают и составляют большую тяжесть.
Продукты приобретаются в больших количествах, чем необходимо; появляются запасы.	Закупки замедляются.
Сбыт идет без затруднений.	Сбыт наталкивается на трудности.
Объединение предпринимателей идет ускоренным темпом.	Депрессия в предпринимательских организациях.
Рост профсоюзов.	Остановка в развитии профсоюзов.
Значительное количество стачек.	Стачки более редки.
Лица, владеющие товарами, выигрывают.	Лица, владеющие товарами, терпят убытки.
Держатели облигаций терпят убытки.	Держатели облигаций получают прибыль.
Прибыль на товары, залеживающиеся на складах,—наибольшая.	Прибыль на товары, залеживающиеся на складах,—наименьшая.
Фермеры процветают.	Сельское хозяйство переживает депрессию, более сильную, чем остальные отрасли промышленности.
Развитие радикализма в городе.	Развитие радикализма среди фермеров.

Все эти указания, конечно, правильны. На самом деле, повышение цен на с.-х. продукты выгодно для фермеров и т. д. и падение их отражается неблагоприятно на их положении. Но несомненно, что основная причина изменения товарных цен лежит не в инфляции и дефляции, а — при золотой денежной валюте — в производственных условиях. Все же сведение причин сельско-хозяйственного кризиса к моментам денежного обращения гораздо более основательно, чем заявление Комиссии по выяснению аграрного кризиса, что основной причиной кризиса являются психологические моменты, оптимистическая или пессимистическая оценка положения вещей.

Мы отнюдь не намерены, как мы уже говорили, полезимировать с этой количественной или психологической теорией. Отметим только, что все эти теории не могут объяснить одного основного обстоятельства: во-первых, — почему кризис начался раньше всего в Японии и Англии, затем распространился на Францию, Италию и только после этого охватил остальные страны. Нельзя же сказать, что момент дефляции начинается в этих странах раньше, чем в Соединенных Штатах. Высшая точка обращения банкнот приходится в Англии на июль 1920 г., а в Соединенных Штатах — на декабрь 1920 года. Между тем, кризисы начинаются в Англии с апреля 1920 г., а в Соединенных Штатах с июня, т.-е. когда денежное обращение еще не достигло своей наибольшей высоты, хотя кредиты промышленности и здесь с марта сокращаются. Далее, чем объясняется такое неравномерное движение цен на различные товары в самой Америке? Высший уровень цен на продукты скотоводства приходится на июль 1919 г., за исключением цен на лучшие породы рогатого скота и на масло, цены на которые поднимались до октября и ноября того же года. Затем цены на одежду продолжали подниматься до марта 1920 г., на растительные сельскохозяйственные продукты — до апреля. С этого времени начинают падать цены также на хлопок, шерсть, металлы. На большинство других предметов цены падают с мая месяца, и цены на предметы, идущие на дальнейшую переработку, например, на кокс, чугун, уголь и некоторые металлы, начинают падать еще позже.

Не ясно ли, что, если бы причина кризиса лежала в дефляции, то прежде всего сократился бы спрос со стороны предприятий, которым отказано было в кредите.

Не вдаваясь в дальнейший разбор этого вопроса, мы только ограничимся еще одной таблицей, характеризующей падение доходности сельского хозяйства в годы кризиса. Эту таблицу мы берем из журнала „Crops and Markets“, Suppl. 8, Aug. 1924 г.

КАПИТАЛ И ДОХОДНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ЗА 1919—24 гг.

(в миллиардах долларов)

	1919/20 г.	1920/21 г.	1921/22 г.	1922 23 г.	1923/24 г.
Капитал	79,6	73,87	63,66	61,59	59,41
Задолженность . .	13,4	13,60	13,80	14,00	14,00
Чистый капитал .	66,2	60,27	49,86	47,59	45,41
Собствен. капитал фермер. и аренд.	48,5	43,95	36,28	34,85	33,42
Валовой доход . .	15,8	12,78	9,55	10,59	11,47
Произв. расходы .	7,7	8,01	5,96	6,13	6,58
Чистый доход . .	8,1	4,77	3,59	4,46	4,89
Работа сельск. хоз. и их семей . .	5,3	6,13	4,09	3,94	4,43
Доход фермеров .	2,8	—1,36	—0,5	0,52	0,46
Отношен. к капит. в проц.	5,8	—3,1	—1,4	1,5	1,4
Расходы на прод. пром., ремонт, постройки и т. д.	3,4	3,6	2,6	2,7	3,0
Денежные доходы	4,7	1,4	0,96	1,8	1,8
Потр. на фермах .	3,4	3,4	2,6	2,7	3,0

Для того, чтобы уяснить себе значение этих цифр, необходимо иметь в виду, что: 1) под капиталом подразумевается стоимость земли и зданий, мертвого и живого инвентаря и наличность денежных средств; 2) под валовым доходом подразумевается стоимость всех продуктов сельского хозяйства за вычетом всего потребляемого на ферме фуража, купленного и произведенного, как и семян, но включая личное потребление фермеров, исчисленное на основе средних цен на ферме; 3) расходы по производству обнимают собой зарплату, расходы на содержание домов, инвентаря, удобрения, отопления и освещения, налогов и процентов по займам и арендную плату; 4) оплата труда фермера и его семьи исчисляется на основе оплаты простых рабочих.

Из этих данных достаточно ярко выступает убыточность сельского хозяйства в 1920 и 1921 гг., вызванная в значительной мере сильным понижением цен, за которым вначале не следовало снижение производственных расходов. Все же сельское хозяйство работало с убытком только в течение двух лет, в последние годы оно оплачивает труд самого фермера и дает ему возможность расплачиваться по всем расходным статьям. Кроме того, у него остается некоторый остаток, хотя и слишком низкий для расширения производственного капитала. По сравнению с наиболее благоприятными годами — 1919—20 г. остаток наличными деньгами еще в 1923/24 г. составляет только несколько больше $^1/_3$.

Изданная „План. Хоз.“ работа Э. Нурса[1] дает весьма ценные материалы для характеристики покупательной способности европейского населения и для выяснения тенденции развития американского сельского хозяйства.

Задачи, которые ставит себе автор, резюмируются им следующим образом: „В общем и целом, наша книга стремится выяснить следующие явления: во-первых, влияние европейского экономического развития на американское сельское хозяйство до 1900 г.; во-вторых, изменение ситуации, начиная с конца прошлого столетия; в-третьих, влияние мировой войны на наше хозяйство; в-четвертых, положение мирового рынка, способствующее настоящей депрессии американского сельского хозяйства, и, в-пятых, перспективы сельско-хозяйственного вывоза в Европу в ближайшие годы“.

---

[1] „Европ. Сельск. Хоз. и американский рынок“, 1925 г. След. строки были напечатаны, как предисловие к русскому изданию этого труда.

Поставлены большие задачи, и поставлены, в общем и целом, правильно. Правильно и заявление, что от развития европейской промышленности зависело развитие американского сельского хозяйства. „В течение 175 лет, истекших с начала промышленной революции“, говорит Нурс, „американское земледелие развивалось в связи с ростом современного западно-европейского индустриализма и в значительной степени в зависимости от этого последнего. Как размер, так и характер нашего сельско-хозяйственного развития в немалой мере определялись рыночным спросом на пищевые продукты и промышленное сырье, возникшим вследствие роста европейских промышленных наций, в особенности Соединенного королевства и Германской империи“.

Желая охарактеризовать именно эту связь, Нурс начинает с колониальной эпохи,. когда Соединенные Штаты еще являлись колонией Англии. В то время Англия еще боролась против ввоза хлеба из Соединенных Штатов, конкурировавших с ее хозяйством. Сильный толчок развитию американского хозяйства дали наполеоновские войны. „Для пищевых продуктов Соединенных Штатов“, цитирует он Богарта, „создался европейский рынок. Европейские державы были слишком заняты войной, чтобы производить все необходимое для них продовольствие, да и, кроме того, свободный экспорт зерна из прибалтийских провинций, являвшихся тогда житницей Европы, был прекращен Наполеоном. Неслыханный спрос на американские сельско-хозяйственные продукты поднял их цены до чрезвычайной высоты.

С какой бы точки зрения мы ни смотрели на события этого периода, очевидно, что американский фермер и судовладелец очень поживились за счет европейских воюющих стран. Добытые таким путем прибыли употреблялись на развитие наших ресурсов и на дальнейшее улучшение сельского хозяйства“.

Но войны того времени одновременно и мешали развитию хозяйства в Америке; более „устойчивой силой“, влиявшей на развитие американского экспорта, явился рост индустриального развития Англии, впоследствии Бельгии, Франции и в особенности Германии. В то время 80 проц. американского экспорта еще имели сельско-хозяйственный характер. Гражданская война несколько затруднила, но не остановила этого роста, так как ушедших на войну рабочих можно было заменить машинами с конской тягой. И после этого начинается знаменитое „наводнение“ европейских рынков американскими продуктами, *приведшее к сельско-хозяйственному кризису* в Европе. Соединенные Штаты были в состоянии быстро расширять запашки и выбрасывать хлеб по низким ценам. Вывоз пшеницы, например, возрос с 1872—1876 г. по 1897—1901 г. с 67 миллионов бушелей до 197,4 млн. буш. или почти в три раза. Однако, уже тогда экспорт шел в известной мере за счет местного потребления, ибо продукция поднялась за то же время всего с 284 млн. до 604,4 млн. буш., т.-е. всего несколько больше, чем в два раза. На самом деле, внутреннее потребление почти не растет с 1880 г., как видно из следующих данных (Th. Brinkmann, Streiflichter auf die Entwicklungstendenzen der amerikanischen Landwirtschaft, „Berichte über Landwirtschaft“, Heft 2, 1923).

	Произв. пяти важ. хлебов	Внутреннее потребление	Вывоз продукции
	В бушелях на душу населения		
1878—1882 гг.	47	39	8
1888—1892 гг.	44	37	7
1898—1902 гг.	49	40	9

Из этих данных видно, что продукция за эти 20 лет, считая на душу населения, мало развивается (+4,3%); еще меньшие успехи делает внутреннее потребление (+2,6%), а экспорт (+12,5%) вырастает насчет запасов. Дело в том, что, если за десятилетие 1870—1880 г. растут запашки (на 45%) и в особенности увеличивается сбор (+59%), который далеко обгоняет рост населения (+25%), то за следующее десятилетие 1880—1900 г. рост запашек еще только немногим опережает рост населения (+26% и +24%), а за годы 1890—1900 г. уже даже отстает от него (+17% против 23%) и только благодаря особенно хорошим урожаям сбор на 35% выше, чем в начале десятилетия. Это отставание площади обработки от роста населения вызывалось захватом лучших земель крупными компаниями, и явилось одной из основных причин того, что в последнее десятилетие уменьшается экспорт из Америки: частная собственность воздвигает барьер дальнейшему расширению производства в виде высокой земельной ренты. И только в годы быстрорастущих цен площадь посевов снова расширяется.

Не видя этих социальных моментов, Нурс не уяснил себе и причин дальнейших изменений в области мирового сельско-хозяйственного рынка. Уменьшение экспорта из Соединенных Штатов за 1900—1910 г. Нурс объясняет: 1) повышением пошлин; 2) появлением новых конкурентов; 3) ростом внутреннего потребления. Это и методологически неправильно и фактически неверно. Повышение хлебных пошлин было направлено против всех стран—экспортеров сельско-хозяйственных продуктов; почему же оно отразилось на положении американского экспорта сильнее, чем на экспорте из других стран? Затем, ввоз, например, в Германию отнюдь не упал, а увеличился, несмотря на значительное повышение пошлин в Германии (в 1904 г. ввоз пшеницы составлял 2,02 млн. тонн, в 1910 г.—2,34 млн. тонн и в 1913 г.—

2,54 млн. тонн). Англия не знала хлебных пошлин. Отчего упал вывоз туда? Появление новых производителей — тоже не ответ. Ибо чем объясняется то, что Америка не оказалась в состоянии конкурировать с ними, а была ими вытеснена? Ссылка на рост внутреннего потребления, наконец, не спасает автора. Ибо и раньше внутреннее потребление росло и все же производство обгоняло его. Притом этот рост был на самом деле не очень значителен. По Бринкману, он составлял в 1910 г. 42 бушеля всех хлебов, т.-е. на 2 бушеля или на 5% больше, чем в 1900 г. Следовательно, приходится искать причины изменившегося положения Америки на мировом рынке в производственных условиях самой Америки. В то время как население выросло на 22%, площадь увеличилась всего на 15%, и продукция хлебов упала с 49 буш. до 47 буш. на душу населения. Так как необычайный промышленный подъем, который переживала Америка в это время, не давал возможности понизить уровень жизни рабочих и вывозить за счет внутреннего потребления, то излишки для экспорта сильно сократились, и так как рост сельско-хозяйственной продукции не поспевал за ростом промышленности, то поднялись цены на продукты сельского хозяйства.

„Недостаток сырого материала может, однако, получиться“, говорит Маркс („Теории прибавочной стоимости“ т. II, ч. 2, стр. 183), „независимо от влияния урожая или обусловленной естественными причинами производительности труда, доставляющего сырой материал. Именно, если в какой-либо особой отрасли промышленности на машины и т. д. (затрачена) слишком большая часть (накопленной) прибавочной ценности, добавочного капитала, то сырого (материала) будет недостаточно для нового производства, хотя его было бы достаточно для старой ступени производства. Это, следовательно, получается вследствие неправильного распределения добавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала“.

Вот это перепроизводство основного капитала или даже постоянного капитала по отношению к переменному, т.-е. к элементам, составляющим средства потребления рабочих, и имело место в последний „период бури и натиска“ капитализма перед войной в Соединенных Штатах. Отсюда и растущий спрос на сельско-хозяйственные продукты, отсюда и рост цен. При этом он был в Соединенных Штатах сильнее, чем во многих других аграрных странах, например, в Канаде или в России. В то время как в России стоимость пищевых и вкусовых веществ поднялась в 1910 г. по сравнению со средними ценами за 1890—1899 г. на 19%, она превышала в Соединенных Штатах соответственный уровень на 28% (Report of an Enquiry by the Board of Trade into working clas rents and retail prices together with the rates of Wages in certain occupations in industrial towns of the United Kingdom in 1912).

Быстрая индустриализация Соединенных Штатов и вызванный ею рост цен и явился причиной успешной конкуренции других стран на мировом рынке. В то же время несомненно, что дальнейшее расширение запашек наталкивалось на препятствия (в виду исчерпания фонда хороших земель и захвата последних крупными землевладельцами), а для улучшения уже обрабатываемой земли недоставало капитала, ушедшего в промышленность,—правильнее, не было капитала по достаточно низким процентам, чтобы делать интенсификацию хозяйства выгодной.

Затем рост городов создает специфический рынок преимущественно для продуктов скотоводства: молока, мяса и т. д. Это вызывает изменение и в характере сельско-хозяйственного производства. Место хлебопашества начинает занимать интенсивное скотоводство, хлебом начинают кормить животных или просто оставляют поля под пастбищами, как в Англии. Это развитие проделали европейские индустриальные страны: Англия, Германия и др. Нурс считает, что Англия пожертвовала своим сельским хозяйством, запустила его и т. д. Это неверно. Изменился только характер его. Во всяком случае, непонятно, почему он развитие в том же направлении в Соединенных Штатах называет „достижением более устойчивого экономического равновесия?“ Ведь, и в Соединенных Штатах дальнейшее развитие должно было повести к росту ввоза хлебов, как он сам предполагает, в другом месте и как это на самом деле уже было по отношению к канадской пшенице и ячменю, аргентинскому мясу и различным видам сырья. В чем же выражается это „равновесие?“ Ясно, что это слово ему нужно для того, чтобы утешить американских фермеров по поводу потери европейских рынков, как мы увидим в будущем.

Мы так подробно останавливаемся на довоенном периоде американского сельского хозяйства, так как в это время проявляются тенденции его развития, прерванные военными событиями.

Нурс совершенно справедливо говорит, что в военное время Европа старалась достать пищевые продукты и сырье из ближайшего источника снабжения, не обращая внимания на цены. Таким источником оказались Соединенные Штаты; и так как спрос быстро опередил предложение (перепроизводство основного капитала в военной промышленности и потребление войск), то и цены пошли в гору. Совершенно правильно также его замечание, что война выявила наличность огромной резервной силы для сельско-хозяйственного производства. „Эти возможности (расширения производства) не были утилизированы в довоенные годы только благодаря тому, что добавочные издержки были бы слишком велики, если бы производство было чрезвычайно расширено и дало большие экспортные излишки, которые в то время приходилось продавать по низким ценам“. Это—признание того факта, что земельная рента и погоня за прибылью—мешают использовать „возможности“. Частная собственность является помехой дальнейшего развития производительных сил. Но нельзя закрывать глаз и на то, что и страшно выросший во время войны экспорт шел по преимуществу за счет усиленной эксплоатации рабочей силы, внутреннего потребления и производительных сил страны. „Расширенное производство,—говорит Нурс,—было достигнуто отчасти за счет чрезмерно напряженной работы, некоторого ухудшения оборудования и меньшего удобрения земли“. К этому надо еще прибавить, что и потребление уменьшилось, по крайней мере, в годы, когда Америка вступила в войну[1].

За годы 1910—1920 население увеличилось на 14,5%, а сельско-хозяйственная площадь была расширена всего на 6%, в то время как продукция хлеба поднялась благодаря расширению посева хлебов за счет остальных культур на 10,5%, так что, считая на душу населения, продукция упала с 47 до 45 бушелей. Внутреннее потребление упало с 42 до 41 бушеля.

Характеризуя влияние войны на американское сельское хозяйство, Бринкман пишет: „расширили запашки под основными хлебами (пшеницей и рожью) за счет кормовых хлебов (кукурузы), уменьшили потребление хлебов (овса и ячменя) для корма скота и значительно сократили собственное потребление основных хлебов (1910—1914 гг. 630 млн. буш., 1921—1925 гг. 600 млн. буш.), чем и удалось увеличить экспортные ресурсы“.

Причины послевоенного кризиса определяются Нурсом, в общем и целом, правильно. Совершенно верно его указание на изменившиеся условия производства и на большую роль, которую играют возросшие цены на землю, т.-е. земельная рента.

---

[1] По Agricultural Year Book за 1923 г. потребление пшеницы составляло в среднем в год на душу населения: 1909—1913 г.—5,38 бушелей, в 1914—1920 г.—5,04 бушелей, или на 6% меньше.

„Война“, говорит он, „расширила границы сельскохозяйственной культуры и в смысле интенсивности, и в смысле площади“. Первое противоречит даже его собственным указаниям, что уменьшились затраты на удобрение и что поля обрабатывались не так тщательно, как до войны. Гораздо правильнее то, что он говорит дальше. „Новые границы земледелия“, пишет он, „были приспособлены к напряженному спросу и искусственно повышенной покупательной способности Европы и других стран, поскольку эти последние чувствовали на себе последствия европейской войны. Естественно, каждый, ведший в своем хозяйстве эту экономическую перестройку, стремился поддержать новые масштабы производства, ибо всякое уменьшение их ухудшило бы его экономическое положение. Если он расширил запашку за время войны, то он желал работать полным ходом и получать удовлетворительные прибыли на вложенные капиталы. Поскольку военные цены привели к образованию высоких цен на землю, постольку владелец земельной собственности не желал, чтобы его рента исчезла, а человек, купивший землю по высокой цене, нуждался в выгодном рынке, дабы уплатить за свою собственность из своих доходов. Те, которые основали целые новые поселения в областях, не приносивших прибыли при довоенном уровне спроса и цен, не желали покидать своих только что устроенных домов и терять плоды своих трудов и сбережений“.

Другими словами, кризис перепроизводства оказывается здесь затяжным потому, что сельско-хозяйственное производство находится еще в значительной мере в руках мелких и средних предпринимателей, не организованных в артели и тресты и не умеющих поэтому организованно сокращать производство; более того, сокращение производства означает в данном случае банкротство широкого слоя фермеров, купивших землю и оборудование по высоким ценам.

Какие представляются, однако, выходы из этого положения? Ответ на этот вопрос дается рассмотрением проблемы европейского рынка.

Европейский рынок оказался не столь платежеспособным, каким он был до войны. „Какова бы ни была“, говорит он, „честность европейских народов и как бы ужасна ни была их нужда, они могут расплачиваться за продовольствие и другие средства существования и получить средства для расплаты по будущим кредитам только на основе производственной, хозяйственной жизни и восстановления мировых торговых связей“. Между тем, именно с европейским производством дело обстоит совершенно ненормально. Хотя и „обнаруживаются“, говорит он, „некоторые признаки расширения“, но оно все еще недостаточно, чтобы расплачиваться по импортным кредитам в момент наступления срока платежа. Он ссылается при этом на плохое состояние европейских финансов и констатирует, что основа европейского кредита подорвана.

Исследуя проблему платежеспособности Европы и выясняя, насколько Европа будет нуждаться в американском хлебе или сумеет ли она удовлетворить свои запросы из каких-либо других источников, Нурс приходит к весьма поучительным результатам, с которыми мы бы рекомендовали ознакомиться всем тем, которые говорят о „плавном восстановительном процессе“. Здесь ярко выступают те трудности, почти непреодолимые, на которые наталкивается этот „восстановительный процесс“ в Европе. Свое заключение он резюмирует следующим образом: „Нельзя часовую стрелку экономической эволюции перевести обратно на 5, на 10 лет“.

„Восстановление Европы,—говорит он,—как она существовала в 1914 г., означало бы возрождение Европы цветущих фабрик, преуспевающей торговли и высочайшей финансовой мощи. Ныне фабрики Европы не процветают, ее торговля не преуспевает, ее финансовая мощь ослаблена, если не надломлена навсегда, событиями войны. В результате четырех лет войны произошло не только страшное разрушение материальных ценностей, но и центр денежного рынка переместился из Западной Европы в Америку. Увеличившийся вследствие этого приток международных платежей в Америку затрудняет все больше европейскую импортную торговлю. В то же время общий уровень цен в Соединенных Штатах, несомненно, поднимет на некоторое время издержки сельско-хозяйственного производства до сравнительно большой высоты. Совместное действие двух этих факторов сильно уменьшает значение нашей страны, как источника сельско-хозяйственного ввоза в Европу. Только уничтожив финансовые результаты войны, только исцелив ущерб, причиненный Европе войной, как в этой области, так и в промышленности и торговле, можно было бы восстановить прежнее положение.

Покупательная способность Европы на иностранных рынках серьезно подорвана в настоящий момент; даже самые розовые надежды, связанные с любым из нынешних планов восстановления, едва ли позволяют рассчитывать на нечто большее, чем на приостановку дальнейшего экономического развала и на начало медленного процесса возвращения к финансовой состоятельности. Далее, параллельно с падением покупательной способности наших прежних заграничных клиентов, произошло, как было показано в VII и VIII главах, возрождение сельского хозяйства в Европе и расширение крестьянского производства в главных конкурирующих с нами странах.

Европа, поскольку она может быть „восстановлена“ из развалин, оставленных великой войной, будет характеризоваться большей экономической замкнутостью, более низким уровнем жизни и усердными поисками наиболее дешевых источников продовольствия и сырья. Это будет продолжаться все время, пока она будет, по мере возможности, восстанавливать потери своего капитала и ликвидировать свои долговые обязательства“.

Итак, Нурс указывает на два момента, которые вызвали упадок экспорта из Америки,—на бедность Европы и на высокие цены на хлеб в Америке. Рассмотрим оба момента подробней. Прежде всего, рассмотрим экспорт хлебов из Соединенных Штатов.

Экспорт хлебов из Соед. Штатов составлял:

В миллионах квинталов

	1909/1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Пшеница	14,5	40,3	59,4	76,2	44,8	26,8	45,3
Пшеничная мука	9,3	23,5	17,7	14,9	13,4	14,5	14,2
Рожь	0,1	8,4	14,5	7,6	12,0	7,8	9,1
Ячмень	1,6	6,2	3,9	5,6	4,1	2,6	4,4
Овес	1,2	8,0	1,9	0,5	4,4	0,5	0,6
Маис	11,0	2,8	4,5	32,8	41,6	10,7	4,7

Сельско-хозяйственный кризис наступил в 1920 г., но в этот год вывоз хлебов еще увеличился, хотя уже по пониженным ценам. В следующие годы вывоз уменьшается, хотя цены продолжают падать. Только в 1924 г. экспорт вырастает, хотя цены сильно поднялись. Средняя цена пшеницы в 1924 г. составляла в Чикаго 125$^{7}/_{8}$ центов за бушель (60 фунтов) против 112$^{5}/_{8}$ в 1923 г. и 121$^{1}/_{2}$ центов в 1922 г. Цена на кукурузу поднялась с 82$^{5}/_{8}$ до 97$^{1}/_{4}$ центов за бушель в 56 фунтов и т. д.

Ввоз в Европу хлебов за годы 1922—1924 показывает далеко не одинаковую картину. Правда, в годы 1922—1923 ввоз важнейших хлебов уменьшается, но в 1924 г. мы уже видим значительное повышение ввоза по всем хлебам и в годы 1922/23 ввоз все еще превышает довоенный ввоз, притом довольно значительно. По данным „Ежегодника Римского Сельско-Хозяйственного Института“, превышение ввоза над вывозом из Европы составляло в среднем:

В миллионах квинталов

	1909/1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Пшеница	74,5	98,6	135,2	137,83	128,13	123,99	137,03
Пшеничная мука	4,58	25,3	15,3	14,34	13,28	11,83	15,09
Рожь	0,4	10,0	12,6	7,96	11,98	6,25	11,40
Ржаная мука	0,19	0,5	0,3	0,18	0,31	0,08	0,1
Ячмень	5,84	15,0	4,7	14,01	7,30	10,20	20,68
Овес	8,74	11,3	6,3	8,48	11,11	8,50	11,40
Кукуруза	37,74	24,8	36,3	61,29	66,47	44,14	46,36

Отсюда ясно видно, что ввоз в Европу хлебных продуктов, в общем и целом, увеличился по сравнению с довоенным временем, хотя, конечно, европейское население получало меньше хлебных продуктов, чем до войны, в виду того, что собственное европейское производство еще значительно отставало от военного. За годы 1922 и 1923 ввоз хлебов уменьшился по сравнению с 1921 г. Вывоз из Америки, однако, упал гораздо более значительно, чем ввоз в Европу. Это объясняется не столько изменившимся положением рынка, сколько изменениями, произошедшими в производстве в самой Америке. Америка, говорит Нурс, производит относительно дорого. Помимо указанных уже обстоятельств, именно повысившейся земельной ренты и высоких капитальных затрат, которые давят на норму прибыли, в том же направлении действует обложение.

Исследование профессоров G. F. Warren, Ph. D. and F. A. Pearson, Ph. D. The agricultural situation (New-York, 1924 г.) проливает на этот вопрос яркий свет.

По данным этого исследования, государственный долг Америки возрос в 1912—1922 году в $4^1/_2$ раза. Налоговое обложение составляло в 1913 году 2,19 миллиарда долларов, а в 1921 году—8,36 миллиарда долларов. В 1922 году государственное налоговое обложение превысило довоенное на 276%, а общее—на 271%. В общем высчитывается, что налоговое обложение составляло в 1913 году 6,4% дохода страны, а в 1922 году—12,1%. В 1921 году—даже 16,7%, а по отношению к доходу фермеров оно было 14,3 и 17,2%. Специально налоги, которые уплачиваются фермерами, возросли на 126% с акра земли, в некоторых областях возрастание налогов еще гораздо более значительное, составляя свыше 40% дохода. В этом обстоятельстве приходится еще искать объяснения, почему Америка так настойчиво требует возвращения союзных займов, чтобы уменьшить налоговое обложение. Но это означает дальнейшее ухудшение платежеспособности европейского населения. Получается порочный круг.

Можно не согласиться с тем, будет ли послевоенная Европа „характеризоваться большей экономической замкнутостью“. Общая характеристика, данная Нурсом положению вещей в Европе, правильна. Но все же перспективы, нарисованные Нурсом, далеко не бесспорны. Вряд ли, например, Германия, даже „урезанная“ Германия, будет „находиться в устойчивом равновесии с сельско-хозяйственным развитием Дунайского бассейна и России“. Ведь, это предполагает, что эти страны останутся аграрными, что у них рост населения не опередит сельско-хозяйственное производство, или, правильнее, увеличение основного капитала в промышленности пойдет соразмерно с развитием сельско-хозяйственной продукции. Но какие данные имеет Нурс в пользу такого предположения? Решительно никаких. Наш Союз, например, делает несомненные успехи в области промышленности, и внутренний спрос на сельско-хозяйственные продукты быстро растет. Точно так же развиваются и Чехо-Словакия, отчасти и Румыния, и Юго-Славия.

Не оправдалось и его предсказание насчет 1924 г., когда экспорт Соединенных Штатов возрос и при повышенных ценах. Так, вывоз за операционный год (с 1 июля по 30 июня) был:

	Пшеницы		Пшенич. муки		Кукурузы		Ячменя	
Годы:	1924	1925	1924	1925	1924	1925	1924	1925
	в млн. буш.		в тыс. буш.		в млн. буш.		в млн. буш.	
ВСЕГО	78,79	195,49	17,253	13,896	21,19	8,46	11,21	23,65
Из того числа								
Бельгию	4,29	15,18	58,8	101,7	0,56	—	0,17	2,22
Францию	2,46	14,29	—	—	0,38	—	—	—
Германию	1,92	7,96	1.488,3	1.995,1	0,67	0,03	0,03	7,77
Италию	7,81	25,73	153,3	738,1	—	—	—	—
Голландию	4,21	16,73	1.841,4	8.802,1	2,37	0,08	0,03	2,53
Англию	16,81	40,27	1.451,4	2.105,2	4,45	0,14	10,39	8,58

Отсюда видно, что увеличился вывоз пшеницы, наоборот, упал вывоз пшеничной муки, в то время как Нурс ожидал как раз обратного. Общий экспорт продуктов скотоводства упал (с 467,8 млн. долларов до 453 млн.

долларов), экспорт же растительных съестных припасов поднялся с 415,3 млн. до 732,3 миллионов долларов.

И еще в июле (последний месяц, за который у нас имеются полные данные из Monthly Summary of foreign commerce of the United States), когда окончательно выяснились благоприятные виды на урожай в Европе и мало утешительные виды в Америке, экспорт пшеницы еще далеко опережает прошлогодний, хотя уже значительно понизился по сравнению с июнем этого года. Так, в июле 1924 г. было вывезено 4 млн. бушелей пшеницы, в июне 1925 г.—7 млн. бушелей, а в июле 1925 г.—5,3 млн. бушелей.

Правда, 1924/25 г. был во многих отношениях ненормальным. Европа имела плохой урожай. Соед. Штаты, наоборот,—хороший урожай. Но, ведь, Нурс знает, что дело не в потребности, а в платежеспособности Европы. И откуда у Европы были деньги, чтобы купить в 1924/25 г. на 2,66 миллиарда против 2,20 миллиарда долларов в 1923/24 г., в то время как ее экспорт в Соед. Штаты возрос только с 1,06 до 1,17 миллиарда долларов? Несомненно, значительную часть этого экспорта в Европу Соед. Штаты покрыли своими же кредитами ей. Но Нурс, ведь, констатирует, что Европа потеряла кредит. Откуда эта перемена настроения в Америке по отношению кредитоспособности Европы? Ясно, что все эти настроения—только отражения интересов капитала. Нурс писал свою работу, когда Соед. Штаты переживали промышленный подъем, и ему казалось, что они нашли свое „экономическое равновесие“. Когда же оживление промышленности сменилось депрессией, начались поиски иностранных рынков, новых применений для освобождающихся вследствие депрессии капиталов, и Дауэс „придумал“ план „оздоровления“ Европы, банки дали Европе капитал в кредит, фермеры смогли продать ей немного больше хлеба, а спекулянты нажились на экспорте капитала и на биржевой игре на повышение хлебных цен. И хотя указанные Нурсом тенденции, несомненно, существуют, все же они в реальной жизни перекрещиваются целым рядом других факторов, определить которые можно только на основании изучения всей экономической и социальной структуры страны, а не только развития сельского хозяйства и специально рыночных моментов.

Основным моментом, определяющим конкурентную способность страны, является ее производительная способность, или уровень ее расходов и прибыли. Кто производит дешевле, тот остается победителем на рынке, кто работает с высокими затратами, тот вытесняется с него, конечно, если он не пользуется монополией или особыми привилегиями. Предположение Нурса, что Европа будет гнаться за дешевыми продуктами, а Америка будет производить с высокими издержками, конечно, немыслимо. Если другие страны будут производить хлеб дешевле, чем Америка, то никакая покровительственная пошлина не будет в состоянии удержать американских предпринимателей от закупок за границей. Увеличивался же ввоз хлеба и в Германию, несмотря на высокие ввозные пошлины.

Правда, считается, что дальнейшее расширение обрабатываемой площади в Соед. Штатах возможно исключительно путем значительных затрат. Культивируемая площадь может, по официальным данным (Ежегодник Сел.-Хоз. Департамента от 1921 г., стр. 430), быть увеличена с 503 до 800 млн. акров, при чем 30 млн. акров приходится осушить, 30 млн. акров оросить, 60 млн. осушить и очистить от леса, 50 млн. очистить от леса, 127 млн. акров, представляющих теперь дикую степь, впервые взять под обработку. Однако, ведь, возможна еще интенсификация производства. С акра земли Соед. Штаты получали до войны 14,7 бушелей пшеницы, Германия—31,9 бушелей; соответствующие данные за 1923 г.—13,5 и 28,4 бушелей. Правда, интенсификация требует дополнительных затрат, но они могут компенсироваться техническими усовершенствованиями. Если за годы 1870 по 1920 производительность труда занятых в сельском хозяйстве Америки поднялась на 82⁰/₀, (G. E. Warren. Die Landwirtschaft der Ver. Staaten, Berichte über Landwirtschaft, Bd II, Heft 4), то почему это не может и теперь повториться? Конечно, если бы промышленность Америки развивалась быстрым темпом и отвлекала капитал из сельского хозяйства, то стоимость производства сельско-хозяйственных продуктов поднималась бы. Но следует ли рассчитывать, что промышленность переживет в ближайшие годы новый сильный подъем? Ведь, и ее развитие упирается теперь гораздо больше, чем раньше, в проблему внешнего рынка. А разрешение этой проблемы, пожалуй, труднее, чем вопрос о рынке для продуктов сельского хозяйства.

Ибо и конкуренты Соед. Штатов на мировом рынке сельско-хозяйственных продуктов развиваются в промышленном отношении. И они проделывают всю эволюцию Соед. Штатов; следовательно, и перед ними вырисовываются те же перспективы, как и перед Соед. Штатами. Например, будет ли наш Союз вывозить хлеб или другие сельско-хозяйственные продукты, является вопросом еще далеко не решенным. Рост промышленности у нас создает внутренний рынок для хлебов; вместо них мы будем, вероятно, вывозить продукты скотоводства.

Затем, смогут ли конкуренты Америки удовлетворить весь спрос на мировом рынке? Ведь, цены на сельскохозяйственные продукты определяются производственными расходами при наихудших условиях. Не будут ли и в будущем Соед. Штаты определять эти цены, но уже не в смысле понижения, а повышения их?

Поэтому Соед. Штатам можно меньше бояться конкуренции на рынке сельско-хозяйственных продуктов, чем конкуренции оживающей европейской и вырастающей заокеанской промышленности. Если в сельско-хозяйственной области при общем благоприятном развитии следует ожидать ослабления конкурентной борьбы, то в области промышленности борьба должна с каждым новым шагом вперед возрастать.

Мы приходим, следовательно, к заключению, что вряд ли приходится ожидать продолжительного промышленного процветания,—в Соед. Штатах так же мало, как в Европе. А этим определится и судьба сельского хозяйства; следует полагать, что цены и на сельско-хозяйственные продукты падут, что аграрный кризис—оборотная сторона промышленного кризиса—еще будет продолжаться.

Переходя от общих соображений к анализу теперешнего положения мирового рынка хлебов, можно констатировать, что цены на пшеницу в Америке на самом деле испытали сильнейшие колебания и держатся на весьма высоком уровне. Другие хлеба упали в цене, как видно из следующих данных:

За бушель пшеницы платили в Нью-Иорке (центов): 1926

5/I	2/II	3/III	2/IV	4/V	2/VI	2/VII	3/VIII	3/IX	28/IX	1/II
186,12	199,5	196,75	157,50	177,50	182,12	159	176	169,75	148	198,5

При сильных колебаниях общее движение все же весьма устойчивое, хотя урожай хлебов хороший. Так, по новейшим данным Римского Сельско-Хозяйственного Института, сбор пшеницы составлял:

Годы:	1925	1924	1923	1909—1913
	(в млн. квинталов)			
Европа (24 страны)	371,0	283,3	336,8	364,7
Канада и Соед. Штаты	304,7	308,8	346,1	241,5
Аргентина	64,0	52,0	67,4	40,0
Азия (5 стран)	100,8	109,0	111,6	104,5
Африка (5 стран)	31,6	24,7	30,7	27,3
Австралия	27,2	43,9	34,0	24,6
Весь сбор (без СССР)	899,3	821,7	926,6	802,6
	(Сбор ржи в млн. квинталов)			
Европа (22 стр.) и Амер. (3 стр.)	250,1	181,2	227,3	255,5

Европейский сбор оценивается на 31% выше, чем в прошлом году. Общий мировой сбор также выше, нежели в прошлом году, и даже выше, нежели в 1909—1913 гг. В С. Штатах цены на пшеницу сильно поднялись. Этому способствовала и спекуляция, которая снова развернулась во всю, опираясь на сравнительно низкий учетный процент и на вновь образованные союзы фермеров.

ДВИЖЕНИЕ ЦЕН БЫЛО НА АМЕРИКАНСКИХ РЫНКАХ СЛЕДУЮЩЕЕ (1913=100):

	Пшеница	Рожь	Ячмень (Канада)	Овес	Кукуруза
9/I 1925 .	198,3	254,3	184,2	153,8	195,3
3/VII „ .	164,0	158,1	182,6	122,2	157,2
8/I 1926 .	203,0	180,1	123,6	109,5	128,4

Таким образом, спекуляция укрепилась только на рынке пшеницы и отчасти ржи. На других хлебных рынках цены пока идут вниз, благодаря хорошему урожаю и резкому понижению экспорта, как видно из след. данных. Сбор составлял:

	Ячмень			Овес			Кукуруза		
	1925	1924	1909/13	1925	1924	1909/13	1925	1924	1909/13
	(в млн. квинталов)								
Европа . .	137,2	116,0	145,3	232,1	212,1	258,0	106,2	95,7	110,9
Америка . .	76,7	61,7	50,5	305,9	294,2	228,1	767,6	621,9	693,4
Азия . . .	26,2	24,9	25,5	—	—	—	—	—	—
Африка . .	22,2	18,6	21,3	3,0	1,7	2,5	—	—	—
Голл. Индия	—	—	—	—	—	—	15,5	17,0	12,8
Всего без СССР . . .	262,3	221,2	242,6	541,0	508,0	488,6	889,2	734,6	817,1

Для Европы взяты 24 страны (ячмень), 23 страны (овес) и 7 страны для кукурузы; для Америки для ячменя и овса — три страны, а для кукурузы — С. Штаты и Канада. Для Азии—4 страны и для Африки—4 и 3 страны.

Мировой экспорт и импорт хлебов за первые 4 мес. нового сезона был:

1 авг.—30 нояб.	Пшен.	Пш. мука	Рожь	Ячмень	Овес
		Экспорт в млн. квинталов.			
1925	47,05	9,95	3,57	10,46	6,06
1924	64,41	13,23	8,72	10,46	5,50
		Импорт в млн. квинталов.			
1925	41,82	6,68	6,53	11,30	6,36
1924	52,03	9,54	7,07	10,10	4,42

Итак, особенных причин для спекуляции на повышение цен на пшеницу как будто нет. Вероятно, она и не долго удержится. Во всяком случае, по этому поводу еще нельзя говорить о том, что аграрный кризис изжит. Последний окончится вместе с окончанием промышленной депрессии, не раньше.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Характерной чертой послевоенного кризиса мы считаем два момента: огромное перепроизводство средств производства и постоянное колебание конъюнктуры, чего не знал довоенный капитализм.

Если мы с этой точки зрения рассматриваем развитие послевоенного капитализма, то для нас совершенно безразлично, находится ли продукция всех стран, вместе взятых, на более или менее высоком уровне, чем в 1913 г. Капиталистическое производство качественно изменилось. Дело в том, что капиталистическое производство—не гармоническое, и не организованное, а антагонистическое и развивается путем резкой конкурентной борьбы и социальных противоречий. Рост продукции, с этой точки зрения, отнюдь еще не говорит о развитии, об укреплении капитализма, а скорее о растущих противоречиях, на которые все больше и больше должен наталкиваться капитализм.

Выясним это на примере. В течение инфляционного периода в Германии были построены многочисленные новые предприятия. Говорит этот факт за то, что германский капитализм усилился, что германское хозяйство процветает? Отнюдь нет. Сами немцы сознательно говорят теперь о том, что необходимо снести целый ряд предприятий и продать их на слом. Один из лучших знатоков германского хозяйства Артур Фейлер констатирует в последней своей статье во „Франкфуртской Газете“ от 8 декабря 1925 года, что теперешний кризис, который переживает Германия, отличается от

„конъюнктурных колебаний“ перед войной, от нормальных кризисов, при которых в самой депрессии были заложены элементы нового промышленного подъема тем, что теперешний кризис обусловлен тяжелыми недостатками в производственном аппарате Германии. Он вполне соглашается со следующими словами, высказанными на съезде машиностроителей в Германии: „Мы (т.-е. Германия) имеем не дымящиеся фабричные трубы, а только потушенный железный лом“. И отсюда он делает заключение, что для оздоровления германского хозяйства недостаточно прекратить работу на этих предприятиях, как это делали раньше, дабы пустить их в ход, когда снова оживет сбыт. „Нет,—говорит он,—и неработающие предприятия пожирают капитал на содержание их в порядке. Рейнский металлообрабатывающий завод оценивает ежегодные расходы на неработающие предприятия в 1 млн. марок. Снести их—вот лозунг настоящего момента: надо превратить в лом неправильно построенные, не имеющие никаких видов на будущее, предприятия. Полный отказ от вложенного в них капитала,—вот, что необходимо. Небывалый в истории германского хозяйства случай последующего признания тяжелых ошибок, сделанных в смутное время войны и инфляции! В угольной промышленности, в калиевой промышленности и в железоделательной промышленности уже вступили на этот путь. За ними должны будут следовать и остальные отрасли промышленности“.

Итак, оказывается, что предыдущее развитие, расширение производства, постройка новых предприятий и т. д. были тяжелой ошибкой, от которой нужно теперь отказаться, ошибкой, препятствующей дальнейшему развитию страны. Можно ли, следовательно, цифровыми данными доказывать рост производства, или стабильность капитализма, или какие-то „восстановительные процессы“?

Правда, в данном случае, газета и германские промышленники говорят об ошибках, произведенных во время войны и инфляции, но, ведь, вопрос не только в этом, а гораздо глубже—в структурном изменении капиталистического хозяйства вообще. В органе „угольных баронов“ „Bergwerkszeitung“ от 29 ноября 1925 года этот вопрос поставлен на более широком базисе. Указывая на неслыханный до сих пор факт, что Германия ввозит чугун из Индии, автор названной статьи в этом органе заявляет: „Легко можно констатировать, что страдания и нужды германского хозяйства вышли из рамок Германии и охватили всю Европу общим хозяйственным брожением, в основе которого лежит полное передвижение индустриальных полюсов“. Современный кризис он рассматривает именно, как выражение этого изменения в структуре мирового хозяйства. „Лихорадочное состояние современного хозяйства вызывается образованием новых производственных центров, которые стремятся к органическому внедрению в существующий до сих пор производственный аппарат... Повсюду в мире мы видим развитие новых отраслей промышленности по обработке сырья. Строят доменные печи и сталелитейные заводы в Австралии, Индии, Китае, Италии и в России. Япония уже приступила к дальнейшему развитию своей обрабатывающей промышленности“. Жалуясь потом на безрассудные стремления к расширению промышленности во всех странах, он тем не менее отыскивает и основную причину этого явления, которая лежит в пробуждении ряда стран к самостоятельной политической жизни. Выход, который он видит, сводится к тому, чтобы европейские развитые страны перешли к производству высококачественных продуктов, с одной стороны, и к приспособлению существующего производственного аппарата к возможностям сбыта, с другой стороны. Предпосылкой подобного изменения характера производства является, по его словам, повышение покупательной способности внутри страны и образование международных картелей. Совершенно очевидно, что подобные указания, как ни благоразумны они, может быть, сами по себе, наталкиваются на стремления капиталистов к высокой норме прибылей и на противодействие со стороны рабочих, за счет которых и эта реорганизация производства должна быть произведена. Мы уже не говорим о недостатке капитала, которого кредитами не возместишь[1].

Мы видим, что проблема послевоенного капитализма отнюдь не измеряется цифровым материалом о росте и упадке продукции. Что это именно так, достаточно указать на один основной фактор, имеющий в данном смысле определяющее значение, а именно, на огромный рост безработицы, далеко опередивший все то, что знал капитализм когда бы то ни было. Правда, в последнее время местами безработица несколько уменьшилась, хотя в других местах она снова растет. Но можно ли вообще сравнивать современную безработицу с той, которая была до войны? Например, в Англии до войны безработных насчитывали всего 1—2% членов профсоюзов,—теперь 10—12%. В Германии безработных было в 1913 году 2,9%, в 1924 году 13,5%, а вместе с работающими неполное время—28,8%. В ноябре этого года безработных насчитывалось 10,7% и работающих сокращенное время 15,5%. Все те, которые говорят, что мировое производство или даже европейское производство достигло довоенного уровня, превысило его или приближается к нему, не отдают себе отчета в том, что цифры продукции не определяют еще характера капиталистического развития, что капитализм имеет еще свою тень в лице безработных армий, и что чем больше эта тень, тем менее светит солнце капитализма даже для предпринимателя. Социальный строй, который не в состоянии прокормить такой огромной массы населения, не может ни в коем случае считаться стабильным даже в самом относительном смысле этого слова.

---

[1] Герман Леви даже отрицает не только возможность, но и полезность такого перехода исключительно к производству высококачественных продуктов. За последнее время часто стали указывать на противоречие между производительной способностью и емкостью рынка. Приводим только еще мнение „Wirtschaftsdienst“ от 5 февраля 1926 г. Там вычисляется, что герм. стальная пром. в ближайшие годы будет работать только с нагрузкой 65—75%...

Вопрос о перспективах на ближайшее трехлетие может быть решен исключительно, исходя из общих теоретических предпосылок, из которых мы рассматриваем современный кризис. Считая правильным положение, что „фазис подъема, это — период усиленного строительства и устройства новых промышленных предприятий“ (Туган-Барановский), мы не можем считать, что послевоенный капитализм вступил в фазу подъема конъюнктуры, ибо, как мы это несколько раз подчеркивали, расширение строительства не происходит нигде, за немногими исключениями, и весьма слабо и в Соед. Штатах. Вот несколько иллюстраций. Количество доменных печей с начала 1922 года по начало 1925 года не увеличивается, а уменьшается, как это видно из следующих данных:

КОЛИЧЕСТВО ДОМЕННЫХ ПЕЧЕЙ

	Англия	Франция	Бельгия	Люксемб.	С. Ш.	Канада
К началу 1922 г.	487	220	54	50	417	20
В действии было в сентябре	139	103	32	30	190	?
К началу 1925 г.	482	220	56	47	403	15
В действии было в ноябре	141	145	32	—	220	6

Количество доменных печей уменьшилось, за исключением Франции и Бельгии, а также Германии, где количество доменных печей увеличилось с 1922 г. по июнь

1925 г. с 209 до 211 (в 1913 г. их было 216, а в 1917 г.—220; в действии в ноябре 1925 г. было 93). Стоит еще остановиться на строительной деятельности в Соед. Штатах; как известно, значительный рост этой деятельности является основанием промышленного подъема, но для чего строятся эти новые здания—для личного потребления или для промышленности? Оказывается, что промышленные постройки играют весьма слабую роль, как это видно из следующих данных:

ПОСТРОЙКА ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ [1].

	1920	1921	1922	1923	1924
(в миллионах долларов)	589	173,3	325	378,8	285
(в процентах ко всем постройкам)	23,3	7,3	9,7	10,8	7,3

Из этих данных видно, что промышленные постройки относительно незначительны.

Другим характерным признаком слабого развития основного капитала являются заказы, полученные американской машиностроительной промышленностью на паровозы, вагоны или вообще на машины или экспорт машин из Англии. Из этих данных явно вытекает, что если можно еще где-нибудь говорить о расширении основного капитала, то, во всяком случае, не в Европе. Так, например, производство железнодорожных паровозов развивалось в Соед. Штатах следующим образом:

ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПАРОВОЗОВ

	Для С. Штатов и Канады	Для других стран	Всего
1919	2.162	1.110	3 272
1920	2.022	1.650	3.672
1921	1.185	638	1.823
1922	1.303	231	1.534
1923	3.505	280	3.785
1924	1.810	226	2.036

---

[1] Данные эти представляют из себя сводку строительных подрядов в 27 штатах, приведенную в „Ежегоднике Департамента Торговли“ за 1924 год, страница 264. В Германии тоже значительно выросло строительство за посл. годы—но для личных и культурных потребностей. „Fr. Ztg.“ от 9 янв. 1926 г.

ПРОИЗВОДСТВО ВАГОНОВ (в тысячах единиц)

	Для С. Штатов и Канады	Для других стран
1919	94,9	61,8
1920	60,9	14,5
1921	40,3	6,4
1922	66,3	1,1
1923	175,7	2,4
1924	113,8	1,1

ЭКСПОРТ МАШИН ИЗ С. ШТАТОВ (в миллионах долларов)

	Весь экспорт	В том числе в Европу
1913	87,1	27,7
1919	284,7	100,4
1920	324,2	90,7
1921 . . .	208,8	41,1
1922	112,3	23,2
1923	123,6	28,4
1924	130,8	32,2

Итак, С. Штаты снабжают мировой рынок орудиями производства и средствами транспорта во все уменьшающихся размерах. Рассмотрим теперь экспорт машин из Англии.

ТОРГОВЛЯ АНГЛИИ МАШИНАМИ (в тысячах тонн)

	1911/13	1920	1921	1922	1923	1924
Ввоз.	93,3	89,8	54,9	45,7	53,8	—
Обр. вывоз	19,6	4,9	4,0	2,2	3,7	60,1
Вывоз англ. машин . . .	711,2	461,7	506,3	401,4	432,6	463,6
В том числе текстильные машины	157,6	—	157,0	154,4	138,8	103,6
Электрические машины .	24,5	—	18,2	16,2	21,0	31,1
Паровозы	44,6	43,3	—	32,2	34,6	23,6

Из этих данных видно, что вывоз машин за 1924 год был несколько выше, чем за 1923 год; вывоз текстильных машин был, наоборот, гораздо ниже, чем в 1923 году. Вообще, средняя стоимость одной тонны машины упала в 1924 году по сравнению с 1923 годом. В 1923 году она составляла 102,9 фунта за тонну, а за 1924 год—97,4 фунтов. Отметим далее, что сильно уменьшился вывоз в Европу. Перед войной вывоз в Европу составлял в среднем 266,8 тыс. тонн в год, в 1923 г.—всего 97,5.

Наоборот, вывоз в колонии в 1913 году достиг 234,7 тыс. тонн, в 1923 году—227,6 тыс. тонн. Вывоз в другие страны упал более, чем на половину: вместо 476,4 тонн он равнялся 204,9 тыс. тонн. Не приходится еще особо отмечать, что вывоз новых судов крайне сильно уменьшился. В 1920 году этот вывоз составлял 474,7 тыс. больших тонн, в 1921 году—578,4, в 1922 г.—466,3, в 1923 г.—173,4 и в 1924 г.—161,5 тыс. больших тонн.

В 1925 году замечается некоторое увеличение экспорта машин. Так, экспорт машин из Англии составил 516 тыс. тонн стоимостью в 49 миллионов фунтов стерлингов по сравнению с 463,6 тыс. тонн стоимостью в 44,8 миллиона в прошлом году. Вывоз машин из Соединенных Штатов увеличился за 10 месяцев 1925 года с 268,7 до 317,4 милл. долларов, а вывоз из Германии за 11 месяцев—с 2,41 до 3,39 миллиона двойных центнеров. Но точный анализ этих цифр еще затруднителен вследствие того, что нет полных данных, характеризующих положение отдельных рынков, потребляющих машины. Как бы то ни было, уже то обстоятельство, что цены на стальные изделия и на машины стоят гораздо ниже общего уровня цен, показывает, что реорганизации в условиях производства на самом деле не происходит. Если товарные цены в начале августа стояли в Германии на 34% выше довоенного уровня, то цены на железные изделия превышали довоенный уровень на 14—24%. В Англии общий уровень цен превышал довоенный уровень на 60%. Цены на железные изделия превышали довоенный уровень на 3—22%. То же самое и в Соед. Штатах: общий уровень цен был значительно выше, чем цены на железные изделия (61% и 29—33%). Этим в известной мере облегчается сбыт железных изделий, но это, с другой стороны, делает продукцию железа убыточной, так как производственные расходы относительно весьма высоки. Характерно, что в Англии, отчасти и в Америке, цены на готовые изделия стоят относительно ниже, чем цены на сырье или полуфабрикаты. Так, например, в Англии цена на полосовое железо превышала довоенный уровень на 3%, цена на чугун— на 22%. Все эти данные относятся к августу 1925 г. и заимствованы нами из журнала „Weltwirtschaftsarchiv“ от октября 1925 г., стр. 337*. Ясно, что, благодаря такому положению вещей, норма прибыли предприятий, производящих готовые изделия, сильно понижается и что вследствие этого особенно значительного развития ожидать не приходится.

Этим обстоятельством объясняются, например, огромные потери всемирно известной фирмы Vickers.

Тяжелое положение железоделательной промышленности подтверждается и Г. Лейтоном, редактором лондонского „Экономиста“, в статье, напечатанной в „Deutsche Bergwerkszeitung“ от 10 ноября 1925 года, в которой он, говоря о положении железоделательной промышленности Германии и Англии, связывает депрессию в этих странах с „общим критическим положением мирового хозяйства, которое еще далеко не выбралось из той катастрофы, в которую оно было ввержено войной“.

Обычно, говоря о перспективах будущего, ссылаются на два момента: на стабилизацию валюты в Европе и на американские кредиты, благодаря которым Европе удастся выбраться из теперешнего кризиса. Не останавливаясь подробно на этих вопросах, мы только отмечаем, что перехода к золотому обращению, к золотой валюте еще нигде в Европе нет, даже в Англии“[1]. Более того, о переходе к золотому обращению еще и не помышляют, как это подтверждает и Ирвинг Фишер. (См. его статью в сборнике

---

[1] Вопреки Фалькнеру и Иоельсену, которые не различают между стабилизацией бумажной валюты и золотым обращением.

„European Currency and Finance“, Вашингтон, 1925 г.). Бумажная же валюта не может быть стабильной. Временная стабилизация может основываться на внешних кредитах. Впрочем, в двух странах — во Франции и Польше (отчасти также и в Италии) — даже этой относительной стабилизации еще нет. При этом в Польше попытка временной стабилизации была раньше сделана, но она уже сорвалась. Близко к срыву этой стабилизации была и Германия два раза: весной 1924 и осенью 1925 года. В обоих случаях спасли страну иностранные кредиты.

Впрочем, поскольку вопрос о стабилизации валюты не решается исключительно твердостью внешнего курса, а также устойчивостью товарных цен, то, пожалуй, стабилизации в этом смысле нет еще нигде. Так, в Германии, о стабилизации валюты которой так много говорят, мы замечаем быстрый рост розничных цен, гораздо более значительный, чем в других странах[1].

Отметим еще, что внешняя стабильность валюты в значительной мере связана также с вопросом о междусоюзнических долгах. Формально, как будто, вопрос о междусоюзнических долгах близится к разрешению. Но только буржуазные экономисты могут, подобно Фалькнеру, формальное решение считать действительным разрешением этого вопроса. По существу, пока все дело свелось к переписке новых векселей. Что касается Англии, то не кто иной, как бывший американский посол в Лондоне Harvey в „North Am. Review“ (цит. по „Frankfurter Zeitung“ от 14 дек. 1925 г.) открыто выступил с заявлением, что платежи по своим долгам не под силу Англии, так как ее положение крайне тяжелое. Если это не под силу Англии, то как справится с этим вопросом

---

[1] В Соед. Штатах индекс розничных цен возрос с сентября 1924 г. по сентябрь 1925 г. с 144 до 156, или на 8%, в Германии — с 125 до 153, или на 22%.

Франция? И на самом деле вопрос о междусоюзнических долгах Франции еще не урегулирован.

Для того, чтобы выяснить трудность всей этой проблемы, достаточно только указать на следующие обстоятельства. Пассивность торгового баланса Европы исчислялась в 1913 году в 8,3 миллиарда марок. За 1924 год она составляет 13,8 миллиардов золотых марок, т.-е. она возросла на две трети. При этом до войны Европа была кредитором всего мира, и процентами на ее капитал она оплачивала излишек ввоза; теперь она имеет пассив в размере 13,7 миллиардов золотых марок и она еще обязана платить проценты по своим обязательствам. Далее, если считать к этому еще репарационные платежи и старые долги России, то задолженность одной только Восточной Европы доходит почти до 100 миллиардов марок. Совершенно естественно, что Восточная Европа не в состоянии платить по таким огромным долгам, а если этого не сделает Восточная Европа, то это не в состоянии будет сделать и Западная Европа. Во всяком случае, вопрос о репарационных и междусоюзнических платежах еще далеко не решен, как это кажется поверхностным наблюдателям.

Что касается американских кредитов, то прежде всего приходится установить их действительный размер. Америка оказала Европе кредит в течение 1919 года по конец 1924 года в размере всего-на-всего 1,3 миллиарда долларов, считая государственные и частные займы. Общий экспорт капитала Америки за границу, не считая военных займов, исчисляется кругло на 1 июля 1925 года в 9,55 миллиарда, при чем на долю Европы приходится 2,1 миллиарда. Мы видим, следовательно, что это совсем уже не такие большие цифры, чтобы они могли поднять хозяйство Европы.

Президент Рейхсбанка Шахт, говоря об американских кредитах, назвал „фантазией“ всякого рода разговоры о том, что Германия в состоянии получить 10 миллиардов. Даже кредиты в 2½ миллиарда долларов он счел опасностью как для германского хозяйства, так и для валюты страны. Всю задолженность Германии по отношению к другим странам он исчисляет в 3—3½ миллиарда марок. Если исходить из этой цифры, то при 8% (а Германия платит и больше) мы получаем, что платежный баланс Германии отягчается суммой в 280—300 миллионов марок, что весьма значительно. Характерно в этом отношении замечание генерального секретаря германских машиностроителей на съезде последних, что, по словам Шахта, германские солидные предприятия могут достать кредит в Америке. Беда только в том, что число таких предприятий уменьшается с каждым днем. (Die Zahl der rentablen Betriebe schwinde von Tag zu Tag). Как бы то ни было, кредитами европейской промышленности не насытишь. Мы это видели на примере Австрии и Германии, которые каждый год регулярно переживают новый кредитный кризис и каждый раз оказываются в самом тяжелом положении, когда новых заграничных кредитов нет. Помимо того, кредиты не решают вопроса о рынках, этого основного вопроса современного хозяйства. Правда, имеются фантазеры, которые предполагают возможность раздела мира между капиталистическими странами путем братского раздела рынков, но это чистейшая, ни на чем не основанная фантазия, противоречащая всему существу анархической системы хозяйства в капиталистическом обществе. До к тому же, разделом, ведь, рынки не создаются, а только делятся. Равным образом нельзя сказать, что Европа возьмет на себя, главным образом, производство высококачественных товаров,— не только потому, что для этого у нее недостаточно капитала или потому, что переход к высококачественному производству означает понижение уровня прибыли, или потому, что европейские капиталисты, обязанные платить высокие проценты Америке, не могут на это согласиться, но и потому, что ни Америка, ни Япония, ни другие страны не откажутся от собственного производства машин и других высококачественных изделий в угоду европейским промышленникам. Никогда нельзя забывать основного положения, что капиталистическое хозяйство—не плановое, а развивается через конкурентную борьбу. При таких условиях все разговоры о плановом распределении рынков и т. п., о разделении труда между отдельными странами—пустая буржуазная выдумка для скрытия истинного положения вещей и лишены всякого основания.

Взгляд, что европейский капитализм можно будет взять штурмом, оказался слишком оптимистическим: укрепившись в течение ста лет в хозяйстве и психике народных масс, капитализм, даже в корне подорванный войной, не мог быть в течение нескольких лет окончательно свален. Но отсюда еще далеко до „стабилизации“ его. Борьба против него приняла другие формы, пошла вглубь и потрясла основы капитализма, разбудив к классовой борьбе рабочие массы в Англии и на континенте и вызвав колониальные страны к борьбе за самостоятельное хозяйственное и национальное существование.

Буржуазия „неспособна более к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет“ (Коммунистический Манифест).

В Англии государство субсидиями поддерживает свою угольную промышленность, тратит ежегодно огромные средства на содержание безработных. В Германии к началу 1926 г. 1½ милл. рабочих получало пособия, или 2,38% населения. Затем безработица продолжала быстро возрастать.

В ноябре 10,5% всех организованных в профсоюзах были вполне, а 16% частично безработными. При чем в некоторых союзах, например, у рабочих по обуви, 71% были целиком или частично безработными! Среди членов союза рабочих по металлу безработных было 33%. Это ли означает „стабилизацию капитализма“?!

В известном смысле в мировом масштабе повторяются русские события: подобно тому, как в 1905 г. у нас движение рабочих и крестьянских масс не совпало по темпу и рабочее движение было почти уже задавлено в тот момент, когда разлилась волна крестьянских „беспорядков“, так при относительном затишьи в Европе подымаются Марокко, Сирия и Китай, которые своим освободительным движением наносят новый тяжелый удар дряхлому европейскому капитализму. Трудно сказать, сколько лет должно пройти, пока движение в колониальных странах совпадет с новой волной рабочей революции в Европе и окончательно сломит капитализм: двенадцать лет, как у нас, или больше, или меньше. Но несомненно, что колониальные войны сильно обостряют противоречия в развитии европейского капитализма и приближают его конец.

ИНДЕКС ОПТОВЫХ ЦЕН НА ВАЖНЕЙШИЕ ПРОДУКТЫ ПО МЕСЯЦАМ с 1919—1921 гг.

(по The agricultural crisis and its causes). (1913=100).

Месяц и год	Свиньи за 100 англ. фунт.	Индекс цен на живой инвент. ферм. (100 ф.)	Солонина за фунт	Баранина фунт	Рогатый скот лучших пород (100 ф.)	Молочные прод. фунт	Индекс цен на ткани и одежду	Индекс цен с.-х. прод.	Хлопок фунт	Шерсть фунт	Металл и металлич. изд.	Олово в слитк. фунт	Инд. пищевых прод.	Пшеница сев. № 1 бушель	Пшенич. мука боченок	Древесн. и строит. матер.	Сосна Дуглас. № 1 метр. ф.	Смеш. зерно № 2 бушель
1919																		
январь	209,6	192	226	172	223	199	234	222	231	280	172	159	207	254	247	161	190	224
февраль	[3]210,8	192	222	187	221	158	223	218	206	236	168	161	196	256	248	163	190	207
март	226,6	200	239	209	222	193	216	228	213	245	162	162	203	267	253	165	190	138
апрель	245,1	214	256	223	222	198	217	235	226	254	152	162	211	296	292	162	190	257
май	248,2	218	260	199	213	179	228	240	242	245	152	162	214	297	306	164	201	284
июнь	[4]247,0	213	[4]261	161	178	165	258	[4]231	256	285	154	160	204	281	[4]286	175	277	283
июль	265,7	222	264	155	195	164	282	246	274	289	158	156	216	307	268	186	310	307
август	254,9	221	261	151	[4]207	171	304	243	250	298	165	141	227	289	264	208	342	310
сентябрь	203,2	191	215	115	196	183	306	226	243	298	160	124	211	290	268	227	353	248
октябрь	175,2	174	178	123	209	208	313	230	277	315	161	125	211	301	279	231	353	224
ноябрь	175,1	169	181	127	[3]215	221	325	240	309	324	164	121	219	323	292	236	353	240
декабрь	163,7	164	178	137	215	219	335	244	308	324	169	123	234	347	332	253	364	237
1920																		
январь	180,4	173	174	153	198	203	350	246	307	341	177	142	253	336	338	268	407	240
февраль	173,5	177	173	200	182	201	356	237	303	350	189	134	444	308	305	300	407	232
март	172,6	178	166	190	172	214	356	[4]239	234	350	192	138	246	315	318	325	407	253
апрель	177,0	181	172	244	163	206	253	246	[4]331	[5]359	195	138	270	344	325	341	407	273
май	167,1	177	171	189	150	184	347	244	323	354	193	124	287	352	349	341	407	[6]319
июнь	176,0	175	167	167	182	177	335	243	307	263	190	109	279	332	333	337	320	296
июль	177,6	176	163	165	184	178	317	236	321	258	191	109	268	324	323	333	320	248
август	180,9	172	158	135	189	174	299	222	281	254	193	105	235	292	303	328	320	247
сентябрь	197,8	174	159	115	195	183	278	210	235	219	192	99	223	285	304	318	277	210
октябрь	176,6	166	171	111	194	183	257	182	177	197	184	90	204	[4]241	[3]265	313	266	142
ноябрь	144,9	147	150	120	185	190	234	165	148	171	170	82	195	201	218	274	178	129
декабрь	114,0	121	129	105	151	164	220	144	121	136	157	76	172	192	215	266	179	121
1921																		
январь	111,2	120	113	110	118	155	208	136	131	136	152	79	162	205	216	239	168	109
февраль	109,5	117	113	91	112	153	198	129	109	140	146	73	150	191	207	221	136	106
март	113,1	123	121	113	115	148	192	125	92	136	139	64	150	185	208	208	136	104
апрель	98,3	112	109	130	103	145	186	115	95	131	138	68	141	161	181	203	136	93
май	98,0	109	106	132	99	94	181	117	101	123	138	72	133	171	198	202	125	99
июнь	97,1	—	109	90	95	103	180	113	94	—	132	65	132	172	—	202	125	98
июль	116,3	—	111	102	99	126	179	115	97	—	125	62	134	165	—	200	125	98

Месяц и год	Общий товарный индекс	Обувь пара	Строительная сталь фунт	Индекс растительных с.-х. продуктов	Сосн. плитки для паркета метр. фут.	Кокс для печей мал. тонна	Индекс освет. и отопит. прод.	Бессем. железной болванки бол. тонна	Предметы домашней обстановки	Газетн. дело	Мягк. уголь мал. тонна	Канзасская нефть боченок	Портландск. цемент боч.	Цинк лом фунт	Газолин для моторов галлон	Очищенная нефть галлон	Антрацит мал. тонна
1919																	
январь	203	208	192	221	141	237	170	196	218	188	186	241	—	247	145	142	152
февраль	197	208	192	211	144	214	169	196	218	188	181	241	—	115	145	142	152
март	201	208	186	209	144	183	168	189	218	188	181	241	—	112	145	147	151
апрель	203	208	170	220	144	160	187	171	217	186	181	241	—	112	145	150	151
май	207	216	170	238	146	158	167	171	217	188	181	241	—	111	145	150	152
июнь	207	228	170	249	153	164	170	171	233	188	181	241	—	117	145	162	155
июль	218	240	170	252	164	168	171	171	145	188	181	241	—	135	145	166	156
август	226	249	170	267	175	173	175	171	259	—	181	241	—	135	145	177	158
сентябрь	220	285	170	258	213	188	181	171	262	—	204	241	—	130	145	178	160
октябрь	223	289	170	235	224	198	181	171	264	—	[3]204	241	—	136	145	178	160
ноябрь	230	291	170	227	224	243	179	182	299	—	186	252	—	140	145	178	161
декабрь	238	297	170	230	251	248	181	216	303	—	186	268	—	150	145	178	160
1920																	
январь	248	298	169	241	251	236	184	235	324	—	186	311	170	167	153	182	160
февраль	249	305	181	252	312	236	187	250	329	—	186	321	170	159	157	195	160
март	253	308	[3]206	255	312	236	192	253	329	292	186	375	170	153	166	203	160
апрель	265	308	219	270	359	414	213	254	331	278	250	375	170	[5]148	169	211	160
май	272	308	219	294	359	473	235	257	339	278	272	375	170	140	175	211	171
июнь	269	292	219	309	359	607	246	261	362	278	272	375	170	138	178	211	178
июль	262	292	200	304	359	680	252	275	262	278	272	375	185	141	178	211	180
август	250	292	194	268	352	694	268	286	363	278	272	375	194	143	178	211	183
сентябрь	242	292	200	239	352	655	284	294	371	292	322	375	200	135	185	224	198
октябрь	225	255	200	202	341	596	282	287	371	306	322	375	200	129	185	236	198
ноябрь	207	249	194	163	279	319	258	240	369	322	322	375	200	117	185	236	198
декабрь	189	249	175	135	279	232	236	215	346	286	322	375	200	103	185	236	199
1921																	
январь	177	233	[4]175	129	—	200	278	198	283	278	254	364	199	102	185	236	200
февраль	167	233	175	123	—	177	218	183	277	275	232	208	177	93	173	224	200
март	162	233	163	120	—	171	207	164	275	266	221	187	175	90	160	212	200
апрель	154	225	163	113	—	138	199	157	274	266	221	187	175	90	155	207	191
май	151	225	163	104	—	128	194	153	262	266	221	161	175	93	155	195	193
июнь	148	225	156	109	—	116	187	144	250	266	209	127	175	85	155	179	195
июль	148	225	146	—	—	111	184	133	235	257	209	107	175	82	140	179	198

[1] Department of Agriculture Monthly coop Reporter, June 1921.

[2] Данные Departm. of Labour. Средние цены. Индекс на зерновые хлеба составлен по 10 главн. видам таковых.

[3] Наивысшие данные; в отношении рогатого скота и свиней данные подвоза к главным рынкам.

[4] Относится к месяцу с наивысшей продукцией.

[5] Наибольший ввоз.

[6] Начало заметного увеличения импорта зерна.

ИНДЕКС РАБОТЫ ГЛАВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА В С. ШТАТАХ

1919 г.=100

	Сельск. хозяйство	Горн. дело	Промышленность (вся)	Железоделат. промышленность	Текстильн. промышленность
1919 средне-месячн.	100	100	100	100	100
1920 „	91	117	102	118	92
1921 „	105	92	80	57	94
1922 „	110	95	103	99	107
1923 „	108	132	124	129	111
1924 „	116	121	114	107	98
1919					
январь	108	108	100	128	98
февраль	71	85	88	112	78
март	70	90	95	112	83
апрель	77	89	96	93	95
май	80	97	96	80	99
июнь	87	97	96	89	100
июль	95	108	101	101	107
август	100	110	108	112	104
сентябрь	115	114	105	98	105
октябрь	142	127	107	74	116
ноябрь	131	175	104	95	105
декабрь	123	100	103	105	109
1920					
январь	105	118	112	121	116
февраль	82	104	106	118	109
март	81	119	118	135	115
апрель	60	102	109	108	112
май	69	108	110	118	104
июнь	81	117	108	122	96
июль	81	117	101	116	87
август	83	123	104	123	87
сентябрь	103	115	101	123	83
октябрь	119	128	97	125	74
ноябрь	124	124	85	110	63
декабрь	104	125	75	98	54
1921					
январь	106	106	74	92	72
февраль	87	91	69	73	75
март	90	93	80	64	90
апрель	77	85	78	49	91
май	89	92	81	51	95
июнь	98	92	80	41	100
июль	101	85	75	33	93
август	117	92	85	45	102
сентябрь	128	90	83	46	104
октябрь	146	102	89	63	104
ноябрь	111	93	86	65	106
декабрь	108	87	78	60	100
1922					
январь	99	96	84	67	110
февраль	90	101	82	72	97

	Сельск. хозяйство	Горн. дело	Промышленность (вся)	Железоделат. промышленность	Текстильн. промышленность
март	83	122	98	96	106
апрель	73	61	95	99	91
май	101	70	109	109	105
июнь	98	73	109	107	105
июль	99	66	103	103	95
август	109	79	110	89	111
сентябрь	137	103	106	96	108
октябрь	160	122	118	117	116
ноябрь	139	122	120	120	122
декабрь	131	126	113	118	112
1923					
январь	114	133	121	134	125
февраль	80	117	116	122	120
март	89	134	134	143	126
апрель	78	128	131	140	123
май	85	137	138	150	120
июнь	85	135	128	136	109
июль	91	136	118	130	99
август	111	142	126	132	105
сентябрь	128	125	117	119	99
октябрь	158	142	128	126	107
ноябрь	144	130	118	112	105
декабрь	130	123	109	104	94
1924					
январь	104	136	122	126	116
февраль	95	128	123	131	106
март	80	126	127	145	100
апрель	77	109	122	122	98
май	86	113	112	96	89
июнь	86	109	97	75	77
июль	100	112	97	67	81
август	120	114	104	87	83
сентябрь	152	123	112	96	98
октябрь	189	132	123	108	113
ноябрь	160	120	112	108	105
декабрь	142	131	115	124	110
1925					
январь	118	140	127	145	121
февраль	88	119	120	132	114
март	86	123	134	147	122
апрель	72	118	132	128	119
май	79	125	129	121	109
июнь	83	125	125	112	105
июль	88	129	126	109	107
август	104	136	121	118	104
сентябрь	152	121	126	120	107
октябрь	166	130	141	134	118
ноябрь	159	125	129	134	115
декабрь	—	—	—	—	—

ДОБЫЧА УГЛЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ в %% к 1913 г. [1]

	С. Штаты		Англия	Германия	Франция	Бельгия	Япония	Канада	Южн. Афр.
	Мягкий уголь	Антрацит							
1913 ср. мес.	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1914 „	88	99	92	85	67	73	105	91	96
1915 „	93	97	88	77	48	62	96	88	94
1916 „	105	96	89	84	52	74	107	96	114
1917 „	115	109	86	88	71	65	124	94	118
1918 „	121	108	79	84	64	61	132	100	112
1919 „	97	96	80	61*	54*	81	147	91	117
1920 „	119	98	80	69*	85*	98	137	88	130
1921 „	87	99	66	72*	94*	95	109	78	131
1922 „	90	58	86	69*	106*	93	115	74	111
1923 „	114	104	97	31*	117*	100	124	89	135
1921									
сентябрь	90	97	73	73	100	99	101	83	135
октябрь	112	103	75	76	98	100	108	83	123
ноябрь	92	93	80	74	97	95	112	78	125
декабрь	79	81	83	75	107	103	123	83	124
1922									
январь	98	86	79	77	104	98	107	69	98
февраль	106	93	77	72	100	92	112	72	75
март	130	120	91	85	112	103	125	86	103
апрель	41	(7)	77	71	96	91	123	47	101
май	53	(7)	88	77	101	90	119	52	124
июнь	58	1	71	57	100	88	118	63	122
июль	44	2	83	61	103	88	110	60	124
август	67	2	89	64	108	89	109	50	119
сентябрь	107	65	91	64	109	90	103	92	116
октябрь	117	112	95	68	113	96	118	99	116
ноябрь	118	112	97	66	110	95	123	101	117
декабрь	121	111	91	61	112	95	116	101	112
1923									
январь	126	114	99	55	123	105	123	109	123
февраль	106	102	91	46	77	84	117	97	114
март	117	123	106	48	90	101	117	96	127
апрель	107	106	91	34	90	96	134	91	134
май	116	112	104	26	103	95	129	95	146
июнь	114	114	99	22	128	103	133	96	141
июль	113	109	90	21	127	98	122	67	138
август	123	116	89	19	133	101	118	108	148
сентябрь	116	38	94	21	130	99	118	77	134
октябрь	123	114	106	23	143	110	118	82	143
ноябрь	108	102	104	21	135	110	118	76	142
декабрь	100	105	90	37	128	102	137	72	132

---

[1] Survey of Current Business; для 1924 и 1925 нами вычислено.

* Новые границы, начиная с 1919 г.

	Соед. Штаты	Англия	Германия	Франция	Бельгия	Япония	Канада	Южн. Афр.
1924								
январь	132	98	55	145	115	127	74	135
февраль	119	100	61	141	111	111	74	130
март	103	101	68	147	111	138	109	138
апрель	76	94	66	140	158	131	70	140
май	81	100	17	108	105	133	48	148
июнь	79	78	57	133	97	127	50	140
июль	84	91	71	148	104	129	51	150
август	90	84	78	144	89	111	46	144
сентябрь	106	92	71	147	82	123	54	146
октябрь	121	96	75	157	101	134	72	150
ноябрь	106	88	67	139	99	—	70	136
декабрь	116	92	71	148	105	—	—	148
1925								
январь	130	94	75	138	112	128	76	137
февраль	98	88	66	145	100	129	67	138
март	94	94	72	158	107	149	43	151
апрель	85	84	65	147	101	143	37	154
май	89	85	65	144	96	142	46	151
июнь	93	73	62	144	94	—	51	149
июль	99	88	70	132	100	—	—	150
август	113	69	69	113	97	—	—	178
сентябрь	2	72	—	—	—	—	—	—

ВЫПЛАВКА ЧУГУНА И СТАЛИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

в %% к 1913 г.[1]

ЧУГУН

	Соед. Штаты	Англия	Канада	Франция	Бельгия	Люксембург
	100	100	100	100	**100**	100
1913 средн.-мес.	75	—	—	—	—	—
1914 "	75	87	69	52	58	72
1915 "	97	86	81	11	3	63
1916 "	127	88	104	29	5	77
1917 "	124	92	104	33	(*)	60
1918 "	126	88	106	25	—	50
1919 "	100	72	81	46	19	24
1920 "	120	78	96	64	45	27
1921 "	54	25	60	65	35	38
1922 "	87	48	38	97	665	66
1923 "	130	73	87	102	88	55
1921						
сентябрь . . .	38	18	52	56		42
октябрь	49	28	60	59		47
ноябрь	55	32	57	68		44
декабрь	64	32	48	69		48

---

[1] Survey of Current Business; для 1924 и 1925 исчислено нами по бюллетеням Лиги Наций и лондонскому „Экономисту“.

	Соед. Штаты	Англия	Канада	Франция	Бельгия	Люксембург
1922						
январь	64	34	38	72	—	48
февраль . . .	64	35	40	74	—	46
март	80	46	50	89	—	63
апрель	81	46	40	88	—	62
май	90	48	27	102	—	67
июнь	92	43	35	96	—	68
июль	94	47	38	99	—	71
август	71	48	33	103	—	70
сентябрь . . .	79	50	30	106	—	72
октябрь	103	56	44	116	—	78
ноябрь . . .	111	58	42	118	—	73
декабрь	121	62	43	118	—	75
1923						
январь	126	66	49	112	—	67
февраль . . .	117	64	52	71	—	42
март	138	74	77	73	—	45
апрель	139	76	100	81	—	45
май.	151	84	121	91	—	41
июнь	144	81	118	103	—	42
июль	144	77	98	100	—	58
август	135	70	111	112	—	64
сентябрь . . .	122	65	89	111	—	60
октябрь. . . .	123	69	88	118	—	63
ноябрь	113	70	74	124	—	65
декабрь. . . .	114	73	71	130	—	72
1924						
январь	118	74	76	135	101	76
февраль . . .	120	72	72	136	99	78
март	135	78	93	145	111	88
апрель	126	72	100	150	116	88
май	102	76	101	152	119	87
июнь	79	71	68	147	114	83
июль	70	72	54	147	119	85
август	74	69	27	151	118	85
сентябрь . . .	80	66	28	148	115	83
октябрь	97	69	34	152	119	89
ноябрь	98	68	27	147	105	87
декабрь	116	68	27	153	119	95
1925						
январь . . .	132	66	34	154	120	93
февраль. . . .	126	63	35	147	119	83
март	139	71	76	159	136	94
апрель	127	67	72	158	129	88
май	114	66	75	163	133	90
июнь	104	60	55	162	103	90
июль	104	58	25	167	81	96
август	106	52	31	164	80	95
сентябрь . . .	106	—	—	—	—	—

СТАЛЬ

	Соед. Штаты	Англия	Канада	Франция	Бельгия	Люксембург
1913 средн.-мес.	100	100	100	100	100	100
1914 „	75	102	71	56	57	96
1915 „	103	112	87	23	4	82
1916 „	137	120	122	41	4	109
1917 „	144	128	149	47	(*)	89
1918 „	142	125	161	38	(*)	72
1919 „	111	103	89	46	14	32
1920 „	135	118	106	62	51	50
1921 „	64	47	64	63	32	62
1922 „	114	76	47	94	63	115
1923 „	144	111	85	105	93	96
1924 „	—	—	—	—	—	—
1921						
сентябрь . . .		67	64	60	17	76
октябрь . . .		63	83	52	16	82
ноябрь		69	86	72	23	70
декабрь . . .		60	49	76	31	81
1922						
январь	75	51	38	80	39	76
февраль . . .	82	66	48	80	41	75
март	112	86	34	93	52	101
апрель . . .	115	63	25	82	47	99
май	128	72	18	92	58	113
июнь	124	63	38	90	55	123
июль	117	74	72	93	56	127
август	104	82	69	100	74	130
сентябрь . . .	112	87	41	103	83	134
октябрь . . .	135	88	62	109	89	138
ноябрь . . .	136	94	60	104	86	131
декабрь . . .	131	85	54	105	82	133
1923						
январь	152	98	55	163	87	122
февраль . . .	138	111	54	73	77	73
март	161	126	102	80	90	78
апрель	157	117	107	90	83	72
май	167	128	120	101	84	73
июнь	149	120	110	108	92	95
июль	140	98	85	101	89	109
август	146	91	121	114	104	105
сентябрь . . .	133	109	76	113	95	125
октябрь . . .	142	110	77	120	105	121
ноябрь	124	117	63	124	106	99
декабрь . . .	113	102	47	133	101	—
1924						
январь	144	109	48	138	113	145
февраль . . .	151	120	82	142	110	149
март	166	128	109	147	118	154
апрель	132	111	120	145	118	155
май	104	127	125	153	122	150
июнь	81	102	80	142	110	142

	Соед. Штаты	Англия	Канада	Франния	Бельгия	Люксембург
июль	74	108	60	145	120	155
август	101	83	27	148	117	154
сентябрь	112	101	20	153	120	156
октябрь	123	106	23	156	125	166
ноябрь	123	104	27	143	100	156
декабрь	141	86	31	155	119	171
1925						
январь	166	100	32	154	120	169
февраль	149	102	43	144	117	155
март	166	107	11	153	131	176
апрель	142	94	216	148	122	165
май	137	102	2	151	123	165
июнь	127	92	186	152	96	169
июль	122	92	26	158	76	182
август	136	75	28	156	73	172
сентябрь	138	100	—	—	—	—